Акарат а Ра (или Исповедь военного летчика)

Сергей Крупенин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Акаракт а Ра – дословно означает осознание зла. В жанре фэнтэзи поднимается новое ощущение мироздания, основанное на данных современных отраслей науки и древней науки каббала, которые не только не противоречат, но и дополняют друг друга. Все данные приведенные в повести можно проверить самостоятельно.

- Сергей Крупенин
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - От автора.

Сергей Крупенин
Акарат а Ра
(или Исповедь военного летчика)

Лошади, которая знает, что она лошадь, нет в природе.

Главная задача человека состоит в том, чтобы усвоить: он – не лошадь.

ДОВ БЕР ИЗ МЕЖЕРИЧА

Пролог

Михаил вернулся домой в 3.15 ночи. Эти самые 3.15 навязчиво и зелено горели в темноте над телевизором. Старая военная привычка следить за временем сработала. После увольнения из армии он всячески пытался отделаться от поминутного, а порой посекундного отсчета своей жизни и снял часы с руки в день получения приказа об увольнении и более не одевал никогда. Почему так с часами. Полезный вообще-то прибор. Ему почему-то казалось, что с общепринятым понятием времени не все в порядке. Почему? Объяснения у него не было. Так, ощущение. Но привычка – вторая натура. Банальность, конечно, но правдивая.

Квартира пуста. Опять. Последнее время она часто пуста. Жена уже ушла. А может быть, еще не пришла. Кто ж знает, черт подери ее! Свет не хотелось зажигать. Чего его зажигать? Все, что есть в доме, стоит на своих, хорошо известных местах, а темнота скрывает ставшую в последние месяцы привычной запущенность небольшой, но когда-то очень уютной квартирки. Михаил сел на кухне не раздевшись. Нащупал пепельницу и какую-то чашку. Вытащил из кармана куртки банку пива и дернул ключ. Пиво недовольно зашипело и плюнуло пеной на руку и рукав. «Вот ведь гадость, какая. Пиво теплое!». Дрянь. Все дрянь. Все вообще! Раздражение накатывало. Накрывало все сильнее. И не хотелось и не моглось его гасить. Кровь порядком уже подогретая алкоголем вскипала. Руки сжались в кулаки до боли. Особенно в правой. В ней оказалась банка, раздавленная всмятку, пиво из которой уже текло по столу и на пол и на колени. Михаил вскочил инстинктивно – стул упал с грохотом, резко прозвучавшим в ночи. Банка с силой, брошенная в стену снесла с холодильника горшок с цветком. Да что же это такое! Под ноги попался опрокинутый стул. Прямо по косточке. Как больно! Ах ты, гад, ползучий! От удара стул отлетел в угол. Там разлетелось еще что-то стеклянное. От досады он треснул кулаком по столу – чашка брызнула осколками, часть которых осталась в руке, разорвав плоть. Вот, дрянь! Все события последнего года навалились одновременно и закружились в хороводе неразрывной чередой. Полный развал бизнеса, которым он занимался последнее время, цепь попыток его наладить перемежающаяся попойками для снятия стресса с загулами до утра, которые довели жену до отчаяния и ухода в виртуальный мир Интернета с головой и телом. Подлость партнеров по бизнесу. Наезды кредиторов. И еще бог знает сколькими более мелкими, но не менее неприятными

событиями последнего времени, которые завершали его любовь к человечеству и текущему мироустройству окончательно.

Затуманенное сознание не справлялось с хаосом эмоций. От всего этого было только почти физическое ощущение черноты во вздыбившейся душе, еще более усугубляющее темноту разгромленной кухни.

Михаил стоял посреди бывшего домашнего очага и тихо рычал от бессилия. Он не умел сдаваться. Его всю жизнь учили именно не сдаваться. И он бился с неудачами с упорством. И это вовсе не страшило его. Страшно было другое. То, что все, что было фундаментом его жизни: долг, честь, семья, друзья, страна – все, все это разрушилось за какой-то год-полтора. И люди, которых он любил и считал своим долгом защищать, как его учили, стали ненавистными и презираемы им. Это порождало страшную пустоту в душе. Практически невыносимое состояние. И еще – ему больше не хотелось бороться. Он больше не хотел вообще ничего! Ни любви, ни денег, ни славы, ни знаний. Ничего… Осталось только острое сожаление о жене. Они прожили очень хорошую жизнь в любви, вырастив замечательного сына. И теперь стали почти чужими и даже враждебными друг другу. Это обстоятельство злило более остальных.

Казалось, что мир рассыпался. Но рассыпался как-то уж очень пошло. Неправильно как-то. Нечестно! И кто же в ответе за все это? Михаил поднял лицо вверх и впервые в жизни подумал о Том, Кто мог все это устроить. «Эй, ты там, наверху!». Глухо сказал, но скорее зарычал, срываясь на хрип: « Если ты есть вообще. Это, что за дерьмо ты тут натворил? И, что тебе этот бардак сойдет с рук?». Впервые за много лет по его щекам полились слезы. Слезы жуткой злости и отчаяния и он их пытался вытереть рукой не видя, что она в крови. «Я хочу дать тебе в морду! Я вызываю тебя биться! Появись и отвечай. Мне наплевать, что ты меня убьешь. Наплевать мне на такую жизнь. Только появись!». Пульс с такой силой бил в виски, что, казалось, голова лопнет. Но тихо. Конечно же, тихо. «Нет тебя! Или ты наделал это все и свалил!? Или ты просто садюга и наслаждаешься сейчас!? Твои создания всю свою никчемную жизнь посвящают тому, чтобы бить и жрать себе подобных. Загадили всю планету до ручки. И все их достижения только в том, что они могут теперь совсем разнести ее термоядом на молекулы! Если бы мог я сбросить тебя с твоего места, я бы сделал все иначе. Люди не страдали бы так!». Тихо. Навалилась тупая, тяжкая усталость и он, сбросив с себя где-то по дороге куртку, побрел, натыкаясь на стены в спальню, к кровати. Заснул еще, не коснувшись подушки.

Пробуждение было невеселым. Спать можно было бы хоть до

самой смерти. С работы ушел, из последних сил пытаясь соблюсти приличия и не послать, куда следует начальника. Может, и зря не послал. Затраченное эмоциональное усилие тут же потребовало алкогольной релаксации в компенсацию. Проснулась память. «Так вот почему так тошно! Боже как хреново! Язык вообще прилип к небу. А вкус во рту! Вроде не унитазом на вокзале работал, а вкус тот еще. Хорошо бы так вот плавно из сна, да и в смерть. «Не заслужил видать» горько подумал. Ну, какой же идиот не закрыл шторы? Блин, солнце в глаз прямо». Пришлось вставать. Шарил по полу сидя на кровати в поисках домашних тапочек. Обнаружилось, что ноги в носках, а рядом вместо тапок грязные ботинки. «Вот, черт, а пить то, как охота!» Побрел на кухню. «Хоть бы минералка была в холодильнике». Вид кухни не радовал. Особенно земля из горшка с цветком на холодильнике и по всему полу. Но минералка была. Нет ничего вкусней газированной холодной воды из горла! «Где же тапки, черт их дери? А, вот они подлые». В коридоре привычно глянул в зеркало. «Ну и рожа!» Из зеркала смотрело лицо знакомое отчасти, с всклокоченными довольно длинными волосами неопределенного цвета. Под мутными, со следами былой голубизны, глазами наметились мешочки. На щеке разводы запекшейся крови. Рука тут же заныла. А – вспомнил – чашка. Выражение лица как у дохлого карпа. Уголки губ привычно уже опущены. «Это кто? – подумал он – это, что я, блестящий в недавнем прошлом, военный пилот. Старший офицер? Гордый и достойный восхищения жены и сына?». Горькая усмешка отразилась в зеркале. Объективно фигура еще подтянутая, хотя все внутри мелко дрожит. «Да уж, приплыли!. Ладно, не помер – надо жить». Последняя надежда на душ. По пути попалась брошенная на пол вчера (или сегодня?) куртка. Поднял, повесил на вешалку. Опять привычка. Из кармана куртки наполовину вывалившись, торчала какая-то книга в кожаном переплете. «Странно, откуда бы?». Да ладно, душ – надежда на жизнь, все остальное так неважно.

Через полчаса стояния под водой, побритый и вымытый, он выбрался из ванной. Удивительное свойство воды. Льет вроде снаружи, а внутреннее дрожание также унимает.

«Где же эта коза? Где ее носит?». Взгляд на часы стоящие на телевизоре. Не видать ничего. Ночью светились как сверхновая, аж орали 3.15, а сейчас тускло до невидимости. Нет, все же со временем в этом мире не все так просто. Циферблат электронных часов пришлось прикрывать рукой от солнечного света, чтобы увидеть цифры. 12.20. Опять накатывает раздражение. «Да знаю я, где тебя носит. В Интернет кафе за три улицы от дома. Последние

деньги просаживаешь. Каждый день и ночь там сидишь. Что люди подумают?» Завертелись злые рудиментарные мысли. Вот вроде бы и чужие уже друг другу, а сердце щемит. Почему так все получилось? Боль в руке тут же проснулась. Опять кулаки. Агрессор чертов.

Подошел к зеркалу. Ну, получше, конечно. Под глазами-то еще плоховато, но не полный секонд-хенд – уже хорошо. Сзади что-то упало мягко. Оглянулся – небольшая, карманного формата книжка в необычной кожаной обложке. Таких ныне не выпускают давно. «Таки вывалилась. Откуда ты взялась?». Михаил поднял книгу. На ощупь обложка была как живая человеческая кожа. Мягкая и теплая, даже чуть влажная. Он потер ее пальцем. Ему показалось, она чуть заметно пульсирует. «Больше никогда не возьму в рот эту гадость» – родилась ответная мысль. Михаил открыл книгу. Листы бумаги были также необычными. Толще современной стандартной, используемой в книгопечатании бумаги раза в два, но более как бы мягкой при этом. И она была темно желтой, даже коричневатой, как у старинных книг. Он их видел в музеях под стеклом витрин. «Ну и дела!» проскочила мысль. «А в музее я вчера не был случайно?» встревожился рассудок, производя срочную ревизию ближайшего прошлого. Да нет, вроде бы? На первой странице очень красивым почерком и явно от руки было написано какое-то стихотворение. Буквы также стандартностью не страдали. Написанные зеленоватыми с оттенком позолоты чернилами как из его детства они, казалось, были в глубине бумаги, а не на ее поверхности. Михаил провел рукой по странице. Она была совершенно гладкой. Следов пера либо литер от печатного станка не ощущалось. Чудно как-то. А написано-то, что? В коридоре было темновато, и он неосознанно прошел в комнату к свету. Буквы слегка, но вполне заметно плавали в тексте в зависимости от перемены освещения. Мысль отказаться от спиртного навеки еще более утвердилась. Он начал читать:

«Знай, до начала творения был лишь высший, все собой заполняющий свет.
И не было свободного незаполненного пространства –
Лишь бесконечный, ровный свет все собой заливал.
И когда решил Он сотворить миры и создания, их населяющие,
Этим раскрыв совершенство Свое,
Что явилось причиной творения миров,
Сократил себя Он в точке центральной своей –
И сжался свет и удалился,

Оставив свободное, ничем незаполненное пространство.
И равномерным было сжатие света вокруг центральной точки
Так, что место пустое форму окружности приобрело,
Поскольку таковым было сокращение света.
И вот после сжатия этого в центре заполненного светом пространства
Образовалась круглая пустота, лишь тогда
Появилось место, где могут создания и творения существовать.
И вот протянулся от бесконечного света луч прямой,
Сверху вниз спустился внутрь пространства пустого того.
Протянулся, спускаясь по лучу, свет бесконечный вниз,
И в пространстве пустом том сотворил все совершенно миры.
Прежде этих миров был Бесконечный,
В совершенстве настолько прекрасном своем,
Что нет сил у созданий постичь совершенство Его –
Ведь не может созданный разум достигнуть Его.
Ведь нет Ему места, границы и времени.
И лучом спустился свет
К мирам, в черном пространстве пустом находящимся все.
И круг каждый от каждого мира и близкие к свету – важны,
Пока не находим мир материи наш в точке центральной,
Внутри всех окружностей в центре зияющей пустоты.
И так удален от Бесконечного – далее всех миров,
И потому материально так окончательно низок –
Ведь внутри окружностей всех находится он –
В самом центре зияющей пустоты…»

«Ерунда какая-то…» Он не додумал эту мысль потому, что все вокруг начало плавно с ускорением вращаться по часовой (опять часы будь они не ладны) стрелке и окружающие предметы становились прозрачными. «Во, блин, центрифуга …» Беззвучная вспышка яркого, но не резкого, даже приятного для света такой интенсивности и затем полная темнота и абсолютная тишина на фоне ритмичного звука. «Я умер? Но я мыслю. И я слышу какой-то стук. А, это мое сердце стучит. А тело где? На месте вроде, только легкое очень. Как на перегрузке ноль в самолете…»

Глава 1
Днем ранее. Странный малый.

Утро не задалось. Как, впрочем, и многие предыдущие последнего полугодия. А последние полгода Михаил работал в бухгалтерской фирме замом. Как ему нарисовали при приеме (по протекции, кстати), его обязанности были широкими и носили творческое начало. Он с энтузиазмом взялся за дело и, обнаружив ряд системных недостатков в работе фирмы, начал их радостно исправлять. Это была первая ошибка дилетанта. Порой некая бессистемность и есть система, как и было в его случае. Руководство – пожилая, мудрая «лиса» напряглась. Но вида не подала. Она долго выстраивала свою систему с двойным дном и не ему уж, конечно, было ее ломать. Далее, поскольку, кроме него в коллективе из 15 женщин мужиков не было, он допустил еще один промах. Уже фатальный. Он позволил себе глупость думать что, относясь ровно и уважительно ко всем, он, тем самым, улучшит рабочий климат и, как следствие, производительность труда. Михаил, как большинство мужчин в женском коллективе, был глухим слепцом среди зрячих и слышащих. Ему совершенно не видна была иерархия коллектива где, по его мнению, царила всеобщая любовь, равенство и взаимовыручка. Имеет ли границы мужское скудоумие!? Он буквально умилялся семейности обстановки в трудовом коллективе, где справлялись все дни рождения работников, а также множество государственных и религиозных праздников многоконфессионального по составу предприятия. Умиляли и ежедневные коллективные и обильные обеды домашними харчами, кои приносились в судках и кастрюлях из дому и щедро метались на общий стол. Несколько озадачивала, правда, регулярная добавка спиртного ко столу персонально от директора, которая принималась на «ура». Ведь по чуточке-то можно! Для шустрости бухгалтерской мысли мол. От этой ежедневной радости его, кстати, спасало только постоянное сидение за рулем казенного авто. Несколько озадачила также и секретность величины заработной платы сотрудников. Они были вызываемы в кабинет начальства строго по одному, где и вручалось им кровно заработанное, но такое потаенное. То, что зарплату платили «в конверте» вовсе не странно. Так все делали, ускользая от бремени налогов. Но почему внутри коллектива это тайна – вот вопрос? В конце концов, он выяснил причину – зарплата была примерно вдвое ниже, чем в аналогичных фирмах. Старая лиса создала свой

личный и отлично функционирующий курятник. И управляла им мудро. Да так, что куры были счастливы в нем отдавать все силы на общее благо. Они называли ее мамой! В управлении ей помогали две особо приближенные курицы. Они пользовались льготами. Финансовыми, в том числе. Информированность оплачивается всюду. Но также с их точки зрения были законны и претензии на его, зама, «особое» внимание, которого он легкомысленно не проявлял. И, тем более, что из всех женщин предприятия, не отличавшихся изяществом и притягательностью форм по причинам пристрастия к желудочным утехам, эта парочка совсем уж не пролезала в параметры. После некоторого ожидания, поняв его дремучесть в межполовых вопросах, дамы откровенно заявили о своих претензиях ошарашенному слепцу и, не получив желаемого, обратились за разъяснениями к лисе. А лиса, поняв уже, что ее заместитель бесперспективен в плане счастливого самопожертвования ради яйценоскости курятника, дала отмашку. Ату его, мол. Мало, что есть более алогично-агрессивного и жестокого, чем куриная стая. Короче, надо было увольняться, пока хуже не стало. В это утро сия данность была как-то особенно очевидна. Михаил написал заявление, предвосхитив театрализацию со стороны директора, громко и четко, чтобы все слышали, изложил, семейные якобы, обстоятельства увольнения и, прихватив расчет, был таков еще до обеда.

Бодро выскочив на волю, он пошагал по улице. Минут через пять быстрого шага и, дыша полной грудью, задался вопросом «Куда иду-то?». Вокруг простирался миллионный город, а пойти некуда. И не к кому. Домой в пустую квартиру тем более не влекло. На душе после некоторой эйфории пустота. А ведь и вправду некуда идти. Знакомые (не друзья, их у него в этом городе вовсе не было), все были на работе. Сына, жившего своей семьей, он, оберегая от стресса, вообще держал в неведении о развале отношений с женой. Жена тоже. Сел на лавку в сквере, закурил. Так вот живешь, живешь, карябаешься, а, что в итоге? Закрутилась мысленная жвачка воспоминаний. Ну, родился. Рос смышленым и резвым мальчиком. Давалось все легко, играючи. В школе, музыкальной школе, не корпя над книгами, все сдавал вовремя. В летном училище был одним из лучших на курсе курсантом. Тоже без напряга. Далее служба. Летал хорошо, отмечали, награждали, предоставляли. Доверяли не по годам. Все путем, без напряга. Женитьба. Жена красавица – все заглядывались. Сын учился так же легко – порой не знали, в каком классе учится, на каком курсе. Смышлен во всех отношениях. Стала разваливаться страна – уволился. Тоже все

путем. Первым из бывших военных пошел в бизнес. Быстро освоился. Вышел на уровень. Писали республиканские газеты. Нормально, без напряга. Единственно, куда сунувшись, тут же выскочил сам – политика. Уж больно воняло там! Но без потерь. Все путем. Снова бизнес.

И тут понесло! Все начало рассыпаться в прах. Стремительно! Когда все началось? Где эта точка, с которой началось? И заходилась в вопросе мысль: « Я никому не делал плохого. Честно служил, любил, воспитывал, вел бизнес. Без напряга, конечно, но ведь честно! За что ж меня так-то вот?». Закончились сигареты, собрал окурки в пачку и побрел искать урну. Вот бардак! Лавка есть, а урны нет. Видать уперли на металлолом. Никогда не мог бросить мусор на землю. Всегда было неудобно перед дворником, которого и в глаза-то не видел никогда. Все ведь бросают. Дворников для того и выдумали, между прочим. Такой вот комплекс, понимаешь ли.

Урна нашлась метрах в двухстах от лавки. Пока шел, снова захотелось курить и поесть да и выпить чего-нибудь после всего, что было с утра. В кармане, к тому же некоторое излишество дензнаков как некое подслащение неприятного, в общем, события – увольнения с работы. Огляделся, вокруг тихие дворики старого центра города. Не злачное, прямо говоря местечко. К удивлению метрах в десяти обнаружилась скромная вывеска «Горячие блюда». Без претензий, правда, но если и впрямь горячие – это то, что надо прямо здесь и сейчас. Модный слоган застрял в голове как гвоздь. За дверью оказался зал с низким, оформленным деревянными рейками лет пятнадцать назад потолком, сравнительно чистый. С десяток совершенно пустых столов и бар разумно расположенный для радости посетительского глаза прямо напротив двери. И никого, включая персонал. Правда, запах свежеприготовленной пищи присутствовал. Это вселяло надежду исполнить замышленное. А бар напрочь отметал сомнения в принятии решения.

– Эй, хозяин!

Воззвал он негромко. На зов вышла дама в белом переднике и нелепом кокошнике из целлулоида, бисер на котором подтверждал, что это именно кокошник. Дама была дородна телом и спокойна лицом. Она обстоятельно заняла свое место за стойкой бара, не торопясь, взяла бокал, полотенце и, только начав его протирать, спросила.

– Чего изволите?

Михаил был слегка ошарашен этим оборотом речи, примененным в данном заведении.

– Будьте любезны, посоветуйте мне чего-либо достойного к

обеду и из напитков также.

Он поневоле перешел на предложенный язык. Дама набычилась, непроизвольно сдвинула набок явно непривычный кокошник и пристально посмотрела на наглого посетителя.

– В меню все написано.

С нажимом ответствовала она, протягивая ему коленкорового переплета меню. На нем золотом была вытиснена уже затертая почти надпись «Мэню». «Слава богу, все в порядке – успокоился – а то «Чего изволите?». Не надо посетителей так пугать. А как на слабонервного нарвешься?» Тетка, явно проработавшая в общепите всю свою не короткую жизнь, была вынуждена подчиняться требованиям нового времени. И, в частности, нового хозяина – недоучки явно тяготеющего к фильмам о временах НЭПа. Она же лично, взрощеная родным советским общепитом, считала все новшества неокапитализма ненужным вредным фарсом.

– Ну, что выбрал чего, или как?..

Подозрительно спросила дама. Михаил, окончательно успокоившись от привычного хода вещей, назвал выбранные блюда и напитки. Устроившись за столиком у окна в ожидании обещанного желудочного удовлетворения, он стал рассматривать прилегающее к заведению пространство, отмечая, куда ведут дорожки, сквозные арочные проходы в домах, ориентируя все это по сторонам света и относительно города. Примечал, кто сидит перед подъездом или идет и куда именно. «Никогда не отвыкну, наверное. Вот ведь втемяшили в голову педагоги военные». На детской площадке, явно не по погоде одетый, взглядом уткнувшийся в песочницу безо всяких следов песка, сидел мужичок. Практически без движения. «Вот еще один неприкаянный. Холодно ему, небось. Весна ранняя, однако. Хоть и южная, но невнятная в этом году» пожалел он. В зал вплыла дама с кокошником и с подносом. Она двигалась так, что, казалось, плывет над полом. «Профессионализм» – уважительно подумал. Салат, суп харчо, баранина с картофелем фри. Отметил – свежее и горячее. Без обмана. Двести грамм водки в графинчике и стакан апельсинового сока тоже привлекали. Аппетит, подогретый спиртным, заставил быстро разделаться с пищей. Недурно, недурно. Напряжение утра начало таять. Закурил, экспроприировав пепельницу за соседним столиком. Пока занимался чревоугодием, в зале появились еще человек десять жаждущих желудочных утех и сопровождающий их гомон. Мужики, в основном, из близлежащих контор, судя по деловитости и одежде, но двое из них в одинаковых совершенно черных теплых куртках с капюшоном, явно не вписывались в

общий типаж. Они также сели за столик у окна, и также пялились наружу, не проявляя интереса к происходящему внутри заведения. Неспешность и обстоятельность их заказа выдавали отсутствие лимита времени. «Да мало ли какие дела у людей. Может тоже деваться не куда?» Правда, отметилось, что внимание этих джентльменов неотрывно было приковано к фигуре «мыслителя» в песочнице. «Вот как. Люди тоже жалеют сердешного» подумалось с пониманием.

Строгая дама снова образовалась у его столика. Деловито убрав пустую посуду, оставила, однако, рюмку.

– Еще соку?

Интеллигентно поинтересовалась.

– Конечно, будьте любезны… и водки грамм двести и салатику, пожалуй.

Да уж профессионализм не скроешь даже дурацким кокошником. «Странное дело химия – подумал он – стоит изменить химический статус организма и мир меняется. Он был невыносимо плох и вот – ничего себе так. Всего– то спирт с водой введен «пер орально», а вроде как солнце проглянуло сквозь тучи». Значительно снизилось ощущение беды и тревожность последнего времени. «4.30, надо же как незаметно ускользает время». Цифры он взял с циферблата часов – тарелки над баром. И смеркается уже. Бросил взгляд в окно. Мужик в песочнице слегка поменял позу. «Крутой мужик, йог может? Или совсем уж хреново ему» подумалось. Стало как-то неуютно. Опять комплекс. Ну, сидит себе человек на холодке, может ему и не плохо вовсе, а наоборот. Правда, все это как-то неубедительно. Была бы я мать Тереза – сходил бы, позвал в тепло. А так поймут неправильно. Оправдывайся потом еще. Отогнал неуместные душеспасительные мысли. Скучно. Подошли два парня лет двадцати пяти. Свободно?.. Да, пожалуйста. Парни заказали харчи, выпить немало. Разговорились ни о чем. Погода. Футбол… Еще час долой. Двести грамм сделали свое дело. Мир сузился до размеров зала. За окном нет объектов для наблюдения. Стемнело. Вот и вечер, длинный еще, как зимний, пустой. Как пережить тебя?

Хоровод посетителей «Горячих блюд» все крутился. Стали меняться типажи. Все больше появлялись люди располагающиеся скоротать время до ночи. И вот в проеме двери показался мужик из песочницы. А точнее парень. На вид лет двадцати пяти – двадцати восьми. Довольно длинные темные кудрявые волосы почти закрывали карие, смышленые глаза. Лицо было покрыто густою черной щетиной. Очень правильные черты лица выгодно подчеркивались смуглой кожей. Короткая, довольно потертая куртка, похоже, с чужого плеча, непрезентабельные черные брюки

старого фасона, который вышел из моды раньше, чем парень родился. Он быстро прошел к столику рядом и сел спиной к Михаилу, стараясь не привлекать внимания. Но старая гвардия в лице дамы в кокошнике тут же запеленговала движение. Подойдя к парню, она совершенно уж не скрывая пренебрежения с точными подозрениями о неплатежеспособности клиента, грозно спросила: «Тебе чего?». Парень схватил трепаное меню как соломинку утопающий. Однако, было видно, что взгляд его не фиксирует букв, а лишь имитирует чтение. Дама постояла рядом в тоске о былой власти пущать или не пущать всяких дармоедов в пищезаведение, но откатилась на прежнюю позицию в бар. Бдительный взгляд ее, впрочем, оставался, недремлющ и тяжел. Парень, похоже, ощущал его физически. Он некоторое время еще пробовал производить вид зачитавшегося человека, но потом неожиданно повернулся к нашему герою и без всякого предисловия спросил.

– Дайте, пожалуйста, немного денег. У меня нет совсем, а здесь поесть нужно.

Слова выдавали в парне не местного, слишком правильным произношением. Михаил удивился тому, что совсем не удивился просьбе. Мало того он, даже не спросив величину суммы молча протянул пятьдесят рублей испытав при этом даже некое облегчение. Сработала нереализованная жалость к парню, когда он сидел на холоде снаружи. Парень встал, сам подошел к бару и, сделав заказ, вернулся к своему столику. Дама в кокошнике, не трудясь сокрыть недовольства, побрела исполнять свои обязанности. Михаил же обратил внимание, что джентльмены в черном напряженно, практически не мигая, наблюдают за маневрами парня. Когда парень развернулся, идя назад, они непроизвольно даже привстали и успокоились лишь когда тот сел за столик. Михаил заметил и то, что парень, в свою очередь, также знает о пристальном интересе к себе с их стороны. Это показалось странным, но релаксация спиртным окрашивала все в розовый свет. Да мало ли, все нормально. Дама принесла какой-то каши, несколько кусков хлеба, салат и компот, небрежно сгрузив все это ему на стол. Интенсивность поедания парнем пищи выдавала серьезный голод. «Надо было дать сотку» подумалось с досадой. Покончив с едой, парень застыл в одной позе, обнаружив полную незаинтересованность к окружающему. Михаил снова включился в пустопорожнюю беседу с соседями. Минут двадцать спустя парень довольно резко повернулся к Михаилу и также быстро начал говорить.

– Вы оказали мне одну любезность, окажите и другую. Мне необходимо выпить. Но вы знаете, что у меня нет денег. Налейте

мне немного водки.

– Хотите, я дам вам еще денег?

– Нет, спасибо, налейте мне из своего графина. Тем более, что вам более не нужно пить.

Парень быстро встал и, заслонив спиной мужчин в черных куртках, протянул Михаилу стакан из под выпитого компота. «Вам более не нужно» покоробило, но он, в очередной раз удивившись своей реакции, вылил остатки водки в протянутый стакан. В то время пока он наполнял предложенную емкость, парень другой рукой вытащил из-за пазухи какую-то небольшую книгу и протянул ее.

– Возьмите, пожалуйста. Это вам за угощение. Другого у меня нет.

– Да не нужно мне от вас ничего, я и так дам!

Заупрямился Михаил.

– Возьмите же, наконец, это вам!

С упором и даже с нотками нетерпения негромко произнес парень. Не прекращая опорожнять графин, Михаил взял книгу.

– Уберите ее.

Сказал парень в том же тоне. Пары алкоголя позволили, не задумываясь, включиться в игру, и быстро засунуть книгу в карман куртки.

– Спасибо большое.

Молвил парень и сел на свое место спиной к нему. Михаилу захотелось уговорить парня забрать книгу, убедив его в своей бескорыстности, но как только созрело решение подойти к парню, тот резко встал и быстро двинулся к выходу. Михаил обратил внимание, что стакан с водкой остался стоять нетронутым на столе. Несколько замешкавшись, поспешно вскочили и тоже двинулись к выходу мужики в черных куртках. «А у парня проблемы» сообразил сразу.

Он не любил расклад два к одному, поэтому тоже встал и двинулся следом. Расчет в этом заведении брали сразу по исполнении заказа. Это был опыт – сын ошибок, да и посетителям удобно, если вдруг понадобится «свалить по быстрому». Парень шел скорым шагом в пятнадцати метрах впереди. Двое в черном отставали метров на семь. Михаил, соблюдая, дистанцию, двинулся следом. Парень свернул в подворотню. Эх, не туда – тупик там, подумалось. «Не даром же наука рекогносцировки существует – по пьяному хвастливо обозначилась причастность к этим навыкам. «Впрочем, вечер, похоже, обещает быть динамичным» подумал почти удовлетворенно. Закрутилось затертое: «Драку заказывали?». Он застегнул куртку поплотнее на ходу разминая кисти рук. Однако дальнейшие события его

попросту огорошили. Двое в черном, разворачиваясь фронтом, свернули следом за парнем в тупиковую арку, но тут же выскочили из нее, завертевшись на месте и энергично озираясь. Михаил снизил темп шага и принял вид безучастного прохожего. Подойдя к арке, он увидел, что она была пуста! Один из двоих, подойдя к глухой стене перегораживающей арку, пинал ее ногой, что-то, быстро говоря на чужом гортанном языке. У Михаила были неплохие лингвистические способности, но он не помнил звучания этого языка раньше. «А парень не промах» удовлетворенно подумал он. «Как ловко сманеврировал. Даже я не заметил, куда он делся» мелькнула хвастливая мысль. Да и ладно.

Уже не изображая безучастие, двинулся к дому. Пойду пешком – нужно протрезветь немного. «Как он мне врезал – то правильно. Вам более не нужно! Хоть и сопляк еще советы старшим давать, а ведь прав. И водку пить не стал, молодец». Мысли потекли бессистемно в разные стороны. Ноги понесли домой. По дороге он прошелся еще по пяти или шести барам, где намеренно прожег еще кучу времени в пустых беседах с такими же неприкаянными как сам.

Он вернулся домой в 3.15 ночи. Эти самые 3.15 навязчиво и зелено горели в темноте над телевизором…

Глава 2
Мистика в чистом виде.

«Ерунда какая-то…» Михаил не додумал эту мысль потому, что все вокруг начало плавно с ускорением вращаться по часовой (опять часы будь они не ладны) стрелке и окружающие предметы становились прозрачными. «Во, блин, центрифуга…» Беззвучная вспышка яркого, но не резкого, даже приятного для света такой интенсивности и затем полная темнота и абсолютная тишина на фоне ритмичного звука. «Я умер? Но я мыслю. И я слышу какой-то стук. А, это мое сердце стучит. А тело где? На месте вроде, только легкое очень. Как на перегрузке ноль в самолете…»

Ритм сокращений сердца явно замедлялся. Он лихорадочно пытался контролировать ситуацию, но как? Ничего не видно, не слышно. Положение тела совершенно не определяется в пространстве. Страшновато. В таких ситуациях обычно адреналин струей вбрасывается в кровь, ускоряя пульс, а сейчас сердце не ускоряется, а даже совсем наоборот. Странно все это! После очередного удара сердца следующего не последовало. Полная тишина. «Ну, вот и все. Умер» подумалось практически безучастно. А вот мысли остаются. Недавно только хотел из сна да в смерть – получите и распишитесь.

И тут навалилось изнутри каким-то взрывом. Воспоминания всей жизни. От первого открытия глаз сразу после рождения, до прочтения странного стихотворения. Все они проносились перед внутренним взором в строгом хронологическом порядке в цвете, с эмоциями, запахами, разговорами как если бы происходили в данную минуту. Он, переживая все события, в то же время был как бы сторонним наблюдателем с собственным потоком сознания. «Так вот оно как все было. Забыл уже многое. События, люди. Чувства» думалось как-то сбоку, как в кинотеатре. «Неплохая вроде жизнь получилась в целом-то. Но тут, пожалуй, чуточку не так бы поступил, если бы по второму разу жил, а здесь совсем наоборот. А тут просто стыд и позор! А вот это красиво – герой прямо». События последнего года смотреть совсем не хотелось, но не отвернешься. А все же жаль. Но увы, все закончилось… Однако он чувствовал свое тело! И вес потихоньку прибывал. Заработал вестибулярный аппарат и натренированно сообщил, что тело находится в вертикальном положении. Кожа и костная система сообщили, что он стоит и стоит на чем-то твердом и ровном. Но сердце не билось. Михаил пощупал пульс – его не было! «Нет. Все-таки помер, курилка! Сорок с хвостиком

еще только, крепкий такой. Женщинам всегда нравился, до самого конца, практически. Даже молоденьким девушкам. И не болел никогда ничем. Вот как бывает…» – мысли продолжали течь, но эмоциями, как таковыми практически не сопровождались. «Интересно, а дальше-то что?».

«Заходите, молодой человек, заходите же!» – раздался незнакомый, с искажениями и даже с легким эхом мужской голос. Сердце не только запустилось мгновенно, но и чуть не выпрыгнуло из груди в бешеном пульсе. Все мышцы тела напряглись, привычно готовясь к любому развороту событий. «Ну, чего же вы стоите, заходите!». В голосе зазвучали иронические нотки. Михаил, прочистив пересохшее горло, с опаской спросил «А куда?». «Да куда хотите, вам решать» смешливость в голосе заметно усилилась. Однако сам голос не был неприятен. Слова выговаривались предельно правильно. Так не говорят в обыденной жизни. Не хватало шероховатостей. «Издевается!» – мелькнула первая за последнее время, эмоционально окрашенная мысль. Спрашивать куда второй раз гордость не позволяла, и он поступил как все военные, туповатые, но мужественные – шагнул вперед, как ему казалось в этой кромешной тьме, прямо перед собой.

Он вышел из книжных полок от пола до потолка, заставленных книгами разных размеров и сортов, на свет, на который глаза, после предшествующей тьмы, не среагировали, как того предписывает физиология. То есть он, буквально, прошел сквозь эти самые полки с книгами совершено не ощутив вокруг себя их присутствия. «Голограмма, похоже» мелькнуло. Михаил, выйдя из них полностью, пошарил рукой сзади и нащупал самое полки с упомянутыми книгами. Обернулся и уставился на них. Еще раз пощупал – все на местах, тактильные ощущения совпадают с данными зрительных анализаторов. Сзади раздался тот же голос, но уже безо всяких искажений: «Бывает. Ничего, привыкнете». Михаил резко повернулся на голос. Перед ним на расстоянии трех метров стоял бородатый, с длинными волнистыми черными волосами с небольшой проседью мужчина возрастом до сорока лет. Одет был странно. Длинный, почти до пят халат, довольно вычурно вышитый, подпоясанный широким инкрустированным серебром поясом. Из-под халата выглядывали туфли с слегка загнутыми верх носами, также отягощенными цветной вышивкой и иной излишней отделкой. От мужчины веяла какая-то мощная и спокойная энергия. Михаил никогда прежде не сталкивался с подобным. Это энергия, источник которой не власть или богатство, а знание. Знание, превышающее знания этого мира. Он не сумел бы внятно объяснить эти свои ощущения,

но они были совершенно явственными.

– Не удивляйтесь, майор. Шестнадцатый век. Такая мода, знаете ли. А я вас жду.

Тон был уже не насмешлив, А карие глаза смотрели очень спокойно и доброжелательно. Фигура мужчины с прекрасной осанкой, выражала абсолютное спокойствие.

– Позвольте представиться.

Сказал он, приложив левую руку к груди, и с достоинством слегка склонил голову в знак приветствия.

– Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази.

– Михаил Сергеевич Тихомиров.

В ответ представился он, также приложив руку к груди. А вот полупоклон был неуклюж и похож на прием «лбом в нос» как учили «рукопашники» в училище. Глаза мужчины тут же отреагировали смешинкой, но по-доброму как-то и обиды не возникло. Наоборот. Михаил представил себя со стороны и улыбнулся во все зубы в ответ.

– Я вас ждал. Дайте книгу, пожалуйста.

Михаил обнаружив, что по прежнему держит раскрытую на странице со стихотворением книгу, так в раскрытом состоянии и протянул ее мужчине. Тот взял ее, подойдя и деликатно подтолкнув Михаила к низкому столу с соответствующе низкими сидениями, похожими на лавки, обтянутые потертым бархатом объяснил:

– Вы посидите немного. Подкрепитесь фруктами и вином. Правда, – он пожевал губами – вина вам явно не хочется. Впрочем, в синем кувшине свежий гранатовый сок.

Вина ему, мягко говоря, действительно не хотелось.

– Вы посидите, а я кое-что должен исправить в книге. Я вас не задержу долго.

И он, негромко замурлыкав какую-то мелодию, подошел к высокому пюпитру для письма. Из красивой серебряной чернильницы торчало настоящее гусиное перо! Михаил же, подойдя к столику, неловко угнездился на низкой лавке, с удивлением отметив, что на ногах домашние тапочки. «Ну, дела!» запоздало подошло удивление всему происходящему. Есть что-либо тоже категорически не хотелось. Только пить. Поэтому он с удовлетворением и некоторой поспешностью несообразной с обстановкой выпил гранатовый сок из серебряного же стаканчика наполненного из голубого кувшина. Хотелось еще, но Михаил постеснялся повторить процедуру.

– Пейте, пожалуйста, еще – сказал хозяин дома из-за пюпитра – влага вам весьма желательна.

«Это еще зачем? – подумал с упрямством.

– Поверьте на слово и пейте, пожалуйста.

Как бы вторя его мысли, продолжил Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази, прекратив на минуту напевать приятную, похожую на восточную мелодию и что-то писать в книге. «Какое интересное имя – подумал он, наливая следующую порцию сока, потрясающе вкусного – как бы не перепутать чего».

– А вы можете называть меня Ари. Это аббревиатура, по-вашему. Но здесь это вполне прилично.

«Он, что мысли читает?» забеспокоился Михаил. Следующего, уже почти логичного, ответа не последовало. Деликатно. Он бросил быстрый взгляд на Ари. Тот продолжал напевать и писать. Но на губах играла добродушная улыбка. Вопрос остался открытым. Напившись по доброму совету сока в три приема и, почувствовав существенное улучшение состояния, Михаил встал и подошел к маленькому оконцу без рамы и стекол, полуприкрытому занавеской из плотной материи. Его по привычке потянуло определиться на местности.

Перед глазами простиралось холмистое пространство, плотно заросшее невысокими деревьями и кустарником. Среди них он отметил множество цветущих различными красками. Там, где не было более – менее крупной растительности, сквозь чахлую траву поглядывала красноватая почва. Ближе к точке наблюдения анфиладами спускался вниз по холму одно – двухэтажный средневековый город. Казалось, что дома с плоскими крышами лепятся один к другому, образуя улицы вдоль склона. По улицам сновали люди в одеждах, подобных одеянию Ари. Слышны были выкрики людей. Машин не было, зато были видны, груженые сверх всякой меры, ослики. Язык прохожих был похож на язык двух мужиков в черных куртках, виденных им вчера в «Горячих блюдах». Улучшение физического состояния привело к упорядочению мыслительных процессов серьезно нарушенных в том же заведении накануне. Тут же полезли законные вопросы. «Где я? Как я сюда попал? Почему на съемочной, очевидно, площадке не видно камер и персонала, а шастает, где попало, одна массовка. Что такое с ним было после прочтения стихотворения и кто в реальности этот Ари?» Вопросы толкались, борясь за первенство – ответы не поступали вовсе.

– Я закончил, мой друг – голос Ари зазвучал прямо за спиной – готов ответить на ваши вопросы. Возьмите книгу.

Оторвавшись от обзора внешней панорамы и непроизвольно взяв ее, Михаил спросил:

– Зачем она мне?

– Это ваш обратный – Ари замялся немного, как бы

подыскивая верное слово – билет.

Закончил он фразу.

– Впрочем, пойдемте, присядем, пожалуй. Так удобней беседовать.

Он сделал приглашающий жест в сторону уже знакомого низкого стола. В комнате, кроме стола и пюпитра, иной мебели и не было. Пол был весь устлан коврами, довольно потертыми, различных расцветок и рисунков, а вдоль всех стен стояли только стеллажи с книгами. Единственный дверной проем без двери, завешенный пологом из той же ткани, что и на двух окнах, вел, очевидно, в соседнюю комнату.

Они сели к столу. Причем определение сел относилось только к Ари. Михаил же неуклюже умастился, не зная, куда девать ноги. Ари налил ему еще соку и пододвинул блюдо с фруктами названия доброй половины, которых он просто не ведал.

– Во-первых, брат, мы с вами действительно в шестнадцатом веке. Сейчас 1570 год, а окружающая местность называется Галилея. В вашем времени эта территория находится на севере государства Израиль. Город же, в котором мы находимся, носит славное имя Цфат. Вы его еще не раз услышите. Это очень особенный город. Один из самых древних по вашей шкале времени.

Что он говорит, как такое возможно? Восстановленная критика мышления кричала от неприятия информации.

– Вы выбраны не случайно. Впрочем, в природе нет ничего случайного вовсе. Все определено до мельчайших подробностей во всем. Вы – отличный, не испорченный человеческий материал – потому вы здесь.

«Эх, святая простота – горько подумалось – я то не испорченный материал! Лет семь назад это, пожалуй, было бы правдой». Ари продолжал:

– Вы должны выполнить несколько действий. В ходе их выполнения вы поймете многое и даже для чего это нужно, я надеюсь.

Ари вновь улыбнулся необидно.

– Я уверен, что вы все поймете. Это так.

Уже иным тоном сказал Ари.

– Вы сейчас пойдете к себе, вам нужно отдохнуть и собраться. И кое-что узнать. Я боюсь показаться негостеприимным, но сейчас придет мой товарищ Хаим Виталь. О нем вы тоже услышите неоднократно, но пока ему еще рано вас здесь увидеть. Простите меня за это – так надо.

Ари смущенно улыбался одними глазами.

– Откуда вы знаете мой язык, если мы в Галилее? – задал Михаил первый вопрос за все пребывание в комнате – и как я сюда попал?

Ари уже не скрывая улыбки, впрочем, такой же необидной, сказал.

– Майор, если я скажу вам, что время и пространство это вовсе не то, что вы себе представляете, а разговариваем мы с вами не посредством языка и губ, вы не очень-то мне поверите. Вы так называемое «последнее поколение». Вам кроме веры подавай доказательства. И это правильно! Ну что ж, добудьте их.

«Мудрено и вправду – подумал Михаил – но к себе пойти я с дорогой душой, прямо сейчас! А там посмотрим».

– Кто был тот парень, который дал мне эту книгу вчера и что с ним?

– А, это был не парень. Это ангел.

Ответствовал Ари совершенно спокойно.

– Это не человек. Как бы вам объяснить? Порученец. Вроде робота, только программное обеспечение его – само совершенство. Не беспокойтесь с ним все в порядке. Он вообще неуязвим.

– А двое мужчин в черном, которые его преследовали? Они кто?

– А вот это можете выяснить только вы.

«Ну, теперь-то все совершенно понятно» мысленно съязвил Михаил.

– А как я попаду к себе?

Спросил он вслух, допивая очень понравившийся сок.

– В прошлый раз вы предпочли книжные полки. Можно, правда, попробовать дверь. Впрочем, вам выбирать.

Ари вновь улыбался одними глазами.

– Не беспокойтесь, мы с вами еще увидимся.

Сказал он. «Вот о чем я беспокоюсь в последнюю очередь!» не без мстительного чувства за свою беспомощность в создавшейся ситуации подумал Михаил. Понимая всю абсурдность своих действий (разум просто взбунтовался и предпочел отключиться), крепко сжимая в левой руке книгу, он двинулся к двери. Сердце вновь заколотилось от порции адреналина. «Боже, что я делаю?» проскочила последняя критическая мысль. Перед самой дверью он остановился вдруг и резко повернулся к Ари, стоящему прямо и спокойно посреди полутьмы комнаты и с какой-то очень понимающей полуулыбкой смотрящему на него. Они встретились глазами. Что-то совершенно невыразимое проскочило в их взглядах. Какое – то ощущение потрясающего родства. Родства

чего? Он не знал. Но явственное чувство было! Неожиданно совершенно для себя Михаил сказал:

– Спасибо вам, брат!

Так же резко развернувшись к двери (терпеть не мог сантиментов между мужчинами) решительно шагнул в нее.

– Не полагайтесь слишком на разум, друг мой, – услышал он изменяющий уже звучание голос Ари, – учитесь верить и чувствовать!

Голос оборвался, как и все звуки, кроме замедляющегося стука сердца. И почти полная тьма. В отличие от первого раза она не была абсолютной, хотя что-либо различить все равно не представлялось возможным. Сердце остановилось. Тело невесомо, в пространстве не ориентировано. «Ну вот, опять двадцать пять. Какая вычурная галлюцинация. Привиделось все видимо, а на самом деле умер ты. Почил в бозе, так сказать да и застрял невесть где. И что дальше? Опять эмоции стерты почти до нуля. «Что там мне Ари сказал напоследок? Учись верить? И чувствовать. Надоело тут болтаться». Сила тяжести стала нарастать, подтверждая правильную ориентацию тела в пространстве. Домой хочу – попробовал посмелее. Процесс пошел, как показалось, побыстрей. Слегка посветлело. Михаил стоял в сером ничто и нигде. Куда теперь? А махну как в прошлый раз прямо! И шагнул. Вывалился из стены в гостиной своей квартиры между столом и креслом, не задев ничего. Книга в левой руке. «Ну все, блин. Дома!» Положил книгу на стол и ощупал себя. И привидится же такое. Страшно хотелось курить. Вот, что значит нездоровый образ жизни! И курить брошу – разум услужливо подбросил очередное успокоение. Чего-то не хватало. Часы показывали 12.20. Чтобы увидеть, пришлось прикрыть табло часов рукой. Жена еще в Интернете. Опять полоснуло по сердцу. Все по-прежнему. Закурил. Взял книгу в руки, повертел. Открывать было как-то боязно. «Да ладно тебе. Сколько можно! – разум выползал из своего убежища – этот бред не может длиться долго». Михаил открыл книгу на первой странице. Над стихотворением была приписочка тем же почерком: «Учитесь верить и чувствовать, майор»…

Глава 3
Торжество логики и ее фиаско.

Вот так влип, браток! Эк тебя угораздило в такое попасть. Да еще понимал бы хоть что-нибудь. Забыв закурить, он плюхнулся в кресло. Мышечная память услужливо подбросила воспоминание от недавнего сидения на неудобной низкой лавке. Недавнего? Михаил даже рассмеялся вслух. Только, что, а именно четыреста тридцать пять лет назад, я сидел на лавочке и попивал вкуснейший без малейших примесей консервантов гранатовый сок, так чудесно освеживший после вчерашнего злоупотребления спиртным, и который, кстати, еще приятно плюхается у меня в желудке. Это было в помещении практически рядом с моей квартирой. В каких-нибудь полутора тысячах километров от нее. Смех носил явную нервическую окраску. Да, так вот и сходят с ума! Он бросил взгляд на книгу, лежащую на столе. Это единственная вещь, способная хоть как-то связать все события последних суток. Здравый смысл, снова не справившись с ситуацией, сделал попытку отключиться.

Стоять! Михаил усилием воли заставил себя мыслить логично. Вчера был тяжелый день. Так? Так! Закончился он не лучшим образом. Было такое! Утром я открыл книгу и попал в шестнадцатый век. Стоп! С этого момента начинается мистика. У людей, даже здоровых, могут случиться галлюцинации и вполне правдоподобные? Могут! Тем более, что присутствие алкоголя является явным провоцирующим фактором. Да легко! А книга? Просто дал тебе ее тот парень. Парень как парень. Есть захотел, а денег нет. Ну и расплатился, как мог. Кто его знает, где он ее взял? У бабушки своей, может. Книга как книга. Ну, разве, что старинная. И, что с того? А посмотрю-ка я ее повнимательней, и все встанет на свои места. Логика хорошая вещь!

Михаил снова взял книгу в руки. Кожа обложки как живая даже с ощущением пульсации. Да это мой собственный пульс! А чей же еще? А кожа просто очень хорошей выделки. Хорошо, разобрались! Раскрыл на первой странице. «Учитесь верить и чувствовать, майор» гласила приписка перед стихотворением. Написана она была теми же чернилами и почерком, что и стихотворение. И буквы были так же как бы в глубине бумаги, только размером поменьше. Возможно, какая-то утраченная технология. А майоров на свете было как собак нерезаных. И будет еще. Несть им числа этим майорам. Михаил поневоле стал снова читать странное стихотворение, но тут же остановился.

Мало ли чего? Ну, вот опять! – досадливо подумалось. Мужик, да возьми же себя в руки! Продолжил читать. Не без опаски, правда. Дочитал до конца. Внутренне сжался. И ничего! Вот и вся ваша мистика. Логика! Отлегло сразу от сердца. Встал, положив раскрытую книгу на стол, и принес пепельницу с сигаретами. Закурил с наслаждением. Все встало на свои места. Он, занятый иллюзиями, даже забыл о реальном состоянии дел. Невеселом, прямо сказать. Надо было что-то решать…

«А чего тут думать – трясти нужно!» цитата из старого анекдота подсказала путь. Нужно заняться уборкой того, что наделал ночью. А заодно и того, что наделалось как-то само за последнее время. «А сок-то хорош был» подумалось. Тьфу ты, опять! Нужно потрудиться. Физически. Дурь из головы-то и выветрится. Михаил взялся за уборку с разгромленной кухни и расширился в трудовом рвении на всю квартиру. Работа приносила даже некую радость, и, заняв часа два, разродилась хорошими результатами. Все сияло, не валялось и находилось на своих местах. Результаты же, в свою очередь, благотворно сказались и на душевном состоянии. Как мало иногда нужно человеку – простое действие и тебе уже лучше. Лучше, чем алкоголь. Каламбур получился. Или не каламбур? Михаил не был силен в филологических тонкостях. С чувством удовлетворения он, наконец, плюхнулся в кресло у столика и закурил уже честно заработанную сигарету. «А что там, в книжке еще?» рука фривольно раскрыла книгу и перевернула страницу со стихотворением. «Михаил Сергеевич, убедительная просьба – не откладывайте действия в долгий ящик. Слушайтесь чувств. Успехов, Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази». Прочитал он сверху на следующей странице.

Он сидел оторопело, переваривая прочитанную фразу. Сигарета, испустив в последней агонии струйку дыма, догорела в пепельнице не выкуренная. В голове была полная пустота. Яркий, подробнейший образ Ари с его доброй улыбкой стоял перед мысленным взором. Все существо его вновь было повергнуто в полный раздрай между разумом и эмоциями. «Да, что же это такое?! – он даже не заметил, что мыслит вслух – что вам всем от меня нужно? Я же все уже расставил по местам. Ну не идти же мне к психиатру, в конце-то концов! Я здоровый человек. Да, есть некоторые трудности в жизни. А кому сейчас легко? Я никому не собираюсь отдавать отчета! И никому не должен никаких действий!» взбунтовалось сознание.

И тут он задумался. Глубоко задумался: «Здоровый? Да ведь только сегодня утром ты не хотел просыпаться, мечтая умереть во сне. И не потому, что было физически плохо, а потому, что было

невыносимо плохо на душе. И не потому, что пошатнулись привычные экономические устои, а потому, что, потеряв нечто очень важное, совсем не материальное, ты лишился всех человеческих желаний и желания жить как следствие. Это трудно соотнести с понятием «здоровье». Кого ты сейчас пытаешься обмануть? Себя?» Михаил продолжал недвижно сидеть. События последних суток снова закружились в мыслях. Какая-то часть глубоко внутри него была готова во все это поверить и принять. Это странное чувство прирастало, потихоньку явившись зародышем еще более странной мысли: «Так что же ты в этом случае теряешь. За что так тупо цепляешься? За догмы, которые в твоей ситуации яйца выеденного не стоят». Что-то менялось в мироощущении. Какие-то базисные понятия стали покрываться паутиной трещин – предвестником разрушения. «Как там Ари сказал? Учитесь верить и чувствовать, майор» появилась совсем уж крамольная с точки зрения здравого смысла мысль. Михаил вспомнил присказку своего отца: «Семи смертям не бывать, а одной не миновать». Не так фатально, конечно, но общий смысл передает точно. «А что я теряю, в конце концов? Верить меня уже учили, а вот чувствовать можно попробовать научиться» подумал он, резюмируя весь свой мысленный бред. С чего начать вот только? Всплыло былое желание купить жене компьютер, чтобы она не ходила в эти чертовы Интернет кафе. Михаил боялся, что она отвергнет этот его жест, и он будет чувствовать себя полным дураком. «Я боюсь поверить даже в то, что сам очень хочу – почувствовать вновь близкого человека! – пронзила его внезапная мысль – ну разве не прав АРИ? « Вот с этого и нужно начать пробовать учиться!

Теперь он даже не пытался разложить возможные последствия на составляющие. Михаил забегал по квартире, разыскивая все, какие имелись, наличные деньги и сберкнижки. Сел, посчитал. Затем, узнав через справочную адрес и телефон ближайшего магазина, торгующего компьютерами, позвонил и справился о примерной цене приобретения. Денег хватало и немного даже оставалось. Он с энтузиазмом оделся и резво двинул в банк, а затем в магазин. Выбрав по совету консультанта соответствующую конфигурацию компьютера и дождавшись комплектации ее на складе, поймал такси и привез все хозяйство домой. Распаковав все составляющие, с увлечением собрал воедино имеющиеся ингредиенты, радуясь, что производители позаботились о пользователях, сделав разъемы кабелей неспособными к попаданию не в свое гнездо. В конечном итоге на придвинутом к стене столе материализовался новый элемент интерьера – работающий «символ эпохи». С не меньшим

энтузиазмом установил операционную систему и необходимые на первый случай программы. Все работало! Михаил был горд собой, забыв, что все навыки приобрел у сына – продвинутого юзера. Привить эти навыки Михаилу было нелегко, но сын, судя по результату, справился неплохо. Сел перед «символом» и затих.

А дальше? Дальше было самое тяжелое. Позвонить жене на мобильник. С полчаса он сидел и думал. Что он скажет? Ничего не надумал. Взял телефон и набрал номер. Трубка долго молчала. Несколько раз палец был готов нажать отбой. Но не нажал. «Да?» – сказала жена.

– Ты это, приходи домой.

Он чувствовал, что говорит оловянным языком деревянные слова. Тишина. Досада на себя уже поднималась, но она вдруг сказала просто.

– Сейчас приду.

И все.

– Жду!

Успел он крикнуть в эфир до отбоя с той стороны. Михаил засуетился, собирая пустые коробки и упаковочный пенопласт, соображал, куда все это деть. Наконец сообразил – выволок и свалил, как попало, на балкон. Благо холодно. Вытряхнул пепельницу, проветрил комнату и, еще раз внимательно осмотрев всю квартиру на предмет возможного беспорядка, уселся ждать. Она пришла минут через пять. Не позвонив, открыла дверь своим ключом и, зайдя в комнату, с удивлением уставилась на приобретение.

– Это что?

Спросила неуверенно.

– Это компьютер. Это тебе. Ты знаешь, я не хочу, чтобы ты ходила куда-то ночью.

Михаил выговаривал эту катастрофически длинную фразу, уперев взгляд в окно. Время, казалось, остановилось. Михаил третий раз за день испытывал это состояние. Прав Ари – с понятием времени не все так просто. Он, внутренне сжавшись, отодрал взгляд от окна и посмотрел на нее. Она стояла и беззвучно плакала. И это вопреки всем страхам, что он ожидал. Все, что угодно мог он выдержать, но только не ее слезы. Тем более без слов. Михаил молча подошел и обнял ее. Она обняла его в ответ.

– Где же ты был так долго?

Спросила она тихо. Михаил не имел ответа. Подхватил ее на руки и унес в спальню. Впервые за целый месяц. Пока нес она, продолжая всхлипывать еще, тихо сказала:

– А я тебе соку купила, гранатового…

Может быть, уметь верить и чувствовать действительно очень важно?

Глава 4
С чего же начинать?

Ему приснился Ари в своей комнате с пюпитром во всех мельчайших подробностях. К знакомой обстановке лишь добавились два изящных медных, очень интересной конструкции масляных светильника, освещавших комнату. При этом было понимание, что это сон. «А, это вы. Рад видеть – сказал он, улыбаясь своей особенной улыбкой – Как вы, отпустило?». «Да, много лучше – ответил он – спасибо». «Я хотел бы вам кое-что показать – сказал Ари – смотрите». Он показал рукой на стену с полками книг, которая в ту же секунду начала плавно исчезать с неким волнообразным мерцанием, пока не открылась полностью ночная панорама за ней. Холмистая местность вдали и анфилады улиц города были залиты ярким светом луны. Воздух был очень прозрачен, и были видны даже мелкие подробности ландшафта. Михаил пристально вглядывался в открывшееся пространство, понимая, что должен увидеть что-то, что еще пока не разыскал взором. Но он не мог увидеть ничего необычного. «Не видите ничего особенного? – с нотками иронии спросил Ари – вы не так смотрите. Смотрите сердцем. Почувствуйте это. Вы убедитесь, что это хорошо!». Михаил пытался изо всех сил. Было ощущение, что ОНО рядом совсем. Но, что это такое, что он должен был увидеть, он не знал. Михаил закрыл глаза, критическая сторонняя мысль говорила о том, что невозможно закрыть глаза во сне. Он пытался почувствовать ЭТО. И ЭТО пришло! Все пространство стал постепенно заполнять свет. Свет совершенно необычный и не поддающийся никакому описанию. Свет, самый мощный из когда-либо виденного им по интенсивности, во сто, тысячи или Бог его знает, во сколько крат, но абсолютно не слепящий, и неодолимо притягательный! Михаил не смог бы никогда определить спектр его. Скорее всего, можно было бы сказать, что вся радуга присутствовала одновременно в смеси цветов. Как это возможно, он совершенно не понимал. Да и не хотел! Параллельно с нарастанием интенсивности света появился и звук. Сначала нечто вроде шепота из тихих слов, а затем громче, а затем слова стали сливаться в сложный звук. Интенсивность звука так же росла. Он превращался в мощную музыкальную гармонику совершенной структуры и потрясающей красоты. В нем присутствовали все регистры от самого низкого до самого высокого также одновременно. При его статичности в нем, в то же время, присутствовала мелодия. Его стало наполнять чувство

невообразимого, никогда прежде не испытываемого ранее восторга, который заполнил все его существо без всякого остатка запредельно! Одновременно он ощутил знание всего сущего. Всего, что знал, о чем когда-либо догадывался и о чем не подозревал даже никогда. Михаил чувствовал Вечность и Красоту и бесконечное Добро, исходящее от КОГО-то, КТО его, Михаила персонально, очень любил. Он был готов находиться в ЭТОМ всегда!

Но это был сон. И его потрясающей, не испытываемой прежде силой эмоций выбросило из сна. Михаил стал ощущать себя отделенным от сна, открыв глаза и наблюдая угасающие сполохи света и звука, как ему казалось все еще наполнявшие спальню. Вся его физиологическая составляющая работала на пределе возможного. Мысли же были просто неуместны. Но было чувство, совершенно неожиданное. Узнаваемости увиденного притом, что он прежде никогда не ощущал ничего подобного. Михаил очередной раз утратил чувство времени, переживая остатки эмоций. Жена, доверчиво разметавшись, посапывала рядом. Сейчас все недоразумения, произошедшие между ними за последнее время, выглядели чистейшим и необъяснимым абсурдом. Он не заметил, как заснул, снова обняв ее с нежностью.

Михаил проснулся первым и, увидев рядом спящую жену, решил не будить ее. Пусть спит, стирая усталость последних бессонных недель. Он смотрел на нее и удивлялся: «Боже, какая она красивая! Где были мои глаза последнее время? Разве все богатства этого пошлого мира стоят вот этого мгновения? Одного мгновения!» Утро билось в окно солнечным светом. Испугавшись, что разбудит ее, он, прикрыв поплотнее шторы, вышел тихо в гостиную и обнаружил работающий в «спящем» режиме компьютер. Оживил его и вошел в Интернет. В окошке поиска любимого «Яндекса» ввел: «Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази» и щелкнул кнопку поиска. Поисковик вывалил ряд ссылок. Не задумываясь, он щелкнул первую из них и прочитал:

«Ари – Ашкенази Рабби Ицхак, 1534-1572. ….После Книги Зоар следующий каббалистический «взрыв» в Цфате пришелся на вторую треть 16 века. В 1570 году там появился рав Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази, или как его называют – Ари – адонейну рабейну Ицхак. Человек – легенда. Почти все, что мы знаем о нем – это сказание.

Почему-то так случается в истории, что часто мы располагаем самыми подробными данными о жизни совершенно незначительных людей, и ничего или почти ничего не знаем о жизни людей великих. Так и про Ари ходит множество легенд – а его могила в Цфате – место паломничества и источник чудес …

Люди приходят сюда с любыми просьбами, и они выполняются, если исходят из сердца.

Итак – Цфат , 16 век. 1570 год по европейскому календарю. Весна. Север Галилеи в цвету. Склоны холмов – смесь зелени и желтизны, природа поспешно использует те несколько месяцев, которые есть в ее распоряжении между зимними проливными дождями и нестерпимым летним солнцем. И эта суматошная активность природы заставляет двигаться и людей. Заставляет их задуматься о собственной жизни: кто я такой, откуда появился на этом свете, куда я иду по этой жизни и какой во всём этом смысл? Да и вообще, время вокруг какое-то осязаемое, его можно потрогать руками – настолько оно уплотнилось здесь в Цфате».

Страница закончилась. Михаил щелкнул в следующую, но ничего не произошло. Он некоторое время нетерпеливо тыкал во все кнопки, которые находились в поле зрения. Эффекта – ноль. Завис. «Щас, я тебя перегружу и, как миленький, заработаешь» – нетерпеливо стал пытаться перезагрузить компьютер. Дудки! Вспомнил, как сын в подобных случаях компьютерных забастовок говорил: «Семь бед – один ризет» и мстительно нажал кнопку, помеченную словом «Reset». Все весело погасло. Щас, щас ты перегрузишься, куда ты денешься. Он даже тихонько барабанил пальцами по системному блоку в нетерпении. Полная тишина. И красная лампочка моргать перестала. Пять минут ожидания даже компьютерному «ламеру» дали понимание, что машина работать не будет. Проверка плотности соединения проводов и наличия напряжения в сети также к какому-либо результату не привели. Вот, дьявольщина. Ведь все работало! Еще пара тройка вышеупомянутых действий (упрямство было его не лучшим качеством, нужно сказать) окончательно развеяли надежды. Ладно, машина на гарантии. Однако, острое желание узнать побольше об Ари стимулировало мыслительные процессы. Подался на балкон и, упорядочив выброшенные накануне коробки от чудо – техники, закурил.

«Так вот оно, как все разворачивается» былых мыслей о мистике не было и следа. Михаил пытался связать все события в единый блок. Но попытки натыкались на беспомощность разума. Полезли вопросы густыми рядами. На них накладывали свой отпечаток переживания сна. «А причем здесь я?» – был первый из них. Совершенно безответный. «Что же мне приснилось?» он вообще не сумел это хоть как-нибудь классифицировать. Но он помнил свои физические ощущения. И совершенно точно мог сказать, что будь это не сном, он искал бы эти ощущения хоть на дне океана, хоть в космосе. Не важно! Столь притягательными они были. «Кто я такой, откуда появился на этом свете, куда я иду

по этой жизни и какой во всём этом смысл?» цитата из статьи в Интернете вернула его во времена юности. Эти вопросы постоянно крутились в голове лет в пятнадцать – семнадцать. Иногда, когда он глубоко задумывался ими, его спрашивали: «О чем думаешь?» и он честно отвечал о чем. Но не было случая, чтобы окружающие восприняли его ответ иначе, нежели как более или менее удачную шутку. Порой ему от этого становилось грустно. «Ну почему мне не верят? Неужели это больше никого не интересует?». Однако, затем жизнь закрутила его. Познание, становление, достижение череды целей установленных социумом. Откровенно бытовые проблемы, решение которых так же оказалось захватывающим и притягательным. Привычки и страсти, которые он примерял на себя. И перемерил их, пожалуй, все, за исключением совсем уж постыдных или особо вредных.

И что? Как итог – эти вопросы: «Кто я, что я, зачем я здесь?» были погребены бытовухой и навязанными обществом многочисленными желаниями. И они не появлялись даже на минутку долгие годы. Но сейчас вновь пришли. И пришли с многократно умноженной остротой. Сейчас, когда он выполнил все, что «должен» был выполнить по требованию мира людей, он не мог уже жить не получив на них ответа. Михаил «шкурой» чувствовал, что логика жизни человечества страдает дефектом. Человек рождается, растет, развивается, познает, создает, выходит на пик своего развития и… умирает. Абсурдно. Но это еще пол беды! Вся его жизнь, обуреваемая различными желаниями, наполнена страданием с небольшими лишь вкраплениями короткой радости. Любая мечта, к которой идет человек с великими трудами и лишениями, тут же умирает, едва он коснется ее. И вот она, достигнутая, ничего уже не стоит! И нужно ему искать следующего желания, бежать за ним, чтобы, наполнив его, тут же утратить его вкус. И так из поколения в поколение. Нескончаемая череда людей рождающихся и умирающих на земле с нескончаемой чередой желаний, тоже умирающих сразу по их достижению. Михаил более не хотел бежать этой дорогой. Чувствовал, что существует что-то другое, что способно оправдать жизнь человека чем-то иным, нежели человеческая мораль, нарушаемая этим самым человеком на каждом шагу. Но где это другое и что оно такое? Он не знал. Не знал так же где его искать. Интуитивно он чувствовал, что возможные ответы он сможет получить при помощи книги полученной им от «Ангела». Михаил внутренне усмехнулся при этой мысли. Ангелы, черти – докатился. Тем не менее, он взял в руки книгу продолжавшую лежать на столике. Снова те же ощущения живой кожи.

Михаил решил исследовать ее поглубже. Притом, что книга была очень древней, состояние ее было идеальным. Пролистав первую страницу со стихотворением и увидев на следующей странице знакомое уже обращение к нему, под ним и далее на всех страницах был текст, написанный знакомым почерком. Но вот язык текста был незнаком. Михаил не смог определить его принадлежность. Была некая схожесть с арабским, но не вязь. Иногда текст прерывался какими-то схемами с пояснениями и подписями на том же языке. К прочтению невозможно. Что же делать? Он, после некоторых размышлений, решил обратиться к книжным антикварам. Михаил слышал, что настоящий собиратель в первую голову исследователь и обладатель знаний. И где же их найти? А там, где эта самая старина храниться. В музеях. Некий план уже был.

Это обнадежило и пробудило аппетит. В смысле желудочный. Михаил, не кулинар по определению, решился на подвиг – состряпать завтрак себе и жене. И был собою горд безмерно. Заглянув в холодильник, обнаружил десяток яиц, молоко и кусочек заветренного сыра. Не густо. В иное время его эта скудность яств привела бы в полное творческое отчаяние. Жена точно и лаконично охарактеризовала подобные его свойства – ты способен помереть от голода у дверцы переполненного едой холодильника. Но сейчас он был в остром приступе поварского наития. Это обстоятельство позволило ему приготовить кофе и омлет. Михаил справился даже с сервировкой. На шум и запахи пришла жена и стояла на пороге кухни в глубоком изумлении. Такого дара в нем она не могла даже заподозрить. Прошу к столу! – с пафосом и вычурным жестом он пригласил к трапезе. Актерство в нем было даже не в нулевой степени, а со знаком минус. Она от такой картины не могла не смеяться. Они ели, и предыдущий год казался нереальным.

– Ты знаешь, я уволился с работы.

Сказал он не без опаски, ожидая ее реакции. Она вынужденно не работала уже с полгода и довольно тяжело это переживала.

– Слава Богу.

Ответила она с видимой радостью.

– Я же видела, как тебе там не нравилось.

– Я найду другую работу. В ближайшее время – заторопился он – У меня есть кое-какие планы.

– Ты бы повременил немного. Отдохни. Нам обоим есть от чего отдохнуть. К тому же, мне кажется, тебе есть, чем заняться сейчас. Как-то определиться.

Она, предвосхитив любые возможные возражения, тихо и твердо добавила.

Я серьезно!

Михаил уставился на нее в удивлении. Она, что все знает?

– Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, что ты должен осознать, куда идти дальше. В каком направлении. Я вообще о жизни. Это займет некоторое время. А там видно будет…

– Ты права, пожалуй. Есть о чем подумать. Кстати, я, кажется, собрал компьютер не совсем так, как надо. Он у меня завис насмерть. Я схожу в магазин, притащу спеца – он наладит.

– Не торопись. Не бойся, я не пойду больше никуда.

Она совершенно четко читала его тревогу и улыбнулась так, что все сомнения унесло в небытие.

– Мне так хорошо дома.

– Да, я хочу сходить в музей. По делу одному…

Михаил ожидал ее удивления, и пауза несколько затянулась. Безо всякой, впрочем, недоуменной реакции с ее стороны. Она просто продолжала есть. С неподдельным удовольствием.

– Ты не против? Может быть, пойдем вместе?

– Нет, пожалуй. Я останусь дома. Я соскучилась по нему. По дому, не по квартире.

Михаил понял. В ее глазах он также видел понимание. Его, этого самого понимания, так давно и безуспешно хотелось. Впервые, за много уже месяцев, он был спокоен.

Глава 5
Попытки узнать и их последствия.

Он вышел на улицу. Подморозило лужи. Юг югом, а зима еще в правах. Михаил направился в краеведческий музей. Идти было недалеко, кварталов пять-шесть. Он шел быстро, почти бежал, с удовольствием расходуя энергию. Надо бы физкультурой какой-нибудь заняться. Жизнь пока продолжается! Сегодня он чувствовал ее вкус. Он подошел к музею, с интересом его разглядывая. Надо же, сто раз проходил мимо и ни разу не видел какой он. Помпезное здание прошлого столетия – само памятник архитектуры. Обилие лепных украшений на фасаде в виде пышных обнаженных дам с крупными виноградными кистями в руках, выдавали в его бывшем владельце не маскирующегося эпикурейца. Зайдя в фойе, обнаружил пустую кабинку с надписью «касса». После улицы в музее была ватная тишина. В воздухе витали запахи краски старых картин и многого другого, что есть в музеях. Михаил потоптался немного и заглянул в первый зал. Никого. Он обнаружил глазок телекамеры под потолком в фойе и, подойдя поближе, помахал приветственно рукой. Маневр удался. Из недр выполз помятый лицом и формой одежды милиционер и уставился на него.

– Вы в музей? Экскурсия?

– Ну, да. Только я один.

– ? Сейчас позову бабулю. Милиционер ушел звать работницу музея.

Через пяток минут пришла пожилая и типичная представительница музейного племени. Михаил купил смехотворно дешевый билет со схемой экспозиции на обороте.

– Проходите. Там – она махнула рукой на вход в залы – вас встретит Мария Ивановна. Она гид. Она все вам покажет.

И он прошел в залы музея. На стенах, стеллажах и полу стояли, висели и лежали экспонаты с пояснительными табличками. Классифицированные по эпохам или тематикам они отражали бывшую жизнь материальными свидетельствами в виде картин, горшков, костюмов и пулеметов системы «Максим». Эта смесь вещей отражала устремления и страсти давно умерших людей. Сегодня вид их вызвал чувство ненужности этих самых вещей. Людей-то самих уже нет, а их вещи есть. Странно. Думал он. Ведь без самих людей теряется смысл существования вещей. А они вот собраны в кучу и кричат о бренности человека. Присутствовало ощущение их неуместности и отсутствия к ним

интереса. Михаил шел, скользя невнимательным взглядом по экспонатам в поисках гида.

Встретилась искомая Мария Ивановна в третьем по счету зале. Она протирала, а вернее очень аккуратно сбивала пыль с греческих амфор пушистой веселенькой окраски пылесбивалкой. Правильного названия этого инструмента он попросту не знал. Михаил не смог бы отличить Марию Ивановну от первой старушки – билетерши, столь они были одинаковы. С уверенностью можно было сказать, что они – неотъемлемая часть музейной экспозиции. Причем главная, поскольку из всех экспонатов именно они были живыми. Следовательно, именно и только они могли стать неким оправданием наличия столь многого количества вещей в одном месте. Вещи имели счастливую возможность служить, как им и полагается по статусу, служительницам музея. Михаил даже улыбнулся такому выводу. Мария Ивановна вопросительно подняла брови, заметив его улыбающегося.

– Вы на экскурсию, молодой человек?

Михаил не нашел в себе силы соврать и честно сказал, что пришел получить информацию.

– Чем могу помочь?

С интересом спросила Мария Ивановна.

– Понимаете, я неожиданно стал обладателем очень интересной старинной книги. Но я полный профан в подобных вещах. Однако, она мне очень интересна, и я хотел бы узнать о ней побольше. Я уверен, что вы знаете специалистов в этой сфере. Такая вот просьба…

Михаил попытался сделать приличествующее ситуации праведное лицо, как ему представлялось. Бабуля это заметила и улыбнулась едва, однако взглядом таки потеплела.

– Сейчас таких уже нет. Остались просто собиратели старины с целью вложения денег.

Взор ее полыхнул негодованием от такого святотатства. При этом она пристально, не торопясь, осмотрела Михаила целиком. Тот был уже готов отвергать несправедливые подозрения и ретироваться и даже открыл, было, рот. Однако служительница вновь смягчилась. Уф… А непроста бабушка-то, хоть и телом тщедушна. Не делай выводов по внешности – старая истина.

– Впрочем, есть еще один, я надеюсь. Он давно уже к нам не заходит. Возраст уж почтенный. Но знаток! У нас был где-то его телефон. Я постараюсь вам помочь. Пойдемте.

Она повела его в следующий зал, где было еще одно помещение, обозначенное медной табличкой «Хранилище». Ниже на бумаге отпечатано, на пишущей машинке «Посторонним вход

строго воспрещен». Бумага была желтой от времени висения на двери. Она остановилась перед дверью, и довольно строго взглянув, сделала ограничивающий жест, призывающий к ожиданию. Михаил всем видом постарался выразить полное согласие со священным правилом. «Строго» оно и есть «строго». Понимаем, все по взрослому.

Она отсутствовала около десяти минут. Он за это время рассмотрел все экспонаты зала, посвященные периоду гражданской войны. Шинели, буденовки, ордена того периода наводили на мысли о глупости и жестокости рода человеческого. Любая война – это гадко. Михаил знал это изнутри профессии. А гражданская война вообще не поддается оценке. Большей гадости в межчеловеческих отношениях и придумать невозможно. Сын на отца, брат на брата! Наконец Мария Ивановна появилась из Хранилища с бумажкой в руке.

– Вот его телефон. Его зовут Эдвин Михайлович. Пожалуй, только он и остался из знающих, способных вам помочь, если он согласится, конечно.

– Спасибо вам огромное.

Михаил взял бумажку, доставая сотовый телефон.

-Я могу сослаться на вас?

Она кивнула головой утвердительно.

– Передавайте ему поклон.

Сказала она, слегка смутившись, даже зардевшись но, не двинувшись с места.

Михаил набрал номер из бумажки. Ждать пришлось довольно долго. Наконец трубка ответила тихим старческим голосом «Алло».

– Здравствуйте, Эдвин Михайлович, я Михаил Тихомиров, звоню вам по рекомендации Марии Ивановны из краеведческого музея. Мне по случаю попала очень интересная и, как мне кажется, старинная книга. Я очень хотел бы узнать ее происхождение. Похоже, только вы сумеете мне помочь, если, конечно, вы не против?

– А, как Мария Ивановна? – Вопросом же ответил абонент.

– Вот она рядом стоит. Поклон вам от нее. Впрочем, я предаю ей трубку.

Запоздало сообразил он, протягивая мобильник. Ну, надо же – конспирация. Внутренне усмехнулся. Мария Ивановна некоторое время отвечала только одним словом «Да», всякий раз поглядывая при этом на него. Взгляд был снизу вверх в силу роста старушки. Было немного забавно от этого. В итоге тотального телефонного соглашательства она витиевато распрощавшись, как уже не говорят давно, вернула ему трубку.

– Запомните адрес.

Эдвин Михайлович назвал адрес в паре кварталов от музея.

– Я вас жду прямо сейчас.

После чего телефон загудел отбой. Михаил сердечно поблагодарил отзывчивую, но бдительную хранительницу мертвого времени и отправился в направлении, указанном Эдвином Михайловичем. Довольно быстро отыскав нужный адрес, он вошел в чистенький подъезд старого трехэтажного дома. Квартира оказалась на последнем этаже. Он покрутил рукоятку механического звонка, торчащую прямо из середины двери. «Филиал краеведческого», – подумалось. Звонок издал противный дробный звук без намека мелодичность. Довольно громкий, впрочем. За дверью раздались тихие шаги. «Кто там?» Михаил снова представился. Судя по щелчкам и лязганью задвижек, квартиру без длительной осады не взять. Звякнула последняя цепочка и дверь открылась. На пороге возник пожилой мужчина – копия двух музейных старушек только мужеского пола. Глаза, бесцветные уже, зорко и со знанием дела быстро осмотрели посетителя.

– Книга при вас?

Внимательный взгляд прямо в глаза. Фейс-контроль, усмехнулся Михаил про себя. Дедушка, да не играй ты в казаки – разбойники. Дверь-то отворена уже. Но вслух только коротко.

– Вот, пожалуйста.

Михаил протянул вынутую из внутреннего кармана книгу. Эдвин Михайлович книгу брать не стал, а, сделав приглашающий жест и пропустив посетителя, тут же сноровисто стал закрывать вход в жилище на все запоры.

– Проходите прямо.

Михаил, пройдя по прямому, темному и довольно длинному коридору с тремя боковыми дверьми попал в просторный кабинет хозяина. Изобилием книг на стоящих вдоль стен полках до потолка кабинет напоминал комнату Ари. Разница была в интерьере и облике Эдвина Михайловича. К своему удивлению Михаил заметил в углу кабинета компьютерный стол с компьютером, усугубленным различной компьютерной периферией. «Продвинутый старик», – подумалось с уважением.

– Позвольте взглянуть на ваш экземпляр, – попросил Эдвин Михайлович.

Михаил снова протянул книгу. На этот раз Эдвин Михайлович ее взял. И надо было видеть, как он это сделал! Эксперт взял ее бережно, как великую и очень хрупкую ценность. На носу у него были невообразимой оптики очки, сквозь которые он рассматривал переплет книги с тщанием. Затем он положил

книгу на стол перед компьютером и открыл ее первую страницу. Глаза его, непотребно увеличенные очками, сделались еще больше. Казалось, он способен вобрать ее взглядом внутрь себя.

– Откуда она у вас, молодой человек?

Спросил строго с видом следователя милиции.

– Досталась по случаю. Но я ее точно не крал.

С нажимом уточнил Михаил.

– Этого я не утверждаю, – он углубился в рассмотрение первой страницы. – Но не исключаю, – тоном ниже закончил Эдвин Михайлович.

Михаила бросило в краску. «Какого черта я связался с этим расследованием. Если «Ангел» ее где-то спер, а все предшествующие события все-таки являются плодом моего воображения, то мне придется доказывать, что вор не я. Но еще никто и никогда не позволял себе заподозрить меня в подобной низости!» События принимали совершенно неприемлемый оборот.

– Я никогда не воровал и не позволю никому даже намекать на таковую возможность. Даже в принципе.

Глухо и внешне очень спокойно сказал Михаил.

Вам в том числе.

Подобный тон его всегда действовал охлаждающе на любых оппонентов. Эдвин Михайлович не явился исключением. Он оторвался от исследования первой страницы и воззрился на Михаила в недоумении:

– Успокойтесь, молодой человек. Я действительно этого не утверждаю. Но я много пожил на этом свете и, как следствие, много видел. Я беру свои слова обратно. Я вижу вы приличный человек. Очевидно военный? Эк вы встрепенулись.

– Да и не стыжусь этого. К тому же в книге имеется прямое обращение именно ко мне.

Настала очередь недоумения со стороны Эдвина Михайловича.

– А где, позвольте узнать это обращение?

Уже не скрывая откровенно подозрительного взгляда, вопросил Эдвин Михайлович.

– Так вот оно.

Михаил ткнул пальцем в приписку над стихотворением и в обращение к нему вверху следующей страницы.

– Вы умеете читать на иврите? – не сдержал яду Эдвин Михайлович. – Прочтите мне это, пожалуйста.

«Вот гад, поиздеваться решил или я чего-то не понимаю».

– Я неплохо читаю на русском, а также на английском. Несмотря на отягощенное военной службой прошлое.

Фраза получилась с пафосом и как-то по-детски. Однако же, взял со стола книгу и прочитал приписку и стихотворение, опустив, правда, обращение к нему Ари. По окончании чтения минуты три лицезрел Эдвина Михайловича, бессистемно переводящего взгляд с него на книгу. «Глючит дедушку», – подумал мстительно. День глюков. А началось все с моего компьютера» – усмехнулся он про себя.

– Минуточку – сумел, наконец, вымолвить Эдвин Михайлович и, с несообразной облику ловкостью, полез на стремянку, стоящую у одной из полок – я должен кое-что уточнить.

Он нашел нужный фолиант и, спустившись с ним, устроился в кресле у компьютера. Михаил, подойдя, разглядел название книги. Томас О. Ламбдин. «Учебник древнееврейского языка». «Ну-ну. Уточняй, а то подозрениями тут разбрасываются». Эдвин Михайлович углубился в учебник, иногда заглядывая в книгу. Затем, взяв лист бумаги из принтера, что-то записал.

– Молодой человек, не сочтите за труд, прочтите все еще раз.

– Извольте.

Михаил, взяв книгу еще раз, тщательно все прочитал. Читая, он заметил, что Эдвин Михайлович сверяет его чтение с собственными записями. По окончанию чтения картина с рассматриванием повторилась.

– Что-то не так? – С нажимом спросил Михаил.

– Нет, нет. Все так. Я бы сказал все слишком так. Вы правильно все прочитали. Мало того, вы прочитали все правильней меня! Я не понимаю, как это происходит, но вы превосходно читаете на иврите. А точнее на старом иврите.

«Дедушку опять глючит. Наверное, то, что привиделось мне в последнее время, носит заразный характер и передается воздушно-капельным путем» – грустно пошутил Михаил про себя.

– Простите, но я читал на чистом русском.

На челе Эдвина Михайловича в ответ на это заявление отразилась крайняя степень изумления.

– Вы… вы, что утверждаете, что текст в книге, который вы только, что зачитали, написан на русском?

– Представьте себе, именно на русском, – с нескрываемым сарказмом произнес Михаил.

Это заявление «выключило» Эдвина Михайловича напрочь. Он сидел перед компьютером уставившись в никуда без движения. «Ну, вот опять глюкнуло знатока. Хоть бы знать есть ли у него кнопка «Reset»? Есть, возможно, подкожная такая, в районе его лысого затылка. Если шлепнуть туда легонько ладошкой – он и перезагрузится» обиженный предыдущим общением, злобно фантазировал. Ладно. Будем ждать. Он, поискав глазами, нашел

стул и сел, не спрашивая разрешения. Было неизвестно, как надолго Эдвин Михайлович будет пребывать в ступорозном состоянии. Тот, наконец, обнадеживающе зашевелился.

– Я, с вашего позволения, отсканирую книгу, – спросил Эдвин Михайлович.

– Пожалуйста.

Эдвин Михайлович взял ручной сканер, весьма редкий среди пользователей компьютерами, и практически не касаясь книги, бережно отсканировал все страницы, включая обложку. Затем, похлопал одним пальцем по клавиатуре и принтер начал выплевывать отсканированное. Взяв первую отсканированную страницу, он передал ее Михаилу.

– Прочтите, пожалуйста.

Попросил он как-то подозрительно вкрадчиво.

– Но тут написано не на русском!

Возмутился Михаил.

– Вот именно!

В голосе Эдвина Михайловича явно слышалось торжество. Обстановка по мнению Михаила уже явно выходила за рамки приличия.

– Уважаемый Эдвин Михайлович.

Поднявшись со стула с красноречивой медлительностью, и расправив плечи, вновь так же спокойно и глухо начал Михаил.

– Вы сегодня издеваться изволите? Я спросил вашей помощи как человека облеченного знаниями в области древнего книгопечатания. Но, поверьте, я нисколько не готов к подобному с вашей стороны обращению.

В щепетильных случаях Михаил, по неведомым ему самому причинам, начинал изъясняться, применяя лексику девятнадцатого века. Опять получилось вычурно, но и убедительно потому, что Эдвин Михайлович весьма поспешно подался от него к компьютеру, и взял в руки сканер, выставил его перед собой. «Похоже, дедок меня отсканировать вознамерился» – Михаил не смог удержаться от смеха.

– Почему вы смеетесь? – Настала очередь Эдвина Михайловича для недоуменной обиды.

– Помилуйте, Эдвин Михайлович, я никогда не подниму руки на пожилого человека. Опустите ваше «оружие». Сказал он, продолжая смеяться.

– В моей жизни, знаете ли, всякое бывало.

– Как-то грустно произнес Эдвин Михайлович.

– Охотно верю.

Успокоившись от веселья, и даже пожалев старика, ответил

Михаил.

– Однако, сегодня явно не тот случай. Объясните, что вы имели в виду, подсунув мне текст на древнем иврите?

– Я вам дал отсканированную и распечатанную именно первую страницу книги, которую вы мне блестяще прочитали на «русском», как вы утверждали. И вы сами сказали, что она написана на русском. Ничего иного, тем более обидного я не имел в виду.

Сканер оставался в его руках, правда, он его уже не держал перед собой.

Михаил подошел, взял книгу и сличил тексты. Все, полностью совпадало до мельчайших подробностей заломов на странице, за исключением малости. Текст в книге был на русском языке, а в копии на иврите. «?… Упс, теперь похоже и меня глючит». Обнаруженная странность озадачила, но и крайне заинтересовала.

– А давайте для чистоты эксперимента повторим его. Отсканируйте, пожалуйста, эту страницу еще раз и сразу распечатайте.

Попросил Михаил, первое, что пришло на ум.

– Конечно, конечно!

Эдвин Михайлович тут же применил сканер по назначению и сразу распечатал страницу.

Михаил сам взял еще теплую страницу, выползшую из принтера, и сличил с первой. Полная идентичность. Да уж… Не буду больше пугать старика. Хватит. Нужно узнать хоть что-то о книге.

– Эдвин Михайлович, я собственно пришел узнать о самой книге. Забудем о недоразумениях. Могли бы вы ее как-либо охарактеризовать?

Эдвин Михайлович, уже успокоившись, с вниманием и интересом посмотрел на него.

– Ну… Хм… Скажу откровенно, подобной книги я не видел никогда прежде. Но…. Но я слышал о подобных книгах. Очень давно, и я не верил в их существование. Я полагал, что это легенды, живущие среди библиофилов, как история о летучем голландце среди моряков. Это, как бы вам сказать, книга, предназначенная для одного единственного читателя. Она раскрывается только ему и никому другому. Владелец может читать ее не сразу всю, а кусками только по мере приобретения определенных свойств. Приобретя их и изменившись внутренне, он может прочитать следующий отрывок. Так гласит легенда!

Закончил он с ноткой торжественности. Я очень боюсь ошибиться. Нет, это почти невероятно, но, по-моему, ваша книга –

именно тот случай.

– Но, как я вас понял, это легенда. А что вы можете сказать о книге объективно, так сказать?

– Объективно? Ну, возраст книги примерно четыреста пятьдесят лет. Она рукописная. Переплет в очень хорошем состоянии. О ее содержании я, пока не могу сказать ничего определенного. Нужно время. Похоже, что она особенна еще тем, что принадлежит перу Исаака Лурии Ашкенази или Ари, о чем свидетельствует надпись перед стихотворением. Это, отмечу особо, большая редкость. Он был ученым, но не писателем. Все открытия Ари записывал его ученик Хаим Виталь, если я не ошибаюсь. Книга имеет серьезную ценность. Я даже затрудняюсь ее оценить в деньгах. Также могу сообщить, что она среди пропавших и украденных не числится. Мария Ивановна охарактеризовала вас положительно, а она настоящий «рентген». Ни разу не ошиблась в оценке людей. Дар у нее такой. Я прошу у вас прощения. Все коллекционеры отчасти барыги. Страсть к собирательству иногда толкает во грех объегорить простака.

– Да ладно, не беспокойтесь. Все в порядке. Я знаю, что ее писал Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази. Вы знаете кто он?

«Я уж не буду рассказывать, что я вчера с ним лично разговаривал и даже соком угощался с его стола. А то доконаю окончательно». Подумал с самоиронией.

– Вы абсолютно правильно назвали его имя!

Бровь Эдвина Михайловича удивленно поднялась.

– Это был один из величайших ученых-каббалистов в истории. Я, к сожалению, плохо знаком с этой сферой. Но я постараюсь найти вам информацию.

– Буду вам весьма признателен. Оставить вам книгу?

– Нет, что вы!

Очень поспешно стал отрицать Эдвин Михайлович.

– Это именно ваша книга. Я себе оставлю копии, с вашего позволения. Я постараюсь поработать над ними, а вы зайдите вечером. Часов эдак в семь.

– Спасибо вам большое. Извините меня за беспокойство. Я непременно зайду.

Михаил, взяв книгу, двинулся к выходу по коридору мимо боковых дверей. Одна из них, прежде закрытая, была сейчас приоткрыта наполовину. «?… А я думал, что мы одни, так тихо». Спускаясь по лестнице, он слышал сноровистое пощелкивание замков и позвякивание цепочек. «Граница на замке!».

Михаил, выйдя из подъезда, сразу направился к дому. Ноги сами несли его только в ту сторону. Ему так хотелось ощутить дом. Дом, а не квартиру, как сказала жена. Что такое дом он не

смог бы сформулировать четко. Дом – это квартира, лачуга, палатка в которую хочется вернуться. Где бы ты ни был. Ну, примерно так. Михаил перепрыгивал успевшие растаять лужи. По дороге заскочил в магазин и, позвонив жене, купил продукты согласно продиктованному списку. Как хорошо шагать домой!

Взлетев на свой этаж, он не стал открывать дверь ключом, хотя мог, конечно. Он позвонил и стал ждать. Дверь открыла она, принаряженная слегка, но это «слегка» было для него! И было столь желанным и ожидаемым. Одним словом, обед не состоялся.

Они проснулись часов в пять дня. От голода. Михаил, по крайней мере, точно от него. Жена подобрала так и оставшиеся лежать в прихожей продукты и отправилась на кухню готовить желанную трапезу. Михаил вспомнил о неработающем компьютере.

– Я не зашел в магазин за мастером, чтобы починить компьютер.

– И не нужно. Он прекрасно работает. Я сидела все время за ним, пока ты ходил в музей.

– Это здорово. Я старался все сделать правильно, а он меня подвел. И Интернет работает?

Михаил, задав вопрос, внутренне сжался. Тема была больная.

– Интернет? Не знаю. Я не входила. Ты не беспокойся, он мне не нужен. Мне и так хорошо.

Она подошла к нему и обняла. Михаил стиснул ее, чуть не задушив. Она не сопротивлялась.

– Я стихи писала.

– Дай почитать?

– Ну не знаю… Они такие… Ладно. Найдешь в компьютере.

Она высвободилась и пошла укрощать зашипевшую сковородку, а он подался к компьютеру. Тот работал совершенно исправно. В меню «Пуск» в «недавних документах» нашел «вордовский» файл и открыл его и прочитал:

Настроенье мое хорошее
Мы гуляли друг с другом под руку
Нету дома гостей непрошенных
Остальное, как будто, пофигу

Настроенье мое хорошее
По утрам, как всегда до вечера
Позабылись скелеты прошлого
По шкафам – и навеки вечные

Настроенье мое хорошее

Небо градом по стеклам бесится
Мы с тобою друг в друга вросшие
Мы сорвались с отвесной лестницы/

Горло его сжало от чувств. Ну, вот еще нежности телячьи. Но на самом деле он отдал бы и саму жизнь за эти простые строчки. Стихи, как ничто другое, могут показать истинные чувства человека. Поэтому-то написавший их непрофессионал не склонен показывать их посторонним. Теперь его дурацкие сомнения развеялись в прах. Это давало ощущение надежного тыла. Мужчины могут идти вперед, в том числе и напролом в достижении любой цели, но им обязательно нужно чувствовать надежную поддержку со спины. И нет более мощной силы в этом, чем сила хрупкой женщины ожидающей своего мужчину! Михаил понял, что жизнь совершила очередной поворот. Куда?

Так, поехали дальше. Он вошел в Интернет и щелкнул ссылку об Ари. Открылась та же страница, что и прежде. Михаил нетерпеливо щелкнул в следующую страницу. Страница долго не открывалась. Итогом было «Сервер не найден». Досада была наградой за все труды. Михаил стал смутно догадываться, что выбранный путь получения информации нежелателен. Вот и не получается. Хорошо, что комп не завис, как в прошлый раз. Михаил взглянул на часы. Восемнадцать ноль пять. Пора собираться к Эдвину Михайловичу. Возможно, именно этот путь приведет к искомым знаниям об Ари? Только сначала поесть! Очень настоятельно напомнил желудок.

– Миша, садись кушать.

– С наслаждением!

– Мне нужно сходить к Эдвину Михайловичу, это интересный человек, собиратель книг. Он пообещал мне некоторую информацию. Я тебе позже расскажу все подробно. Ты не против?

– Нет. Я посижу дома. Дел накопилось невпроворот.

– Какие дела? Я все убрал, еда есть. Отдыхай.

– Ты не поймешь – ты не женщина к счастью. Для тебя. И для меня тоже.

Она улыбалась.

Михаил Быстро оделся и направился кружным маршрутом к дому Эдвина Михайловича. Он хотел забежать в магазин купить для него чего-либо к чаю. В первый раз в спешке оплошал и пришел к человеку с пустыми руками. Во второй раз это будет уже не оплошность. Да и расчет по времени позволял не бежать. Михаил купил коробку приличных конфет и уже неторопливо направился к получению знания об Ари. Когда он был квартала за

два от дома Эдвина Михайловича на боковой улице, он заметил спины двух быстро идущих мужчин в одинаковых черных куртках с капюшонами. Что-то в этих фигурах было знакомо. Большой город – много похожих прохожих. Скаламбурилось ему. Подойдя к дому, увидел машину неотложки. Плохо кому-то – всколыхнулось участие. Михаил вошел в подъезд и поднялся на уже знакомый третий этаж и обнаружил дверь Эдвина Михайловича на треть открытой. Непорядок на границе? Потоптался перед дверью. Может быть, гости нагрянули неожиданно? Но выяснить предположение решил. Приглашали ведь. Покрутил рукоятку звонка. На знакомый уже неблагозвучный звук пришел молодой мужчина в коричневой кожаной куртке с цепким казенным взглядом.

– Вам кого?

Уже по тону, Михаил понял, что перед ним представитель власти. И, очевидно, из силового министерства.

– Я по договоренности с Эдвином Михайловичем. Мы договорились встретиться в девятнадцать часов.

Мужчина нарочито медленно осмотрел его с ног до головы.

– А по какому поводу?

– Я просил провести его общую экспертизу старой книги.

– Ценной?

Открывши, было рот, чтобы выпалить правду, он осекся. Что-то ему говорило, что о книге стоит помалкивать.

– Нет. К сожалению, она оказалась без цены.

Врать он не любил и не умел. Вычислить его ложь не представляло труда даже ребенку. Но с годами он нашел формулу, позволявшую ему выкручиваться из щекотливых положений. Говори правду. Только правду. Но не говори всю правду. «Без цены» в данном случае – бесценная. «К сожалению» – читай, неизвестно куда еще заведет.

– Вы давно знаете Снеткова?

– Эдвина Михайловича? С сегодняшнего дня. Мне его порекомендовали в краеведческом музее и я, созвонившись с ним, посетил его утром. Простите, а вы кто?

Мужчина полез в карман и, развернув удостоверение, мелькнул им перед его глазами.

– Следователь прокуратуры Приставкин.

Фамилию он произнес так, что не будь у Михаила довольно неплохого слуха – не разобрал бы. Стесняется он ее что ли?

– А это что? Приставкин показал на пакет с конфетами?

– Конфеты для Эдвина Михайловича. А что случилось?

– Скончался Снетков.

– Как?

– Как большинство людей от болезней и старости.

Следователь Приставкин явно решал какую-то задачу. Это отражалось на его лице. Решил, кажется.

-У вас паспорт при себе? Или что-нибудь из документов?

– Только военное пенсионное удостоверение.

Приставкин еще раз быстро оценивающе окинул Михаила взглядом.

– Пойдет. Проходите в кабинет понятым будете.

Что-то тут было не так. Михаил пошел за следователем и за разгадкой. Перед кабинетом стояли врач неотложки и медсестра. В кабинете в кресле у компьютера сидел Эдвин Михайлович. Голова, поддерживаемая высокой спинкой, слегка склонена к левому плечу. Руки лежали на клавиатуре. На мониторе был какой-то текст в «Worde». Вроде бы он умер во время работы, но… Но очки лежали на письменном столе у окна. Судя по диоптриям очков, Эдвин Михайлович пред смертью печатал, не видя ни монитора, ни клавиатуры. Михаил поискал глазами листы копии его книги. Их не было. А учебник древнееврейского лежал открытым на компьютерном столе. Не складывалось все как-то.

– Так, все проходим в помещение, протокол составлять будем. Ваши документы, пожалуйста.

Врач, медсестра и Михаил прошли к письменному столу, где уже раскладывал свои бумаги следователь Приставкин, и сложили на стол, какие имелись, документы для протокола. Пока Приставкин борзо писал дежурные фразы в протоколе, Михаил старался получше рассмотреть все детали кабинета и размышлять логически:

1. Судя по интересу, проявленному Эдвином Михайловичем к книге, он не мог ею не заниматься. Но следов этих занятий, кроме раскрытого учебника нет.

2. Эдвин Михайлович обещал поискать информацию об Ари. Следов поиска тоже нет. Михаил подошел к Эдвину Михайловичу и заглянул в текст на мониторе. Это был рекламный проспект Интернет магазина, переведенный в вордовский формат. Зачем Эдвину Михайловичу этот текст? Он, что занимался его корректурой? Это просто бред. Кто-то, желая создать вид умершего за работой старика, не позаботился о содержании его работы. Или не знал, что содержит открытый наугад текст.

3. Эдвин Михайлович был абсолютным хозяином кабинета, судя по свободно стоящим на полках ценнейшим книгам. Посему прятать копии книги Ари ему не пришло бы в голову. А их в видимом пространстве кабинета не было. Следовательно, их кто-то забрал. Тот, кто сымитировал спокойную смерть Эдвина

Михайловича за работой. Хотя очевидных следов насилия на трупе нет. Знать бы точную причину смерти. Но это может показать только вскрытие. А кто вызвал скорую и прокуратуру?

– А кто вызвал скорую и прокуратуру?

Приставкин дернул головой, недовольно скривив губы. Но ответил.

– А сам и вызвал. Скорую. Сказал, что сердце прихватило. Скорая приехала, а он уже того. Скончался. Они и засвидетельствовали эту самую кончину.

– А как они в квартиру вошли?

– В открытую дедушкой загодя дверь, товарищ Пуаре.

Ирония профессионала смешанная с раздражением от глупейших вопросов профана. Михаил с ясностью понял, что следователю Приставкину все понятно, а «глухарь», то бишь нераскрытое дело, ему уж точно не с руки. И стоять на этом Приставкин будет насмерть.

– А для тех, кто проявляет ненужную бдительность, дополнительно сообщаю, что дедушке в этом году стукнуло восемьдесят. Следов взлома на дверях нет, и пропавших ценностей также. Надеюсь, меня больше не будут отвлекать. «Пуаро, интеллектуал хренов», заразившись раздражением Приставкина подумал Михаил, но вслух спросил:

– Ладно. Можно в туалет сходить?

– Идите. Уже можно. Меньше мешать будете. А вы – к врачу – можете вызывать труповозку.

Врач прильнул к телефону, а Михаил пошел осмотреть квартиру. Две двери из трех были закрыты на ключ, а третья, полуоткрытая в его прошлое посещение только прикрыта. Михаил толкнул ее и вошел в маленькую спальню с одним окном. Обстановка спартанская. Вдоль стены стояла старая металлическая кровать с шарами на спинках. У изголовья тумбочка. Он был почти уверен, что шпингалеты окна будут открыты. Так и есть. И пыль лежавшая везде на всех поверхностях, на подоконнике отсутствовала. Картина сложилась. Во время его предыдущего посещения в спальне кто-то был. Проник туда, скорее всего с крыши. И дверь приоткрыл, чтобы лучше слышать разговор в кабинете. Ткнуть бы носом этого следователя во все это! Но он понимал, что расследование ничего не даст, кроме вопросов к Михаилу. На которые ответов нет и у него самого в первую очередь. Тупик. Михаил быстро вернулся в кабинет.

– Полегчало? Ничего бывает. В первый раз и заплохеть может.

– Ну да. Бывает.

«Счастливый ты, сопляк. Ты не видел того от чего тебе заплохело бы на всю оставшуюся жизнь» подумал беззлобно в адрес следователя. Приставкин закончил писать.

– Допишите в протоколе напротив своих фамилий адреса и распишитесь. А вот и наряд милиции. Все свободны.

В кабинет протопали двое постовых, для дальнейшей процедуры закона. Михаил и медики ретировались на свободу. Проходя под окнами квартиры Эдвина Михайловича, Михаил посмотрел на крышу. Слуховое окно на покатой крыше находится аккурат над спальней и открыто. Ясно как проникли в квартиру. Но зачем? И как он или они заставили старика позвонить в неотложку? Михаилу хотелось бы думать, что только обманом. Прощайте, Эдвин Михайлович! Наше знакомство было коротким и эмоциональным. Но мне очень жаль, что оно так оборвалось. А вот с получением информации о книге надо бы поаккуратней. Тут не все так просто!

Михаил, отойдя в сторону дома пару кварталов, обнаружил лавку и положенную ей по штату урну. Место специально созданное для того, чтобы сесть, покурить и подумать. Сел, закурил. Пуаре, говоришь? Ладно, думать будем дедуктивно. Если кто-то что и искал в кабинете, то нашел и унес с собой. Все, что пропало – это копии книги Ари. В кабинете была масса очень ценных книг. Для этого «кого-то» ценность копии книги Ари перевешивала ценность всего, что имелось в кабинете. Зачем ему эта книга? Этот «кто-то» из подслушанных моих с антикваром разговоров знает, что книга у меня. Но ко мне ни с предложением отдать, продать либо отнять ее он подходить пока не хочет. Почему? Может быть, еще не представился случай? Хотя он, или они знали время моего следующего посещения антиквара. Значит, прямое обращение или столкновение не входит в планы этого «кого-то». Посмотрим.

Темнота и оберегает, и подвергает опасности одновременно. Преимущества у того, у кого органы чувств более развиты. Михаил пошел домой, максимально сконцентрировав внимание.

Глава 6
Учимся чувствовать.

Михаил шел и размышлял, зацепившись за предыдущую мысль об органах чувств. Что такое то, что я называю мир вокруг меня? Результат анализа пяти органов ощущений. Сенсоров, дающих сигнал от контакта с окружающей средой в мозг, где они принимаются, обрабатываются и сводятся в некую картину мира вокруг. Но объективна ли она? Сегодня настроение хорошее и картина мира ничего так себе. Через полчаса в троллейбусе кондукторша нахамила ни за что. И мир изменился тут же. Он стал похуже. Пришел на работу, узнал новости. Снова неплохо. Простудился, и нос заложило насмерть. Мир без запахов. Совсем другой! А у слепого от рождения? Какой он? А если добавить еще какой-нибудь орган чувств? Мир будет явно другим. Почему он зависит от того, как я способен воспринимать его? Вопрос: Мир вокруг меня или он внутри? Исходя из логики, я ощущаю что-то как мир, что таковым объективно не является! А я привык опираться на «объективность». Эта штука твердая, а эта горячая, а эта красная, а вот эта вкусная, но пахнет не лучшим образом. Я ощущаю вещи «объективно» посредством органов чувств, но сигналы от них проходят анализ моего разума. Посредством электрохимических реакций в мозгу, возникает сознание, которое выдает мне картину мира, но еще и окрашивает ее всякий раз по-разному. Но сам разум не имеет ни одного физического параметра. Вообще! Где этот переход от совершенно материального к абсолютно нематериальному? И тогда материален ли мир вокруг? Или внутри? Михаил чувствовал, что если ему удастся разобраться во всей этой путанице, это поможет найти ответы на вопросы «кто я?», и «зачем живу?».

Михаил подошел к своему дому и, пройдя мимо своего подъезда, вошел в густую темноту неосвещенного участка двора. Постоять, понаблюдать… Постоял минут пять. Никакого движения. Пошел домой. Подумал: «Как хочется побыть с женой эти дни, но события развиваются так, что ей лучше бы куда-нибудь уехать на время. Ну почему так получается!».

– Привет, ну как сходил?

– Нормально, удачно не скажу, но кое-что новое имеется.

Уклончиво ответил Михаил. Не хватало еще ее перепугать.

– Ты знаешь, не знаю как и сказать… В общем на твое решение.

– Что-то случилось?

Тут же напрягся Михаил.

– Звонила Люся. Ей срочно нужна моя физическая помощь и поддержка. Она, ты же знаешь, без серьезной причины не попросит. Она хочет, чтобы я приехала к ней на недельку.

Фуу.. Отлегло от сердца. Но их общая подруга Люся действительно не попросит без серьезной причины. Стоит только подумать и вот решение. Опять смахивает на мистику.

– Я, конечно же, хочу, чтобы ты была рядом, но если мы ей откажем, то кто мы? Что-нибудь серьезное? Когда нужно там быть?

– Серьезное. Не для озвучивания пока. Завтра. Желательно днем.

– Хорошо, езжай утром часов в восемь. К обеду будешь у нее.

Их подруга с детьми жила в небольшом приморском городке. Она была им ближе весьма немногочисленных родственников, с которыми контакты были вынужденными и уж точно формальными. Даже не имея причины желательности ее одиночного отъезда, он не смог бы найти аргументов для отказа. Разве, что поехали бы вместе.

– Спасибо. И знай, я очень бы хотела быть рядом с тобой. Может быть, поедем вместе?

– Очень бы хотел, но кое-что нужно сделать здесь. Это важно.

Она посмотрела неожиданно понимающе.

Утром, после завтрака, она давала ему массу указаний, что кушать, как разогревать пищу, где она лежит. Она разжевывала ему все это в мельчайших подробностях, как неразумному дитяти, но он так соскучился по таким указаниям. Ему хотелось послать все к черту и поехать с ней, но что-то не позволяло это сделать. Что же это за сила, способная удерживать его от столь желаемого? Михаил не хотел даже признаваться себе в этом. Но это была сила еще большего желания. Желания разобраться в событиях последних дней и узнать что-то, чего еще не представлял, но уже предчувствовал. Его неодолимо тянуло что-то, что лежало за границами его привычного мира.

Приехав на вокзал, он демонстративно выставил книгу из кармана, чтобы в случае наблюдения за ним, наблюдатель ее хорошо видел. Посадив жену в вагон, он вообще взял книгу в руки. Чтобы видели лучше и чтобы не стащили в людской сутолоке перрона. Поезд тронулся на юг, и он пошел в центр города. Пешком идти было минут двадцать. Михаил хотел убедиться, что он один, либо его персона кому-то интересна.

Тактика оправдала себя. Уже через пять минут ходьбы по безлюдной улице сзади метрах в тридцати обрисовались два мужика в очень уже узнаваемых черных куртках с капюшонами.

Ба, знакомые все лица! Ну-ну. Сейчас будем выяснять кто такие, откуда родом… Михаил свернул в сторону магазина. Усложним товарищам задачку! Из окна магазина увидел – мужики остановились, соблюдая прежнюю дистанцию. Что дальше? Решение пришло как обычно – спонтанно. Не играть же в шпионов. Не тому обучен. Надо к ребятам подойти незаметненько так, да и спросить. Что, мол, ребят эти самых беспокоит? Может пожелания какие есть? Михаил достал из нагрудного кармана военное пенсионное удостоверение. Красного, к слову сказать, цвета. Вспомнив следователя Приставкина, быстро провел им перед расширившимися глазами продавщицы и бархатным голосом (у него получалось это с женщинами) сказал:

– Я к директору. Не беспокойтесь, я не по службе.

– Проходите. И она подняла как шлагбаум поднимающуюся часть прилавка.

Лицо ее при этом зарозовело здоровым цветом неиспорченной молодой женщины родом из глубинки. Михаил прошел быстрым шагом по коридору подсобного помещения и, не задержавшись у двери с табличкой «Директор», безошибочно проследовал к заднему крыльцу. По дороге подобрал антикварную уже гирьку от весов на пятьсот граммов из комплекта старых поломанных механических весов. Выйдя с заднего крыльца и быстро пройдя дворами, вышел в тыл знакомых незнакомцев в черных куртках. Они стояли неподвижно и во все глаза следили за дверьми магазина. Правую руку с гирькой он на всякий случай сунул в карман. «Смелость города берет». Александр Васильевич Суворов. Неубедительно напомнил себе Михаил, подходя вплотную и обозревая две весьма крепкие, кряжистые фигуры мужиков. Правда и грамотное отступление – не позор. Но отступать было поздно. Они, услышав его шаги, уже разворачивались к нему, и он встретился с четырьмя очень недружелюбными глазами. На лицо они оказались близнецами. Отличались слегка лишь степенью небритости. «Опаньки! – подумал с раскаянием – погорячился, кажись!». Михаил краем глаза увидел отвернувшийся уголок с текстом копии книги немного торчащей в кармане одного из них.

– Парни, а вы книгами не интересуетесь часом?

Михаил выпалил первое, что пришло на ум, прикидывая как ловчее треснуть гирькой и кого первым. Реакция была абсолютно не предсказуемая.

– Мы не говорим по-русски.

Безо всякого акцента, очень даже правильно сказал один из них. После чего они, не сговариваясь, прыснули в разные стороны. Несмотря на очевидную массивность их тушек, бежали

они весьма быстро и очень скоро исчезли в ближайших дворах.

Вот те здрасьте! Чего-чего, а такой реакции он не ожидал! Делать-то, что теперь? Где искать незнакомцев? Михаил был уверен теперь, что именно они были в квартире антиквара одновременно с ним. Но нужно ли их искать? И зачем? Михаил не мог сообразить, что происходит. Прошло так немного времени, а он уже втянут в совершенно необъяснимые события, и вынужден играть в какую-то небезопасную игру. «Ангел», «Разговор» с Ари, необычная книга в его кармане, удивительный сон, Эдвин Михайлович и странные одинаковые мужики, которые явно интересовались книгой – все это было тесно связано и притягивало его. К чему все это приведет? А к чему бы не привело, я хочу идти дальше! Принял он решение. «Похоже, что способность к серьезному анализу не твое сильное место» – подумал с самоиронией. Ари – вот кто сейчас его интересовал более всего. Нужно найти информацию. Где? А схожу ка я в Интернет кафе. Если мой компьютер не хочет выдавать никакой информации, возможно, что другой будет не прочь выполнить свои прямые обязанности. Михаил бодро пошагал в сторону печально знакомого заведения, благо оно рядом. Его подгоняла проснувшаяся чесотка исследователя. Нукась, глянем, что получится? Михаил проделал уже знакомые действия с Яндексом и открыл знакомую страницу. Прочитал, щелкнул в следующую. Сервер не найден! Вот гадство! Тянешься к знанию, понимаешь, а тебе такое вот. Как же подобраться к тебе, о Знание? Вернемся назад:

> «АРИ – Ашкенази Рабби Ицхак, 1534-1572. ….После Книги Зоар следующий каббалистический «взрыв» в Цфате пришелся на вторую треть 16 века. В 1570 году там появился рав Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази, или как его называют – Ари – адонейну рабейну Ицхак. Человек – легенда. Почти все, что мы знаем о нем – это сказание».

А что такое каббалистический «взрыв»?». А что об Ари говорил Эдвин Михайлович, царство ему небесное? «Это был один из величайших ученых-каббалистов в истории». Что общего? Каббала! А, что такое эта самая каббала? Хочу знать! Так-так, что скажет Интернет? Поисковик, ссылки, сайт, страница:

> «…Каббала (древнеевр., буквально – предание),

древнее мистическое учение. Зародилось после вавилонского пленения в III-II в. до Рождества Христова под влиянием учений персидской магии, египетской и греческой теософии. Первый известный письменный памятник каббалистического содержания – «Сефер Иецира» («Книга о творении мира») – относится к VIII в. Главный источник каббалистического учения – книга «Зогар» («Сияние»), созданный в XIII в. Каббала делится на теоретическую и прикладную. Первая содержит учение о Боге, о таинственном смысле цифр и букв, о перевоплощении душ. Прикладная каббала содержит формулы, посредством которых можно будто бы угадывать сокровенное, предсказывать будущее и творить чудесное.

Большая российская энциклопедия».

Ну, как-то неубедительно. Да и Большая российская энциклопедия – прямая наследница Большой советской – объективность сомнительна. Особенно о прикладной части. Магия, предсказательство. Повеяло идеологией. Нет что-то не так! Его охватило ощущение близости разгадки. А как с альтернативой? Михаил щелкнул в следующую ссылку:

«Многие слышали, что Каббала является тайным учением. Именно ее закрытость, завеса тайны послужила поводом для возникновения вокруг Каббалы множества легенд, фальсификаций, профанаций, досужих разговоров, слухов, невежественных рассуждений и выводов.

Лишь в конце 20 столетия получено разрешение на открытие знаний о науке Каббала всем и даже на распространение их по миру.

И потому, в начале этой книги, я вынужден, в этом обращении к читателю, сорвать вековые наслоения мифов с древней и современной, общечеловеческой науки Каббала.

Наука Каббала никак не связана с религией. То есть, связана, в той же самой степени, что, скажем, физика химия, математика, но не более.

Каббала – не религия и это легко обнаружить, хотя бы из того факта, что никто из религиозных людей не знает ее и не понимает в ней ни одного слова.

Глубочайшие знания основ мироздания, его Законов, методику познания мира, достижение Цели творения Каббала скрывала в первую очередь от религиозных масс.

Ибо ждала времени, когда разовьется человечество до такого уровня, что сможет принять каббалистические Знания и правильно использовать их.

Каббала – это наука управления судьбой, это Знание, которое передано всему человечеству, для всех народов земли.

Каббала – это наука о скрытом от глаз человека, от наших пяти органов чувств. Она оперирует только духовными понятиями, то есть тем, что происходит выше нашего мира, что неощутимо для наших пяти чувств, что находится вне их, в высшем мире.

Но названия объектов, сил и действий высшего мира Каббала берет из нашего земного языка. Это необходимо, потому что у нас нет слов для выражения неземных понятий.

Но, поскольку из каждого объекта высшего мира нисходит сила в наш мир и рождает здесь объект нашего мира, каббалист, находящийся в обоих мирах, видя эту связь, описывает высший мир, применяя названия нашего мира.

Но не находящемуся в постижении обоих миров, описания каббалиста кажутся описанием земных действий, хотя Каббала описывает только происходящее в высшем мире.

Использование знакомых слов-понятий приводит к неправильным представлениям и воображениям. Поэтому Каббала запрещает представлять какую-либо связь между объектами, взятыми из нашего мира, и их духовными корнями. Это является самой грубой ошибкой в Каббале.

И потому Каббала была запрещена столько лет, вплоть до нашего времени: развитие человека было недостаточным для того, чтобы перестал он представлять себе всяких духов, ведьм, ангелов и прочую чертовщину, там, где говорится совершенно о другом.

Только с девяностых годов 20 века разрешено и рекомендуется распространение Науки Каббала. Почему? Потому что люди стали выше примитивных представлений о силах природы, как о человекоподобных существах, русалках, кентаврах и пр…

Люди готовы представить себе высший мир как мир сил, силовых полей, мир выше материи. Вот этим-то миром сил, мыслей и оперирует Наука Каббала.

С пожеланием успеха в открытии высшего мира»

Прочитав эти слова, задумался надолго, переваривая информацию. А вот это цепляет чем-то. Хотя и чем-то отталкивает. Чем? А, ну, во-первых, названием. А точнее его русским переводом. Кабала для русского уха означает гадкое господство оного над другим. А наличие двух букв «б» в слове Каббала невнятно отличает одно слово от другого. Михаил помнил не один курьезный случай неблагозвучного звучания очень приличных слов одного языка в другом. Например, название автомобиля «Лада». Такое поэтичное, но перевести на арабский просто стыдно, а произнести – дык легко и по физии схлопотать, если на их территории. Однако, что означает слово каббала на иврите? Интересненько. Михаил забрался в онлайновый русско-ивритский словарь. Каббала – существительное, образованное от глагола лекабэль – получать и означает – получение. Вона как тут все у вас запутано… Значит наука Каббала это наука получать? Разум должен все же быть выше эмоций. Запомним. Но что все это означает? Он пока не мог четко сформулировать, но понимал, что это дело не поверхностного скорого размышления. Как там сказал Ари? «вы так называемое «последнее поколение». Вам кроме веры подавай доказательства. И это правильно! Ну что ж, добудьте их». И добуду, будьте уверенны. Однако оплаченное время закончилось, а желание поесть чего-либо началось. Следует подтянуться к полковой кухне! Домой то бишь. А там посмотрим.

Придя домой, первым делом, включил компьютер. Далее на кухню. На столе обнаружил подробнейшую записку формата А4 с подробнейшим же описанием дислокации продуктов, инструкции по разогреву и порядку их употребления. Очень дальновидно. С благодарностью подумал о жене. Это тебе не омлет и кофе? Насытив тело, почувствовал тягу к духовному. Вошел в Интернет и, найдя сайт посвященный каббале, углубился в чтение.

«Каббала занимается тем, что раскрывает человеку смысл жизни.

Вопрос, в чем заключается смысл человеческой жизни, на каком-то этапе задает себе каждый человек. Особенно остро этот вопрос встает в детском и юношеском возрасте, а потом человек, как правило, забывает о нем, уходит от него – так уж устроена жизнь: человек не может бесконечно травмировать себя вопросом

на который не получает ответа».– Очень знакомо…

«Потому что ответ содержится лишь в одном источнике – в науке Каббала, которая в течение многих веков была доступна лишь избранным». – Смелое утверждение, но пока не совсем убедительно!

«Приходили и уходили поколения, но лишь нам – представителям последних поколений дана возможность получить исчерпывающий ответ на самый главный вопрос. Но и сегодня, когда Каббала из тайного учения стала доступной практически любому нашему современнику, предназначена она непосредственно для тех, кто, повзрослев и даже состарившись, не перестает задавать себе детский, юношеский вопрос – в чем смысл моей жизни, в чем смысл жизни всего человечества. Люди, очень остро ощущающие этот вопрос, и приходят в Каббалу. Они не чувствуют полного удовлетворения, наполнения в своей повседневной жизни. Они не страдают ни маниями, ни депрессиями – просто в этой жизни они не могут достичь душевного комфорта. Почему? Каббала дает ответ на этот вопрос». – А вот это прямо для меня. И он, уже увлекшись, с головой ушел в чтение. Многое было до боли понятно, но многое совершенно не воспринималось, и даже было отталкивающим, так как разрушало базовые представления о жизни. Большинство же из написанного было попросту совершенно не понятно. Но, что странно – ему очень хотелось продолжать чтение. Это его просто манило. Чем? Он, задав себе вопрос, и покопавшись в ощущениях, нашел ответ. Отсутствием зауми, мистики и чертовщины. Все достаточно вменяемо, как сказала бы его жена.

Звонок телефона прозвучал ужасно громко и неожиданно. Звонила жена. Доехала нормально. Люся ее встретила и они уже дома. Привет ей, как дела, как дети? Дежурно как-то. Михаил хотел продолжать читать. Стало стыдно. Подруга все же. Продолжил читать, тут же забыв о Люсиных проблемах. Свинтус – всплыла вялая мысль и угасла. Притащил пепельницу с балкона. Потом проветрю. Не хотелось даже отвлекаться, а некоторые места в текстах и таблицах задевали настолько, что нужно было курение для успокоения и осмысления.

От чтения оторвала усталость от длительного сидения, предельная заполненность мозгов и темнота. Уже вечер? Часы показывали ноль часов двадцать одну минуту. Ночь, однако! Куда делось время? Еще один нематериальный и необъективный параметр материально-объективного мира? Сна ни в одном глазу. Полная опустошенность. Странное дело. Удивительная логика написанного, которая при чтении не давала оторваться от текста, полностью исчезла сразу после его завершения. Михаил толком

не мог вспомнить даже базовые понятия. Однако присутствовало стойкое ощущение разрушения основ. Основ, на которых базировалось его представление о мире. И еще остались переплетающиеся обрывки эмоций испытанных во время чтения. Некоторое время он ходил по комнате раздосадованным котом не в силах с ними справиться. Его смутные подозрения о несоответствии постулатов жизни логике самого существования человека подтверждались прочитанным.

Михаил почувствовал, что ключом к ответам на многие вопросы является отношение к конечности или бесконечности его «Я». Вся картина радикально меняется от отношения того, во что ты веришь! «Я» исчезает после смерти тела или это самое «Я» продолжается. Все основные религии человечества чуть в различных интерпретациях однозначно утверждают о бессмертности некоей сущности человека именуемой «душа». Но вопрос этот для меня не решен! Нет в этом убежденности. И не было никогда! И проблема не только в воспитании. Еще в том, что я всегда хочу исчерпывающих доказательств. А их негде взять. Разве, что постановкой эксперимента, да как вернуться, откуда еще никто не возвращался? И вопрос: «Есть ли Бог?». Из жизненного опыта он знал, что даже воинствующие атеисты орали дурным голосом «Боже, спаси меня!», когда жизнь крепко прижимала им хвост серьезной угрозой жизни или благополучию. Правда, в случае благоприятного исхода ситуации, они же быстро об этом своем крике забывали. Если он, Бог, есть, то какой? И как строить с ним взаимоотношения? Вопросы, вопросы… А требуются еще и доказательства в подтверждение.

Однако, в свете прочитанного и размышлений на тему «материальности» мира появились сомнения и в том, что собственно является «доказательством». «Объективные» доказательства в «субъективной» картине мира. Не звучит как-то. Но тогда что остается? Михаил открыл книгу Ари. «Учитесь верить и чувствовать, майор» прочитал он знакомую фразу. А может быть именно тут и кроется истина? Эта была мысль, прежде бы имевшая статус крамольной и абсурдной, но сейчас она таковой уже не казалась. Дас… Как же научиться чувствовать и верить? Пробовать почувствовать. Вот как! Михаил незаметно для себя перевернул страницу и за словами: «Убедительная просьба – не откладывайте действия в долгий ящик. Слушайтесь чувств. Успехов, Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази» он обнаружил еще одну фразу на русском языке отстраненно отметив, что уже даже не удивился: «Начинайте с начала. У вас

получится». На русском ли? Полной уверенности у него уже не было. Так сначала? Но зачем? Да нет же, догадался, всматриваясь во фразу. С начала, а не сначала! А что есть начало? Как бы узнать? И у кого?

Сейчас он точно знал у кого! Михаил с таким упорством искал информацию о человеке, жившем в шестнадцатом веке по имени Ари. Она явно существовала в изобилии, но по неведомым причинам не давалась ему. А с чего началось все? С «Ангела» который передал ему книгу Ари. Но он был простым курьером. А все началось с разговора с самим Ари. Это и есть начало! Михаил поймал себя на мысли, что не хочет ничего сильнее, чем снова с ним встретится. Чтобы задать совсем другие, настоящие вопросы. И путь также прописан. Через чувство, ощущение. Не через разум. А почему, собственно разум-то не подходит? А потому, что, являясь нематериальным инструментом, обслуживает именно материальное мироощущение. Догадался он. Потому и не подходит! Сна по прежнему ни в одном глазу, а на табло часов уже один час четырнадцать минут. Михаил вспомнил, как прочитал стихотворение в книге в первый раз. Вариант, подумалось ему – надо прочитать его еще раз. Михаил взял книгу в руки и встал на то место в гостиной, из которого попал к Ари в первый раз. Вздохнул поглубже, и стал читать. И… ничего. Но без этого я ничего не узнаю, а мне это так нужно. Я, прикоснувшись к величайшей тайне человеческой жизни, не смогу без ее разгадки! Сила его желания была столь велика, что даже сердце отозвалось учащением пульса. И тут, о чудо, знакомое вращение с плавным исчезновением комнаты. Стало светло вспышкой и темнота. Но далеко не полная. Вокруг просматривались какие-то предметы, но нечетко, как в густом тумане. И невесомости в полном ее понимании не было. Тело было заметно легче, но он ощущал себя стоящим вертикально. И тишина была не полной, нарушаемой только стуком сердца, а было еще множество неясных звуков. Было только знакомое замедление ритма сердца и его полной остановки. Остановки ли? И было отсутствие эмоций, но уже тоже не полное. Михаил пытался угадать знакомые образы, вглядываясь в пелену перед собой. Михаил обнаружил, что может увеличить обзор, вращая головой. Михаил вслушивался в звуки, пытаясь уловить что-нибудь знакомое. Иногда в плывущих тенях угадывались знакомые объекты, а в звуках то птичий гомон, то человеческий говор. Михаил стал вспоминать, что помогло ему в прошлый раз. А, вспомнил! Желание, эмоция. И оно родилось. Я хочу увидеть Ари! Я для этого все и затеял.

И он увидел Ари в знакомом одеянии с мужчиной чуть моложе его, одетым в той же манере, идущим по тропинке, спускающейся среди кустарников к большому водоему. Они о чем-то беседовали. Михаил не разбирал слов. Шли неторопливо, иногда останавливались. Было очевидно, что разговор очень серьезен. Михаил хотел, было шагнуть навстречу им, но не сделал этого. Постеснялся помешать беседе. К тому же он не мог предсказать реакцию собеседника Ари. Они постепенно удалялись и Михаил, выждав еще, для верности шагнул вперед. Как и прежде все органы чувств получили встряску. Он огляделся вокруг. Склон покатого, но довольно высокого холма вел вниз к большому водоему. Слева берег плавно закруглялся. Вправо же водная спокойная гладь скрывалась за горизонтом. Воздух был прозрачен и виделся противоположный берег, тоже возвышающийся, но со значительно более скудной растительностью. На вскидку до него было километров пятнадцать. Михаил двинулся следом за Ари и его спутником, соблюдая дистанцию, обеспечивающую его незаметность. Пейзаж был весьма живописен. Со стороны водоема дул приятный легкий бриз и его одежда из джинсов и свитера была очень подходящей. Нелепыми были только домашние тапочки на ногах. Думать иногда тоже нужно, да делать уже нечего. Михаил чувствовал себя босым. Через тонкую подошву чувствовались все мало-мальски острые камешки тропинки. Это обстоятельство вызывало периодическое тихое чертыханье. Эх, кроссовочки бы сюда. Самые завалящие.

Тропинка стала забирать вправо под сень довольно крупных и густо растущих деревьев и вынужденно петлять среди них. Впереди он увидел Ари и незнакомца, сидящих спиной к нему на крупном валуне и продолжавших беседу. Михаил на всякий случай сошел с тропинки, не выпуская беседующих из поля зрения, и тихо приблизился к ним с тыла. Жаль, не слышно ничего! Внимательно смотря под ноги и плавно огибая ветки, как учили, стал подбираться на дистанцию удовлетворительной слышимости, периодически застывая и проверяя свою скрытность. Было опасение обнаружения, но желание услышать разговор превышало его. «Да скажу, что гуляю мол просто по роще. Грибы ищу, к примеру. Ага. На чистом иврите скажу». Появились сильные сомнения в правильности действий. Но расстояние до них уже достигло порога неплохой слышимости. И он стал слушать во все уши. Разговор шел на очень хорошем «русском» языке. Это приятно порадовало. Михаил начал разбирать слова:

«… Ты помнишь, как мы шли с тобой в Мирон, и слева от

дороги нашли скопище крупных камней? Я просил Тебя тогда напомнить мне об этом? Я начал рассказывать тебе о душах людей и о тех нескольких людях, могилы которых разрушило временем, и от них остались только эти разбросанные камни. Души этих людей сделали большие исправления в мирах, благодаря их работе мы с тобой сегодня можем спокойно говорить о наших каббалистических проблемах.

Кстати, неделю назад мы с нашей группой могли опередить время. Я намекнул об этом всем ученикам. В духовных мирах было состояние, которое позволяло сделать удивительное исправление, исправление, которое сократило бы путь человечества, сделало бы его этот путь более доступным. Я просто сказал им – завтра с утра мы должны подняться в Духовный мир и все. Ты видел – пришли только двое и ты – трое учеников! У кого-то болел живот, кого-то не пустила жена, у Иешуа порвалась обувь – детские сказки!!! ИСПРАВЛЕНИЕ В МИРАХ!!! Следующая такая возможность возникнет только через 430 лет… Мы должны молиться за то поколение каббалистов. Я вижу, что они это смогут…». Слова и даже целые фразы периодически уносились порывами ветерка. И Михаил еще старательнее вслушивался.

«Мы говорили с тобой о том, что душа должна сменить множество тел, как одежды. С каждой душой это может происходить столетия и даже несколько тысячелетий земного времени. Человек будет рождаться в разных странах, в разные эпохи, и везде ему будут предоставлены самые подходящие жизненные обстоятельства для исправления его души. Те ошибки, которые человек совершит в какой-то конкретной жизни, повлияют на то, кем и каким он будет в следующем своем воплощении, и ему вновь и вновь, жизнь за жизнью будут давать возможность исправить свои повторяющиеся ошибки. Интересно, что человеку всегда дают действительно самые лучшие, самые подходящие условия для исправления души, и он практически никогда этого не чувствует, и никогда со своими внешними условиями не согласен. Что сделать – люди просто удивительно необъективны из-за своего эгоизма».

Речи Ари были совершенно шокирующими по смыслу, но интерес от этого только возрастал.

«А есть еще случаи, когда души перевоплощаются целыми группами. Например, существовала в Испании в 13 веке группа каббалистов, очень сильная группа. Ты же знаешь, что кроме тех, кто просто называет себя каббалистами и в то же время делает какие-то театральные глупости, всегда существуют настоящие скрытые каббалисты. Их может быть совсем немного в каждом

поколении, но они выполняют необходимые действия по исправлению всего мира и мир существует, пока есть эти люди. Такие люди могут находиться возле тебя, и ты никогда об этом не догадаешься. Так вот – есть такие духовные проблемы в мире, что решить их может только группа каббалистов, а не отдельные люди. Такая группа представляет собой соединенные части одной разделенной души, я потом при случае объясню тебе, что это такое. Так вот: души членов этой группы могут возвратиться на Землю через несколько столетий, и в виде совсем других людей еще раз соединиться в каббалистическую группу. Для них «сверху» поставлена задача. Повинуясь внутреннему инстинкту, эта группа начинает работы по «исправлению». Она продолжает то, что делала несколько столетий тому назад! Это такой же инстинкт, как у рыб, у животных, которые в определенное время осознают заданную им природой задачу и начинают выполнять программу размножения, даже если они должны умереть из-за этого.

Эх, рав Хаим, если бы ты уже мог видеть, насколько все задано в этом мире, в этой жизни. Но ты увидишь это, и это поможет тебе записать наши беседы в виде книг. Так вот души той самой группы каббалистов еще появятся вместе через несколько столетий, и если человечеству повезет, сделают очень много важных вещей».

А, наверное, спутник Ари – это Хаим Виталь, догадался Михаил, вспомнив слова Эдвина Михайловича. Ари поднялся. Поднялся и его товарищ. Они так же неспешно двинулись прежним путем. Услышанное казалось совершенно нереальным. Но пребывание его в Галилее в домашних тапочках было еще более нереальным, однако все клетки его тела и все его пять органов чувств кричали сигналами о том, то, что он ощущает вокруг есть реальность. От наплыва противоречивых мыслей он, совсем утратив бдительность, наехал лбом на низкую суковатую ветку. Боль от этого была тоже очень реальна. Михаил пощупал ушиб. Крови нет, но шишка будет. Пока он пробирался сквозь густой подлесок к тропинке, Ари и его спутник удалились на значительное расстояние. Михаил ускорил шаг, периодически нелепо подпрыгивая, наступив на очередной острый камень. Тропинка привела его к опушке рощи метрах в семидесяти от воды. Михаил встал за стволом дерева. Почти у самого берега стоял небольшой домик с односкатной крышей. Рядом на шестах сушились рыбацкие сети, а у самой воды находилась наполовину вытащенная на берег небольшая лодка. Ари со спутником стояли рядом с ней и разговаривали с мужчиной, одетым в одну только длинную холщовую рубаху. После недолгого разговора, мужчина

столкнул лодку на воду и, войдя в нее по пояс, придержал для удобства посадки гостей. Ари и его товарищ сели в лодку и сноровисто работая веслами, стали удаляться от берега. Мужчина же стал возиться с сетями.

Михаил несколько отдалился в сторону от тропинки и, усевшись под развесистым кустом, не мешавшим обзору, дал отдых многострадальным ногам. Наблюдая за окрестностями и удаляющейся лодкой размышлял над услышанным. Появилась и мысль о том, как быстро человек способен перестать удивляться. Занявшись арифметикой, сообразил, что будущее время, о котором говорил Ари – это время, в котором Михаил и живет. В этом факте проглядывалась какая-то связь последних событий, с ним персонально произошедших. Что же эта за группа каббалистов? Есть ли она в моем времени?

Лодка удалилась от берега уже километра на полтора и начала рыскать влево и вправо, как будто что-то разыскивая. Михаил с интересом наблюдал за маневрированием. Наконец она остановилась и стала медленно вращаться на месте без усилий со стороны гребцов. Очевидно, она находилась в зоне несильного водоворота. А затем произошло странное. Вокруг лодки образовался светлый круг. Его источником был столб света, опускающийся вертикально из безоблачного неба и упирающийся в воду вокруг лодки. Он был едва различим в свете ясного утра. По нему бежали разнообразные цветовые извивы. Это продолжалось минуты три. Из-за большого расстояния ему не было видно, что в это время делали сидящие в лодке. Некоторое время лодка продолжала плавно вращаться, влекомая водоворотом, а затем гребцы направили ее к берегу. Хозяин лодки встретил ее также как и при посадке пассажиров, войдя в воду. Они ловко выпрыгнули из лодки и, судя по жестам, благодарили его. Затем Ари и его спутник неторопливо двинулись в обратный путь.

Глава 7
Учимся верить.

У Михаила было время для того, чтобы занять позицию достаточно близкую к тропинке, но совершенно незаметную для проходящих по ней. Но когда Ари с товарищем поравнялись с ним, Ари громко сказал:

– Выходите, майор! Мы будем рады вас приветствовать.

Михаил почувствовал, как краснота поползла по его лицу. Вот ведь стыд, спалили как пацана!

– Идите же к нам, уже можно. Ваша деликатность и забота о душевном равновесии моего товарища достойна всяческой похвалы.

Михаил двинулся навстречу им, изо всех сил стараясь не выглядеть смешным и не замечать острые камни под ногами. Однако слова Ари были оценены по достоинству. Хороший мужик! Нужно сказать, что гордыня Михаила, хоть и была спрятана им очень глубоко, имела совершенно невероятные размеры. Для него не существовало ни кумиров, ни авторитетов среди живущих. Михаил понимал, что это не нормально, но поделать с собой ничего не мог. Смешно сказать. Михаил, понимая, что Владимир Высоцкий талантище и живая легенда для всей России, согласился с этим очевидным фактом только после его смерти. Было очень стыдно и жалко. Однако в случае с Ари он не чувствовал внутреннего противления силе его личности. Столь очевидная и, что очень важно подчеркнуть, доброжелательная мощь исходила от него. Наконец, Михаил, как нетрезвый лось, проломившись сквозь цепкие ветви густого кустарника, служившего ему столь ненадежным укрытием, предстал пред Ари. Тот широко улыбался.

– Позвольте представить вам моего товарища и ученика рава Хаима Виталя. Мы на озере Кинерэт. Это очень необычное озеро. Вы потом поймете почему.

Молодой мужчина с такой же бородой и столь же длинными черными волнистыми волосами как у Ари, но без седины приложил руку к груди в полупоклоне. Вид его был слегка смущенным. Михаил, памятуя свою прошлую неловкость, постарался скопировать этот жест максимально точно, тоже поклонился и представился:

– Я, очень рад встрече и знакомству. Я о вас слышал от Ари и не только.

Хаим Виталь удивленно вскинул брови. Кто тот человек, кто

рассказывал вам обо мне?

– Я о вас слышал от одного знатока литературы и читал в Интернете.

Михаил запоздало сообразил, что некоторые термины могут быть неизвестны обитателям этого времени и, что впредь нужно больше думать, прежде чем что-либо изречь. Но Хаим Виталь, судя по его реакции, был человеком воспитанным, а, возможно, очень информированным и знавшим о существовании интернета. Ари смотрел на них с полуулыбкой.

– Вы, майор уже много слышали из нашей с Хаимом Виталем беседы. Я не буду утруждать вас повторением. Добавлю лишь вам и раву Хаиму Виталю, который сегодня приобщился к великим тайнам мироздания, что до сегодняшнего момента изучать каббалу и быть связанными с Творцом могли только единицы… С настоящего времени и далее, благодаря моим исправлениям в духовных мирах, каббалой смогут заниматься уже не единицы, а те, кто просто будет этого желать. Это смогут быть даже женщины и дети любых наций и вероисповеданий. Потому, что наше время – это начало совершенно новой эпохи в жизни человечества. Все более и более тяжелые и неисправленные души опускаются в наш мир. Они требуют особого исправления, которое невозможно без изучения каббалы. Каббала – это методика постижения Творца. И каждое новое поколение требует некоторого обновления этой методики, потому что, не постигнув Творца, не увидев и не прочувствовав его свойств, душа исправиться не может.

Михаил мало, что понял из слов Ари. На это требовалось время для хоть какого-нибудь осознания. Да и изрядная доля скепсиса свое дело тоже делала.

– А вам, майор, выпал жребий помочь в этом многотрудном и ответственном деле. Вы должны будете соединить критические точки во времени. Но, вы должны знать, что это тяжело и – он помедлил – опасно. Вы можете легко отказаться от своей миссии. Здесь не может быть и тени насилия над вами.

Михаил внимательно посмотрел ему прямо в глаза очень серьезным взглядом. Ари стал даже темнее лицом. Михаил впервые за время общения с Ари видел его столь серьезным. Он понял, что должен принять решение прямо сейчас. Нет, он не боялся опасности. Михаил к ней привык давно. Относясь с профессиональным уважением к опасности, он научился не бояться ее, а выполнять свою работу четко, удалив из действий мешающий страх. Но были сомнения другого толка. Тот ли он человек, который сможет правильно выполнить эту миссию? Михаил не имел ни необходимого для этого знания, ни хоть какого-то представления, что ему нужно делать. И он понимал,

что на нем будет лежать ответственность за все человечество. Осознание этого наваливалось даже физически, придавливая его к земле. Вот уж влип, так влип! Я ведь обычный, совершенно запутавшийся в жизни человек. А еще он понимал, что он не был внутренне согласен со многим из того, что услышал. Михаил хотел бы кое-что прояснить.

– Майор, я понимаю ваши чувства и сомнения. Я готов ответить на ваши вопросы в той мере, в какой имею право. Спрашивайте.

«А я, собственно, за этим сюда и заявился. Почему нет?»

– Ари, я не знаю кто такой Творец? И я далек от уверенности, что он добр и прав по отношении к своим творениям. Я вижу, сколь прекрасна и совершенна во всем природа нас окружающая, но мы, люди испытываем много горя в жизни, а человек столь несовершенен, что это самое горе – основной продукт его деятельности. Как я могу быть уверенным в том, что я делаю правильно, выполняя ваше поручение? Да еще осознавая, что ответственность за этот мир ляжет на мою голову. Вдобавок я, лично, совсем не лучший экземпляр среди столь несовершенного человечества.

– Ответ мой, возможно, еще более вас запутает, но я знаю, вы сами найдете свой и верный. Но рискну. Человек вовсе не знает, что такое добро и зло. Он вообще не видит далее своего носа. Кто из живущих сможет точно просчитать отдаленные последствия оказанной кому-то от чистого сердца доброй услуги? Через десять – двадцать изменений ситуации поданная вами нищему копеечка может привести его к мучительной смерти. А вас, недостаток ее же в вашем кармане – к великому позору. Мы мним себя обладателями разума и выбора. Но не имеем ни того, ни другого. Мы имеем лишь иллюзию и разума и выбора. Не вы ли совсем недавно желали себе одного – умереть. Замечу, всерьез, не наиграно. А еще вы же хотели заменить Бога, то есть Творца и переустроить мир в «лучшую» сторону по своему разумению. Вы в своем эгоизме достигли почти самого дна. И, тем не менее, это неизбежная часть вашего пути. Вашего духовного развития. Именно пройденный путь, родил в вас настоящий крик к Нему! И он услышан. Именно из такого осознания собственного несовершенства рождается настоящая молитва человека к Творцу! И она не обязательно должна быть уважительной и благозвучной. Молитва – это настоящее требование к Нему. Требование объяснения своего предназначения. Но обязательно предельно искреннее. Вы не знаете своего предназначения и страдаете от этого. В вас заговорила частичка Творца, которую Он вложил в свое творение. Именно она дает желание к чему-то, что лежит вне

нашего материального мира – мира абсолютного эгоизма, получения. И вы противоположны Творцу в вашем нынешнем состоянии. И, поэтому, вряд ли примете то, что я скажу вам – ваше предназначение, предназначение любого человека стать равным по свойствам Творцу, а, следовательно, отождествиться с Ним. А путь достижения этого полная отдача, «любовь к ближнему» о которой все религии во все времена говорят открытым текстом. Мало сказать говорят – кричат. Разве люди слышат это? Они не могут слышать потому, что материал их составляющий – есть получение ради себя. Человек, творение и есть полная противоположность Творцу по свойствам! Вы начали учиться чувствовать. Но вы не умеете еще верить. Научитесь! Поверьте и добудьте доказательства. А если их не будет, то кто вас сможет неволить верить? Ведь для того, чтобы понять что два и два – четыре, нужно поверить учителю, что это именно так. А затем, проверив, оставить это в себе или отбросить. Я, Ицхак бен Шломо Лурия Ашкенази, утверждаю, что Творец – это добро в Абсолюте. Поверьте мне сейчас, временно. Иначе вы остановитесь в своем дальнейшем развитии. И требуйте и ищите этому доказательств. У вас все есть для этого.

Ари хитровато улыбнулся и, подмигнув Хаиму Виталю, продолжил:

– А, что, майор, вы разве не видите, что происходит с человечеством в вашем времени? Пятьсот сверхбогачей владеют половиной планеты, в то время, когда целые страны в Африке погибают от голода и болезней. Войны и массовый террор стали практически легальным бизнесом. Их можно заказывать для решения своих проблем в том или ином регионе планеты. Были бы деньги! Священнослужители занимаются политикой и бизнесом. Диктатура государственной машины в, так называемых демократических странах, превзошла самых ужасных диктаторов истории. «Свободный человек» скован таким количеством законов, что и чихнуть без юриста не может из страха преступить хоть один из тысяч законов. А остатки свободы его поедает само «свободное» общество диктатом, что нужно носить, что есть, смотреть и даже хотеть. Страх, страх миллионов людей перед самой жизнью. У кого от голода, а у кого от пресыщения и отсутствия желаний. Самоубийства на этой почве не поддаются статистике. А отсроченных по времени самоубийств через алкоголь и наркотики в тысячи раз больше. Но, что самое безысходное – у человечества не осталось мечты. Мечты на лучшее. Все формы общественного устройства перепробованы, и все привели к их краху. И ни один прорицатель не в состоянии сказать, не случится ли всемирная ядерная катастрофа в

следующую минуту. Так, что, майор, есть у вас выбор?

У Михаила пересохло в горле. Он совершенно ясно осознавал, что выбора нет не только у него. Ни у кого в его времени выбора не осталось! Слова Ари больно пронзили не разум, ясным пониманием, а сердце.

– У меня нет выбора. Что я должен делать? – Хрипло сказал Михаил.

– Дайте мне книгу, пожалуйста.

Он протянул Ари книгу, обнаружив, что вцепился в нее изо всех сил. Ари нашел валун побольше и сел. Хаим Виталь извлек из недр своего одеяния замысловатую чернильницу-непроливашку, гусиное перо и, обмакнув его в чернила, подал Ари. Тот что-то коротко написал в книге и, подождав пока чернила высохнут, протянул книгу Михаилу: «Вы должны отнести ее одному человеку. Тоже не в вашем времени. Вы получите необходимые пояснения из книги. Я же желаю вам, нет нам всем людям, удачи».

– Я хотел бы задать еще пару вопросов, если позволите?

Ари с интересом взглянул на него. Брови его удивленно поднялись.

– У вас еще осталось желание задавать вопросы? Добрый знак. Задавайте, пожалуйста!

Не скрывая улыбки, оба его собеседника смотрели на него.

– Каким образом я оказался в вашем времени. Это чудо какое-то. Или вы знаете заклинания, способные переносить людей и предметы во времени? И что мне приснилось, если вы знаете, о чем я говорю?

– Ну, что вы! Люди называют чудом только то, чего не пока способны познать. Чудо умирает в момент познания его механизмов. Чудес вообще нет, как нет волшебников и колдунов и тому подобной мистики. В нашем случае все еще проще – «Человек там, где его сердце». Старая как мир истина. Вы хотели быть здесь достаточно сильно, для того, чтобы быть здесь. Мир, ощущаемый нами как материальный, весьма иллюзорен. Почему бы иллюзии не побыть «материальной» некоторое время?

Ари подмигнул ему лукаво.

– А, что касается вашего сна, то это исключительно ваши персонально предощущения духовного мира. Но помните, майор, что бы вам не представлялось из вашего нынешнего состояния, не может иметь никакого сравнения и по силе и по нюансам реальных ощущений, когда вы обретете свойства для ощущения Духовного Мира!

– Еще один вопрос, если можно?

Арии ободряюще кивнул.

– Насколько я понимаю, наука Каббала исходит от еврейского народа. Да и вы тоже еврей. А я точно знаю, что отношусь к русскому народу. Так почему же я выбран что-либо делать?

И Арии и Хаим Виталь одновременно прыснули от смеха, но быстро его подавили. А Хаим Виталь сказал:

– Уважаемый Михаил Сергеевич, нет большей глупости, нежели разделение людей по национальным признакам. Это лишь для того, чтобы ими было легче манипулировать в своих корыстных целях. Правителям, политикам… Это же касается и религий. И это притом, что все религии проповедуют одинаковые заповеди и «не убий» в том числе, сколько людей было уничтожено во имя религиозной правоты? А ведь источник всего сущего один и для него все одинаково равны. Просто имен у него много. Разница же между людьми, пока, очень проста. Одни стремятся познать Творца, а другим лишь кажется, иногда искренне, что они стремятся. Впрочем, это временно.

Ари и Хаим Виталь подняли руки в знак прощального приветствия. И смотрели на него с одинаковой улыбкой близких по духу людей.

– А теперь пора за дело. Мы еще встретимся, Михаил Сергеевич, но не в этом времени.

Голос Ари стал меняться и искажаться как в прежние разы. Картина окружающего стала размываться и исчезла вовсе. Вспышка света и сумерки, сквозь которые смутно, но все же различался интерьер его квартиры. Вестибулярный аппарат уверенно фиксировал наличие силы тяжести и правильную ориентацию тела в пространстве. Михаил осмысленно выбрал куда шагнуть и вышел в гостиную через дверь. Часы показывали один час четырнадцать минут. Михаил прошел к креслу и уселся в него устало. Идти по ровному полу было чрезвычайно приятно. Усевшись, он снял домашние тапочки и внимательно их осмотрел в поисках следов от камней. Ни малейшего намека. А ноги еще чувствовали весь рельеф тропинки у озера. Открыл книгу и не обнаружил ни одной новой фразы понятной ему. А надеялся. Михаил почувствовал, что очень устал. Точка. Душ и спать.

Глава 8
Иллюзии и их материальные последствия.

Утро, ну кто забыл закрыть шторы!? Без особой злости. Так с легкой досадой. И тут что-то новое. Я должен что-то делать? Делать желанное. Хорошее. Свет утра в разомкнувшихся глазах, с ощущением жизни. Да, я хочу этого. Черт побери! Что, вот не вспомню. Тело проснулось – сознание в полудреме. Душ, ну конечно – это пробудит. Я вспомнил, да я все вспомнил. Странно, но то, что я помню, сегодня не кажется полной бредятиной. Вода сверху – жизнь в ее лучшем проявлении. Везде. Михаил начал напевать мелодию, где-то слышанную. Интересно, почему людям в душевой хочется петь. И ведь поют! Даже те, у кого нет к этому никаких данных. Как в моем случае. Хотелось бы верить, что никто не слышит. Вспомнил. Эту мелодию напевал Ари. Боже, как она прекрасна! Так, что там у нас в инструкции по завтраку. Нужно, чтобы совпала дата, затем время суток, и остается найти соответствующий набор продуктов в холодильнике. Затем, отдельная подинструкция по разогреву. Так, завтрак готов к употреблению. Странно, как некоторые умудряются не смочь приготовить завтрак? Это так просто – читай и делай. Да, нужно быть особенно тупым, чтобы остаться голодным! Ну а помыть посуду – это под силу даже клиническому идиоту. Коим я, естественно, не являюсь. Так, а что дальше? Начнем с книги. Берем, открываем, ищем знакомые буквы. Ничего нового. А, что теперь? Ну, пожалуй, Интернет. Михаил включил компьютер и нетерпеливо стал дожидаться возможности войти в Интернет. Ну, наконец! Знакомый адрес: www…. Главная, ссылка на страницу об Ари, переход на следующую – сервер не найден. Тьфу ты, опять двадцать пять. Продолжим… Кликнул наугад в заголовок, еще разок не глядя, открылась страница:

> «Когда тело человека умирает, душа переселяется в новорожденное тело. Из одной жизни в другую в душе постепенно накапливается готовность к проявлению себя в человеке. Многие жизни человек проживает, не ощущая свою душу – стремление к высшему миру. Человек ощущает проявление души как новое желание, стремление, как пустоту, которую он не знает, чем

заполнить. С этого момента начинается путь поиска, который обязательно должен привести его к Каббале…

… Бывают случаи, когда отдельным душам поручается вновь облачиться в тело для выполнения особой миссии – помощи остальным душам в нашем мире, облаченным в тела. Наиболее яркий пример – последовательное нисхождение в наш мир великой души Авраама, которая затем являлась в образе Моисея, Рашби, Ари, Бааль Сулама».

Так, так. Я это уже слышал от Ари. Почти слово в слово. И какой вывод? То, что, не смотря на то, что «общение» с Ари иллюзорно, оно было! Классный вывод. Крыша поехала? Да нет, не похоже. Тут что-то другое. Опять упираюсь в мироощущение. Мой, так называемый разум, с внешней средой не контактирует напрямую. Ему нечем контактировать. Он обрабатывает сигналы от органов чувств и, рисует некую картину, основываясь на этих данных. Медицине известно, что если воздействовать на мозг электрическими импульсами, моделированными в соответствии с сигналами, получаемыми от органов чувств, то рождается «картина» действительности. Действительности, которой нет! Но испытуемый-то утверждает, что это было. Он ведь чувствовал! Но нужно быть совсем уж балбесом, чтобы утверждать то, что вокруг это только то, что я вижу, слышу, осязаю, обоняю и ощущаю на вкус. Человек научился видеть в инфракрасном, рентгеновском и, еще в черт его знает, каком спектрах. С помощью приборов, естественно он видит то, чего не видит без них… Но тогда получается что? Что об окружающем мире я ни фига не знаю. Я же наивный, пытаюсь судить, что есть действительность, а что иллюзия. Михаил почувствовал себя несмышленым ребенком перед первым походом в школу. И как ни крути, то информация, которую прочитал и услышал за последние три дня, хотя бы имеет право на внимательное к ней отношение. Но еще она просто манит! Развеял по ветру последние сомнения и, опять забыв о времени, рухнул в чтение на сайте.

Михаил скакал со статьи на статью. Кликал различные темы наугад и везде застревал, увлекшись материалом. Как и в прошлый раз, он испытывал совершенно различные, от радости абсолютного понимания до полной непримиримости к материалу, эмоции. Мозги оплавились и были готовы полностью перейти в жидкое состояние. Это может привести к насморку, что недопустимо. Сострил. К тому же очень хотелось банально набить брюхо. «Не сытое брюхо обещаю, но вечный голод духа!» –

вспомнилась цитата откуда-то. В моем случае все с точностью до наоборот – подумал с иронией – но это все же веселей. Взгляд на часы – мама, дорогая пять часов! Интересно, а еда иллюзорна совсем или хоть капельку материальна? Да, жизнь подбрасывает желания, а мы бежим их наполнять. Замечательно. И очень вкусно, кстати. Ладно, что там по расписанию? Настроение явно улучшилось. Пойти мусор выбросить, сигарет купить, кофе, пройтись? Да уж не помешает. Быстро собрался и борзенько потрюхал на мусорку в полутора кварталах от дома. Зашел в магазин, купил сигарет. Там сосед выпивоха, радостно метнулся навстречу.

– Сосед, дорогой, живем бок о бок сколько лет, а вот так вот пивка попить, за жизнь поговорить – ни в одном глазу!

Ну, талант, так завернул! Главное все сказал, что хотел. Но пить не хотелось и, тем более, спиртного. Хотелось вернуться домой к компьютеру и продолжать чтение. Стоп! А где книга? Михаил подумал, что за последнее время она все время находилась при нем. Даже в холодный пот бросило. Да ладно, дома же оставил. Но это почему-то сработало неубедительно. А тут еще сосед. Трубы у него горят, оценил мгновенно взглядом. Не отцепится. Деньгами не откупиться – не возьмет. Неприлично, видите ли. Надо было маневрировать. Михаил вернулся к прилавку, купил две бутылки пива и, подойдя к соседу, откупорил обе. Одну протянул соседу. Тот радостно впился в горлышко. Вот же вампир пивной, с раздражением подумал. Оторвавшись от бутылки, сосед счел долгом в благодарность отплатить мудрыми речами. Этого в плане не было и Михаил, хлопнув себя по лбу, с максимально возможным надрывом сообщил:

– Блин, склероз. Важнейшее дело забыл! Прости, друг. Держи бутылку, я побежал. В следующий раз.

Сосед, обалдевший от привалившего счастья, имея в распоряжении сразу две бутылки, что-то прокаркал вслед. Михаил же, влекомый беспокойством, почти побежал домой. Смеркалось, но у своего практически всегда безлюдного подъезда он заметил черное пятно при приближении оказавшимся знакомым в черной куртке. На шухере стоит, гад. Явно! Михаил приближался столь стремительно, что мужик успел рассмотреть его только когда дистанция была для него трагически мала. Думать потом – сначала бить. И он левой коротко ткнул мужика в солнечное сплетение, а правая встретилась с челюстью сгибающегося тела. Скорости сложились, и результат не замедлил сказаться. Мужик беззвучно осел у двери. Правая рука закричала от боли. Ах ты сволочь такая. Ты мне руку сломал, кажется!

Прошипел он злобно. Ощупал. Да нет вроде. Посмотрел на мужика оценивающе. Нокаут. Минут пять времени есть. Тихо открыл дверь и проскользнул в неосвещенный еще подъезд. Кошачьим шагом стал подниматься на свой этаж. У двери пусто, она не закрыта – есть маленькая щель. Не успел выйти, ворюга. Искать книгу не долго – лежит перед компьютером. Сам дурак! Михаил выбрал позицию у двери. Дверь открывается наружу. Следовательно, мужик, выйдя, сделает пару шагов прежде, чем увидит опасность. Книгу явно спрячет в одежде. Значит просто выхватить из рук не вариант. Придется его класть также как и первого. Лады, ждем. Расчет оказался точным. Осталось четыре минуты, и второй тихо приоткрыв дверь, прислушивался к тишине. Наконец тихо двинул, вперед обнажив тыл. Михаил треснул его по загривку кулаком. Неприятель, по замыслу должен был, мягко оплыть на пятую точку. Вместо этого, мужик взревел, как раненый секач и, развернувшись, уставился на него. В глазах смешалось удивление и ужас. Ну, щас он мне тоже будет в бубен целить, подумал и прикинул, как мужика половчее лягнуть. Нога рассекла пустоту, ибо вместо нападения мужик ударился в бега без боя. «Голубь ты мой мирный, куда же ты летишь без меня!» взвыл Михаил, понимая, что книга сейчас унесется в надвигающуюся ночь. Вспомнил, как мужики удирали в прошлый раз – осознал, что шансов догнать нет. Он просто спрыгнул на мужика, когда тот был на лестничном марше строго под ним. Тот удержался на ногах и с нежданным грузом на спине продолжал движение. Михаил понял, что мужик ну очень крепкий и вынесет его, а главное, книгу даже сквозь закрытую дверь подъезда. Подсек ноги и они покатились по лестнице оба. Выкатываясь на лестничную площадку этажом ниже, Михаил жутко треснулся головой о кафельный пол. Все вокруг поплыло и расцветилось салютом искр из глаз. Но мужик оказался под ним прижатый брюхом к полу. Зажал ему горло захватом сзади. Тот, хрипя, упорно полз к выходу. Врешь, не уйдешь, морда басурманская! Тот начал дрыгать ногами. Не передержать бы болезного. Ну, еще чуточку. Мужик затих. Михаил перевернул его на спину и, нащупав книгу за пазухой, извлек ее, тут же отправив к себе во внутренний карман. Ну, вот теперь и реанимацией можно заняться. Не без наслаждения залепил мужику полновесную пощечину. Результат обнадежил. Вор снова захрипел и закашлялся.

А теперь домой от греха подальше. Мой дом – моя крепость. Там посмотрим. Поднявшись на свою площадку. Увидел торчащий из щелки глаз соседки.

– Да тут пьяный какой-то. Дом перепутал. Я его спустил

пониже, он пообещал уйти.

Внизу послышались нетвердые спускающиеся шаги. Глаз моргнул дважды и скрылся. Дверь соседки тихо щелкнула замком. Михаил вошел в свою, распахнутую и, закрыв ее тщательно, сел прямо на пол у двери. Немного даже подташнивало. Голова не болела, она трещала по швам. Правая рука опухла и обе от напряжения подрагивали. Ребра болели, но целы. Поднялся и добрел до кресла. Закурил.

Вряд ли сунутся прямо сейчас. Им надо раны сперва зализать. Однако есть тут странность. Мужики, при всей очевидной нехилости, в открытое столкновение вступать явно не собирались. Его беззаботная оплошность давала им очевидные преимущества. Зайди они в квартиру вдвоем, легко бы скрутили беспечного хозяина и забрали книгу. Иллюзий на то, что он справился бы с двумя ожидавшими и готовыми действию ворогами такой комплекции, у него не было. Но предпочли тихо украсть. Почему? Кто же они такие? Зачем им книга? Как она?

Всполошился. Достал из кармана и внимательно осмотрел снаружи – никаких следов ущерба. А внутри? Открыл первую страницу, вторую, пролистал всю книгу. Все в целости. Уф! Как она мне стала дорога, однако. Ну дык… Как без нее мир спасешь? И засмеялся от комичности происходящего, взглянув на создавшуюся ситуацию со стороны. Михаил, потрепанный, сидит в своей квартире не обладая ни силой, ни властью, ни знанием и рассуждает о том, как получше и порациональней спасти человечество! Вдобавок не знает от кого и как. Закончив нервно смеяться, понял, что в том, что слышал и прочитал в последнее время, чувствуется потрясающая глубина. Просто он ее не видит. И что тогда? А поверить во все это! И делать что в силах и что не в силах тоже. А уж потом проверить. Обязательно!

Глава 9
Знание, где ты?

Раздевшись, первым делом подумал о приемлемом оружии на случай попыток штурма со стороны вороватых библиоманов. Выбрал русский аналог американской бейсбольной биты – большую скалку для теста. Прикинул – неплохо. Да еще двуручная! Осмотрел внимательно замок входной двери. Никаких следов взлома. Возможно очень хорошая отмычка? Кисть руки туго забинтовал эластичным бинтом. Над косяком двери присверлил площадку из куска доски. Поставил на нее кастрюлю с водой. Привязал к ней веревку. Второй конец к двери. Отрегулировал длину на одну треть открытия двери. Попробовал протиснуться аккуратно. Получилось впритык. Отлично, любой из книголюбов был существенно шире. Подарок супостатам. И грохота много, и водица отрезвляет. Прикинул куда можно спрятать книгу в случае чего. Решил за съемную панель кондиционера вместо фильтра. Вошла как неотъемлемая деталь агрегата. Никому в голову не придет его включать в это время года. После этого сел, наконец, и задумался, а дальше-то что? Откладывать в долгий ящик подвиги не стоило. Ситуация стала развиваться динамичней и совсем не в желаемом русле. Это обстоятельство мобилизовало мыслительный процесс. Так. Ари говорил, что мы встретимся с ним еще, но не в его времени. А в чьем? Должна быть какая-то последовательность или закономерность. Ари не простой ученый, это ключевая фигура. Но таких было несколько. Так, так. Я читал сегодня об этом! Где же это. Михаил метнулся к компьютеру. Набрал знакомый адрес и стал скользить по страницам. Вот!

«Наиболее яркий пример – последовательное нисхождение в наш мир великой души Авраама, которая затем являлась в образе Моисея, Рашби, Ари, Бааль Сулама».

С библейскими фигурами Авраамом и Моисеем вопросов не возникало. В Ветхом Завете они прорисованы в полной мере. О них знают все. Даже ярые атеисты. Следующий в ряду – Рашби. О нем мне ничего не известно. Но если он в компании с Авраамом и Моисеем, то, несомненно, также является человеком выдающимся. Нужно найти информацию о нем. Поискав недолго, нашел короткие сведения:

«Рашби – раби Шимон Бар Йохай, автор книги Зоар именуемой также Древом Жизни. Родился спустя сорок лет после разрушения второго Храма в четвертом веке. Был учеником

самого раби Акивы, особого мудреца поколения. В течение тринадцати лет он со своим сыном раби Элизером скрывался от преследования в пещере, где они достигли высочайшего духовного уровня, уровня пророка Ильи. Книга Зоар – величайший источник высшего постижения, была сокрыта в течение восьмисот лет с момента своего написания и появилась вновь только в одиннадцатом веке. Раби Шимон Бар Йохай прожил около восьмидесяти лет и умер окруженный многочисленными учениками и всенародным признанием. Этот день отмечается как День света».

И вправду столп мудрости! И опять загадочная книга «Зоар». А вслед за Ари по исторической шкале идет Бааль Суллам. Не надо быть семи пядей во лбу для уверенности, что этот человек также выдающийся ученый – каббалист. Очень интересно узнать и о нем. Поиск. Нашел:

«Йегуда Лейб Алеви Ашлаг родился в пятый день месяца Тишрей 5647 г. (1886 г.) в Варшаве в семье Симхи Алеви. Уже в 12-летнем возрасте самостоятельно изучал Талмуд и знал его, а в 14 лет проработал уже все «тосфот». Знания его в открытой Торе были столь обширны, что в 19 лет он получил звание раввина от великих раввинов Варшавы того времени! А то было время больших знатоков Торы! Он сразу же начал работать судьей в раввинском суде Варшавы и отработал в этом качестве, а также учителем по подготовке судей в течение 16 лет.

В 1922 году его семья прибыла в Эрец Исраэль, в порт Яффо, и оттуда сразу же поднялась в Иерусалим. Поначалу рабби Й. Ашлаг планировал зарабатывать на пропитание простой работой, не раскрывая никому, кто он. Но судьба распорядилась иначе: его сразу же узнали, как известного в Варшаве судью и учителя. Он начал сразу же преподавать и продолжил изучение Тайной Торы самостоятельно в стенах ешивы «Хаей Олам».

Уже в то время все великие предводители поколения, такие, как рав Зоненфельд, рав Кук и рав Коэн, отзывались о нем, как о великом последователе Ари.

В 1924 году Бааль Сулам переехал в район Гиват Шауль и начал работать там раввином этого района Иерусалима. Его ученики ходили пешком из Старого города до Гиват Шауля на урок, начинавшийся в час ночи. С рассветом расходились по домам.

В 1926 году Бааль Сулам уехал в Лондон и там написал свои комментарии на книгу «Эц Хаим» великого Ари, названные им «Паним Меирот» и «Паним Масбирот». В течение полутора лет не выходил он из своей комнаты, пока не закончил свой труд. В 1927 году этот труд вышел из печати. В 1928 году рабби Й. Ашлаг

вернулся в Эрец Исраэль.

1943 году начал работу над своей великой книгой – комментарием «Сулам» на Книгу Зоар. Писал он по 18 часов в сутки, вплоть до того, что даже с посторонней помощью невозможно было разжать его пальцы, чтобы вытащить перо.

Рукопись не проходила никакой проверки, а писалась сразу же начисто из прямого постижения высших миров. Постигнутое прямо превращалось в строчки, и рукопись немедленно уходила в типографию. Не хватало денег на бумагу и чернила, кофе и сигареты – то, без чего Бааль Сулам писать не мог! Зачастую во многих местах он желал бы написать более подробное объяснение, но, ввиду отсутствия бумаги, был вынужден сокращать текст.

В 1953 году он завершил свой великий труд, но затем добавил еще три тома.

В день ухода рабби Й. Ашлага из этого мира, в день Йом Кипур 5717 года (1956 г.), он указал начать молитвы на два часа раньше обычного. Все ученики молились в соседней комнате, Бааль Сулам лежал на своей постели, и когда хазан рав Моше Барух Лембергер остановился и не смог более произнести ни одного слова, все молящиеся поняли, что их великий Учитель оставил их!».

Да уж, мощная получилась цепочка людей! Как было написано на сайте это появление в материальном мире одной души с особой миссией в различных телах. Прочитанное и увиденное им за последнее время начало потихоньку складываться в единую мало-мальски понятную картину. Михаил чувствовал, что объем этого знания ничтожно мал и требуется тысячекратно больше времени и, главное, усилий, чтобы приблизиться к полному пониманию того, что именуется наука каббала и к тому, что она изучает. Правда и сомнений у Михаила не стало меньше. Особенно относительно «научности» каббалы. Однако, сильнее всего было новое чувство, ощущение того, что все же существует некая сила, которую люди называют Богом или еще тысячами именами. И, что кроме нее не существует более ничего. А то, что люди видят что-либо иное – есть их восприятие, согласно их же свойствам, на этот период. Мир видится таким, каким ты СПОСОБЕН его увидеть. И никак иначе! Собственно вывод удивил его самого. Михаил вдруг осознал, что в самом недавнем прошлом подобное не пришло бы в голову. Следовательно, и его свойства изменились. Это навело мысли о книге. Михаил открыл ее и с нетерпением прочитал известные уже к нему обращения. Его ожидания оправдались. Михаил прочитал новую фразу: «Делайте следующий шаг, майор. Будьте

осторожны. До встречи». Мистика, не мистика, а назвался груздем – полезай в кузов.

Михаил глубоко задумался. До сих пор я не знаю ничего о моей функции. Я не представляю, как я могу повлиять на ситуацию в мире? Возможно ли это в принципе? Если бы была помощь со стороны? Хоть какие-то разъяснения или хотя бы подсказки. Михаил попробовал сконцентрироваться на логике последних событий. А и не было никакой логики! Нужно было опять ориентироваться на чувства. Я хочу знать методику моего персонального влияния на окружающий мир. Некий алгоритм, позволяющий воздействовать и изменять его в желаемом направлении. Не важно, что при этом использовать. Желание, силу мысли, чувство. Неплохо бы этот алгоритм найти и овладеть им! Тогда я смогу изменить и сам мир? Я и буду Бог? Недурно, недурно, потекли в этом русле приятные мысли.

– Нет, не получится ничего. Для получения возможности изменять мир вам нужно приобрести свойства прямо противоположные вашим нынешним. Да и не нужно менять мир – он совершенен.

Раздался знакомый голос со очень правильным выговором. Михаил устремил взор в направлении голоса и увидел Ангела, стоящего у двери на балкон. Тот же взгляд и выражение лица. Но вот одеяние шокирует, мягко выражаясь. Он был одет в скверно сделанный из картона и фольги от шоколадок карнавальный костюм робота шестидесятых годов. На голове блестящая шапочка с антеннами от телевизора. Вокруг него с тихим потрескиванием голубовато светился «энергощит», как в фантастическом фильме. В правой руке он держал меч джедая из «Звездных войн».

– Ой. Что это с вами?

Не смог удержаться задать некорректный вопрос. Не удержал и улыбку от увиденного.

– А я тут не при делах. Я в натуре совсем другой прикид имею. Какой базар? Ты меня нарисовал – ты и зенки пяль. Надо перетереть кой о чем по понятиям.

Михаил оторопел и от сленга и от смысла сказанного. Однако вспомнил слова Ари о сущности Ангела и понял ассоциативный ряд своего подсознания. «Как робот и неуязвим». Но вот из какого подсознания «феня» вылезла – осталось загадкой. Темная эта штука, подсознание. Потянешь за волосок, а оттуда тигр как выскочит! А не тяни…

– Извините, пожалуйста, если я повинен в этом.

– Да не вопрос, пацан.

Ангел вышел в прихожую и вернулся через пару секунд. Одет

он был уже вполне современно. Его бы не отличить уже на улице от обычного прохожего.

– Я собственно к вам с поручением. Я должен прояснить вопрос с понятиями мысль, желание и его реализация. Имеются сведения, что вы об этом только что размышляли. И, что самое грустное, пришли к неверным выводам.

– Что вы имеете в виду?

– То, что вы пока еще путаете понятия. Представьте себе мир бесконечности, где нет времени и пространства. Мир сил в чистом виде без облачения в материю. Самое сильное, что существует в мироздании – это мысль, желание. Появление желания означает и результат – его наполнение. В материальном же мире между мыслью, желанием чего-либо и реализацией желаемого есть неизбежное препятствие – действие. Оно продиктовано нахождением вас в трехмерном пространстве. Именно поэтому вам недоступен путь, о котором вы рассуждали. Это ограничение для пользы и только из заботы о человеке.

– Как это из заботы. Неизбежность действия делает человека несчастным, а подчас не позволяет достигнуть мечты! Где же здесь польза?

– Все очень просто. Если вы захотели получить двадцать килограмм золота. На здоровье. Вы берете лопату и иные инструменты и, применяя их, добываете его в далекой тундре или тайге. В поте лица своего, к слову сказать. Не важно. Можно их заработать и другими способами. Пожалуйста! Но вот если вы в эмоциональном перевозбуждении от обиды на весь мир возмечтаете его взорвать, то для достижения этого вам придется затратить усилий в действии в миллион раз больше. Что с вероятностью, практически, сто процентов невозможно.

– Неужели у кого-нибудь может появиться подобная бредовая мысль?

– Да, и сколь угодно много. У человека в бреду, например. Поэтому человек в материальном мире и имеет ограничения. Как ребенок в яслях. Он еще ничего не понимает, но уже учится ползать. Для того чтобы не ограничивать его обучение и в то же время не допустить его травмирования, его посадили в манежик. Он и развивается и в беду не попадет. А у вас есть уверенность в дееспособности и вменяемости всего человечества на нынешнем уровне развития? Вся история человечества, включая новейшую, говорит об обратном. Но развиваться необходимо. Следует лишь точно знать в какую сторону.

Не согласиться с подобными доводами невозможно. Грустно, но это так!

– Так что же можно и нужно делать? Как узнать где эта

сторона.

– Я этого не знаю. У меня есть поручение, которое я выполнил на пятьдесят процентов. Возьмите, пожалуйста, это вам.

Ангел протянул хорошего качества рекламный буклет на английском языке. Буклет приглашал на открытую встречу ученых разных областей науки. Тема встречи – что-то о восприятии мира в свете последних научных открытий. Но на обратной стороне буклета было обведено знакомыми чернилами с золотым проблеском адрес и время встречи:

«March 22, 2005, 7 p.м.
JCC of San Francisco
Kanbar Hall, 3200 California Street, San Francisco, CA 94118 Tel: (415) 563 – 8249»

– Что это и зачем? Будут какие-то пояснения?

– Нет, я передаю только то, что мне поручено. Теперь поручение выполнено полностью. Мне пора. Находиться в этом состоянии, поверьте, очень нелегко. Огромная затрата энергии на стабилизацию формы.

Михаил ничего не понял про стабилизацию, но сочувствие родилось. Ангел вышел в прихожую. Михаил кинулся, было вслед с навалившейся кучей вопросов, но, уже двигаясь, понял, что прихожая будет пуста. И не ошибся.

Он никак не мог уловить какая связь между его заданием и чередой великих людей, о которых узнал. До сих пор он имел дело только с Ари. И еще этот буклет. Осталось пять полных дней. Но ведь это в Калифорнии! И что. У меня нет ни денег, ни визы. К чему бы это? Гадай – не гадай, нет ответа. Да, Ангел не внес ясности. Правда, он предостерег от ошибки. Разве мало?

Что же касается способа влияния на мир, то действительно человек должен быть совершенным, чтобы была исключена любая случайность. Он должен иметь иные свойства. А еще точнее – его сущность должна быть противоположна нынешней. Но вот вопрос – может ли человек изменить свою сущность. Ведь он таким создан. И не в его возможностях ее, сущность, изменять, ибо он не Творец, а Творение. Но что он тогда может сделать сам? Михаил вспомнил слова Ари в последнюю их встречу:

«…ваше предназначение, предназначение любого человека, стать равным по свойствам Творцу а, следовательно, отождествиться с Ним. А путь достижения этого полная отдача, «любовь к ближнему» о которой все религии во все времена

говорят открытым текстом. Разве люди слышат это?».

То есть существует путь, которым я могу изменить свои свойства – возлюбить ближнего своего, как самого себя. И что? Я сам смогу возлюбить этих двух уродов, которые только, что влезли в мой дом? Или того удальца, который купил половину чужой страны вместе с ее монархической системой на деньги, которые он присвоил и вывез из России? Или того Жору, который втерся в друзья и, выманив деньги, попытался убить меня, чтобы их не возвращать?

Да, я точно знаю – это невозможно возлюбить таких ближних! Нет у меня сил для этого. Поэтому все призывы религии вот уже тысячелетия остаются лишь призывами. Но если нет на это сил у меня, творения, то может быть существует сила, способная эти силы дать? Нужно, обязательно нужно выяснить, что это за сила? Хотя я, пожалуй, уже могу предположить, Кто может в этом помочь.

Остаток вечера он провел за чтением литературы, найденной на, ставшим уже привычным, сайте. Как и в прошлые разы, эмоции от материалов сайта были самыми противоречивыми и острыми. Но моментов полного неприятия смысла прочитанного уже было много меньше. Была в этих статьях и переводах древних книг мощь первозданной правды. Правды создания всего сущего. Именно она, эта неподвластная времени, людям и их представлениям правда изменяла его самого. Михаил чувствовал это. Очень смутно, но чувствовал.

Когда все тело затекло от сидения и сознание уже перестало впитывать информацию, он встал и извлек из тайника заветную книгу. Пролистав все знакомые записи, как и ожидал, обнаружил новую. Она гласила: «Михаил, пришло время сделать следующий шаг. Будьте осторожны. Успеха». Следующий шаг это как? Михаил подумал о череде великих каббалистов. Началось все у меня с Ари. Следующий шаг – следующий за Ари. Это Бааль Сулам! Ари как-то не понятно сказал: «Мы еще встретимся, но не в этом времени». Разговор был в шестнадцатом веке. Или в иллюзии шестнадцатого века. Михаил поймал себя на мысли, что его уже не приводят в недоумение подобные рассуждения. Михаил вспомнил все, что удалось найти о Бааль Суламе. И старую фотографию молодого Йегуды Лейб Алеви Ашлага в круглых очках и с пронзительным взглядом, которую обнаружил на сайте. Мысли потекли в попытке представить этого человека. Какой он был, какое время и люди окружали его?

Михаил испуганно запнулся в мыслительном потуге случайно упершись взглядом в домашние тапки на ногах. Не контролируя себя почти, пошел и обул ботинки. Затем, надел куртку и

проверил, есть ли сигареты и зажигалка. Встал посередине зала, взглянул на часы. Пошел на кухню и взял банку растворимого кофе. Сунул в карман. Двадцать три пятнадцать. О'кей. Поехали. Ничего. Ну, в чем дело? Мысленно проверил последовательность действий в предыдущих своих экзерсисах со «временем» и «пространством». Чего не хватало? Книги, оставшейся лежать у компьютера! Склероз – время пить танакан. Слоган из рекламы лекарств. Тьфу ты! Скоро мы только ими и начнем разговаривать, просто подбирая соответствующие ситуации. Подумал раздраженно. Взял книгу в руки и практически сразу ощутил знакомое вращение и свет, и тьму серого цвета и снижение силы тяжести. Сквозь серую пелену увидел маленькую комнату размером с кладовку. В ней стоял письменный стол, стул табурет в углу и более ничего. Стол был завален бумагой, исписанной и еще чистой в разных стопках. Стеклянная чернильница и ручка в ней торчащая. И никого в комнате. Тихо. Вот попал! Дальше что? И куда мне теперь?

Сердце стучало с замедлением и встало, как и в прошлые разы. Он ждал, но ощущение невесомости усиливалось. Значительно больше, чем в прошлый раз. Вид комнаты стал мерцать и мутнеть, пока не исчез вовсе. Упс? А затем все пошло совсем не по плану. Пространство вокруг него ощутимо сжалось и полыхнуло ярким рыжим огнем, но не обжигающим. Просто теплым. И началось скольжение в этом самом пространстве. Причем спиной вперед. Его начало вращать, а поскольку все происходило в облаке рыжего огня, то он никак не мог сориентироваться из-за отсутствия видимости хоть какого-нибудь ориентира. Ощущения значительно ниже среднего. Он пытался как-то изменить или приостановить вращение изменением конфигурации тела. Со стороны это очевидно было похоже на телодвижения гусеницы на паутинке. Но как ни странно его потуги увенчались желанной стабилизацией. Теперь он несся куда-то в положении на животе, головой вперед. Кажется.

Стало чуть легче. Он пытался хоть что-нибудь разглядеть впереди. Ну, вот попал, так попал! Предупреждал ведь Ари об осторожности. Рыжее пламя стало тускнеть и сквозь него стало просматриваться нечто еще не определяемое как объекты. Наконец он стал видеть ровное залитое светом окружающее пространство без конца и края. И его движение утратило смысл. Ощущение движения существует только если есть точка относительно которой ты движешься. Впереди как раз и возникла черная точка. Аспидно-черная, которая стала стремительно расти в его сторону. Или он начал падать в нее, что было по сути одним и тем же. Затем он увидел вспыхнувший ослепительно на фоне

уже заслонившей почти все черноты луч ушедший в ее сердцевину. И тут бабахнуло. Ему показалось, что он даже слышит звук взрыва возникшего в центре черной пустоты. Из центра все стороны стал расходиться бешено клубящийся туман, как ему показалось. От центра к периферии он становился более разреженным и прозрачным. Его стало разрывать на отдельные клочки большие и малые. Они в свою очередь сгущались, и, казалось, становились твердыми. Затем в каждом отдельном фрагменте стали вспыхивать яркие точки, и постепенно все пространство черноты наполнилось различной степени яркости точками, объединенными в большие и малые группы. Внутри групп также происходили трансформации. Точки сливались, взрывались, разлетаясь осколками. Все это вращалось и клубилось и сверкало всеми цветами. Но была и общая закономерность. Все фрагменты разлетались в стороны от центра образуя сферу все более заполнявшую черноту вокруг. Картина постоянно менялась и, в конце концов, он начал угадывать в ней нечто знакомое. Это была картина вселенной, наполненная спиралями галактик и туманностями. Они продолжали разлетаться от центра к периферии, стремительно приближаясь к нему. Или он стремительно падал к центру. Скорость сближения оценить даже приблизительно не представлялось возможным. Во всей картине была первозданная красота и мощь, которую не с чем было сравнивать. Весь его опыт не позволял выдать хоть какое-нибудь подобие для сравнения. Наконец он пересек границу разлетающейся вселенной и продолжал нестись к центру окруженный скользящими мимо него спиралями галактик и сгустками туманностей. Он догадался, что это и есть «большой взрыв». Об этой теории он знал из научно – популярной литературы. Любой астроном душу заложил бы за эту картину. Но у Михаила была лишь мысль о том, что произойдет, если он столкнется хоть с малейшей частицей родившейся материи. Предположения были самые мрачные. Не сиделось вот дома! Черт, и что дальше? Ему казалось, что прошла целая вечность, а стремительное движение все не прекращалось. Возник страх, что он напрочь застрял во всем этом. Он определил, что его собственное движение имеет направленность не строго к центру, а по касательной к нему. Одна из звездных систем двигалась прямо на него. Он успел разглядеть даже нюансы ее строения. Внутри нее продолжались процессы сгущения тумана в твердые тела. Наконец движение его относительно звезд стало замедляться. Он увидел несущееся на него солнце. Одно из миллиардов вокруг. Оно имело золотистый цвет. Вокруг него также клубился туман, сгущаясь на глазах. Эти сгущения

центробежной силой вращения выстраивало в орбиты вокруг солнца. Он приблизился к одному из них, схлопывающегося в плотный шар. Он увидел, как сгустившееся вещество полыхнуло изнутри жидким огнем. Шар окутался неким подобием атмосферы. Затем раскаленная поверхность стала темнеть, но снова разлилась лавовыми разливами. И вновь уже окончательно стала твердеть. Он понял, что является зрителем картины планетообразования. А именно эта планета – Земля. Он увидел, как пролетавшее мимо нее большое тело было захвачено силой гравитации планеты и стало вращаться вокруг нее – Луна. На планете менялись геологические эпохи. Атмосфера становилась прозрачней, сквозь нее стали просматриваться контуры материков и океанов, а планета приобрела голубой цвет. Процессы эти были ускорены в миллионы раз во времени. Он продолжал приближаться к планете. Интересно, а она не иллюзорная? Если нет, то, учитывая скорость сближения, я сгорю в атмосфере, не успев даже этого почувствовать. Но если принять во внимание, что сердце не бьется уже очень давно, а я еще жив, находясь в «вакууме» космоса, то есть надежда на благополучный исход. Вторая версия была много предпочтительней. Встреча с атмосферой ознаменовалась яркой вспышкой, но отсутствием сжигающей температуры. Языки пламени окутывали его, уносясь назад. «Чистый «Союз», спускаемый аппарат – подумал он – докатился!». А где точка приземления. Он несся над поверхностью океана. Затем появилась суша, покрытая разорванными облаками, судя по очертаниям, Европа. Траектория по его расчетам оканчивалась где-то в ее центре. Ему остро захотелось домой, но Россия пролегала где-то правее, а управлять движением не представлялось возможным. Картина полета внезапно прервалась и он оказался в том же месте и обстановке из которой его выбросило в незапланированное путешествие. Все было так же, только за столом сидел молодой мужчина. Он был одет в жилетку поверх белой рубахи и темные брюки. На бледном лице с очень правильными, тонкими чертами были круглые очки. Мужчина сидел неподвижно и напряженно. Михаил вспомнил фотографию Бааль Сулама, виденную им накануне на сайте. Это был он! Михаил не решался сделать шаг без приглашения, но страх опять отправиться на экскурсию в неведомое пересилил соображения деликатности. Он сделал шаг вперед. Как и в предыдущих случаях последовала вегетативная буря, но не сильная. Мужчина повернулся в его сторону и встал. Сквозь очки на него смотрели очень пронзительные карие глаза.

Глава 10
Книги и люди.

– Слава Богу, вы вернулись! Рад вас видеть. Позвольте представиться, Иегуда Ашлаг.

Он протянул руку для рукопожатия.

– Михаил Тихомиров.

С неадекватным энтузиазмом после странного путешествия Михаил ответил рукопожатием.

– Вы не представляете как я рад встрече и знакомству!

Бааль Сулам внимательно посмотрел на него, и в глазах мелькнула подозрительно знакомая добрая усмешка.

– Как вы себя чувствуете после прогулки к моменту сотворения мира? Его описал еще Ари в своем стихотворении. Наука подойдет к этому только в конце двадцатого века. Но стихотворение описывает не только этот процесс. Оно гораздо глубже. Мне нелегко пришлось, доставая вас из недр времени и пространства.

– Как я туда попал? Все поджилки до сих пор трясутся.

– Вы просто недостаточно сконцентрировались на цели. А все остальное – это не более чем иллюзия. Но что может быть реальней иллюзии? Возможно только иллюзия реальности. Как вы думаете?

Бааль Сулам улыбался глазами сквозь очки. Да, слишком знакомо. Очки вот только.

– Откровенно говоря, я совершенно запутался в перемещениях во времени и пространстве и иллюзорностях. Я в самом смелом предположении не мог представить себе подобного еще неделю назад. Однако я сейчас говорю об этом без признаков удивления. Возможно, я сошел с ума?

– Не волнуйтесь, вы совершенно нормальны. А для столь короткого времени адаптации вы держитесь просто великолепно. Совершенно очевидно, что вы выбраны правильно. Но вы не представляете, как много вам предстоит узнать о мироздании, себе и человечестве. Однако дайте мне, пожалуйста, книгу, я должен кое-что сделать. Присаживайтесь пока. Мне нечем вас угостить, к сожалению. Кофе закончился.

Михаил вспомнил и извлек из кармана банку кофе «Нескафе классик» и пачку сигарет.

– Вы позволите мне предложить вам кофе и сигареты. Я прихватил их специально для вас.

Бааль Сулам внимательно взглянул на Михаила и, взяв дары,

повертел их в руках.

– Да, технология развивается. А про сигареты вы откуда знаете? Я слишком много курю. Впрочем, я вам очень благодарен за заботу.

– Я много прочитал о вас за последние три дня. И прочитал ваши статьи о науке каббале. Как результат – у меня в голове полная каша. Что-то я начинаю понимать. Вернее чувствовать. Разум оказался слабым подспорьем в этом деле. Но в целом картина мироздания, описываемая каббалой, как наукой, у меня совершенно запутанна.

– Ну, Михаил Сергеевич, вы слишком нетерпеливы. Вот уже, без малого, шесть тысяч лет существует каббала. Конечно же, она не всегда так называлась. Но это не меняет сути. Тысячи томов были, в разное время, написаны разными каббалистами. Эта наука – источник всех наук на земле. И религий тоже, как ни странно это звучит. Однако она была всегда сокрыта от человечества. Человечество не было готово к восприятию этих знаний. В силу своего развития. Точнее наоборот. В силу недостатка развития. Именно по этой причине вокруг нее столько легенд и вымысла. Но ваше время – время людей впервые достигших подобного уровня развития не в единицах, а в массовом количестве. Это люди, которые уже не могут, не в состоянии удовлетвориться теми наслаждениями, которые имеются в «материальном мире». Витальные желания, богатство, власть, слава, знания – уже не приносят полного удовлетворения. Это не означает, совершенно, что их не существует. Они есть и будут, но имеется уже и нечто большее. Вы уже чувствуете это нечто за пределами материального мира. Но вы не знаете где искать. Люди в вашем времени будут метаться между религиями и учениями в поисках чего-то, что они предчувствуют, но не знают где найти. Придет время открытой науки Каббала. И люди, соприкоснувшись с ней сами определят ее необходимость для себя обнаружив в ней полное отсутствие национальных черт, политики и мистики. Это знания о высшем управлении мирозданием и о Цели человечества. Цель прекрасна! Все это знание принадлежит не отдельным группам людей, политическим кланам или научным сообществам, а всем и каждому на планете кем бы он ни был. Но это еще впереди. А то, что вы нетерпеливы это, пожалуй, очень хорошо! Это сокращает время. Но я предложу вам отрывок из величайшей книги, книги «Зоар» существующей уже семнадцатое столетие. Это Книга, в подробностях описывающая строение мироздания, но язык ее очень непрост для понимания. Попробуйте его на «зуб» так сказать:

«…

16. Сказал раби Шимон: на это небо и его силы в М'А созданы, как сказано, когда я вижу небеса, деяния рук Твоих, и сказано: М'А – как величественно имя Твое на всей земле, которую поставил Ты выше небес, он поднимается в имени. Потому сотворил свет для света, одел это в это и поднял в имени высшем, это вначале сотворил Творец. Это Творец высший, потому что М'А не такое и не создано».

Михаил слушал минут десять, но ничего не понял. Ну совсем ничего! Но было совершенно необычное чувство. Ни при каких обстоятельствах, он не смог бы назвать этот текст нелепым или лишенным смысла. От текста веяло удивительной мощью.

Ну, и как все вам понятно? Так практически все в этом мире. Мы видим что-то, чем оно не является и слышим то, что по смыслу вовсе иное. Я пишу пояснения к ней, чтобы облегчить людям ее понимание. Я бы хотел написать двести томов, но нет возможности. И все предрешено… Бааль Сулам на минуту задумался, открыл книгу, взятую у Михаила, и что-то быстро записал в нее. Скорость его письма просто потрясала. Деревянная ручка с металлическим пером мелькала от чернильницы к бумаге и обратно с выверенной четкостью автомата. Он взял пресс-папье и промокну л исписанную страницу.

– Михаил Сергеевич, вот вам ваша книга. Вы должны возвращаться. Вам еще предстоит многое. Вы получите необходимые знания в нужный момент. Мы с вами в Варшаве. Сейчас одна тысяча двадцать первый год по европейскому календарю. И здесь, сегодня произошел еще один излом в истории. В вашем времени вам предстоит найти в Москве одного человека и поговорить с ним. Это важно. Очень!

Он отдал Михаилу книгу и крепко пожал ему руку.

– Я не прощаюсь с вами. Мы еще не раз встретимся. Будьте осторожны и удачи.

Он смотрел на Михаила с полуулыбкой и тот очень остро и четко почувствовал, что они знакомы тысячи и тысячи лет. Причем не в переносном, а в прямом смысле. Просто он еще очень мало знает, а возможно просто не помнит чего-то грандиозно важного. Ощущение было таким же, как при встрече с Ари. Откуда же, черт побери, все это берется? Он неуклюже махнул рукой и очутился в серой мгле, сквозь которую была видна его гостиная. Не раздумывая, шагнул вперед, даже не заметив практически полного отсутствия прежних ощущений с гравитацией и прочими эффектами.

Часы показывали двадцать три пятнадцать. Так, я в очередной раз отсутствовал ноль минут. Это интересно. Куда девается время? Или оно не существует в представляемом нами

виде? Он первым делом спрятал книгу в тайник, разделся и сел покурить и разобраться с впечатлениями. Слова Бааль Сулама навели на размышления. Он примерил их на себя. То, что происходило с ним в последние год-полтора, было очень похоже на то, что услышал от него. Слово «метаться» примененное Бааль Суламом наиболее подходило.

Он искал какие-то грандиозные проекты в бизнесе, и бросал их, не закончив. Он читал все, что попадалось на глаза от мистики до научных статей в толстых журналах. Он пытался найти утешение в плотских удовольствиях. Все надоедало едва начавшись. Он утратил вкус к жизни в любом ее аспекте. И только сейчас он снова начал ощущать ее вкус. Он чувствовал, что делает нечто совершенно не понятное ему. Да и наплевать! Но, оно ужасно важно! И что в его жизни ничего важнее никогда не было, несмотря на то, что она, эта самая жизнь, была у него, мягко говоря, весьма и весьма наполненной в общепринятом смысле. Он подумал, как там жена? Поздновато звонить, но очень хотелось. Конечно, он не мог рассказать ей всего, что произошло с ним за последнее время. Но даже в простых словах: «Как ты там? Я скучаю» может быть передана бездна информации и чувства. И самое главное – чувства! Ведь человек именно ими и живет. А все остальное так не важно. Он все-таки позвонил. И трубка ответила после первого гудка. И сказал и услышал эти простые слова. И лучше этого не было ничего. Пора было спать.

Он проснулся от грохота кастрюли не сразу поняв, что происходит. Рука нащупала скалку рядом с подушкой. Михаил рывком вскочил с кровати и встал в проеме спальни и прихожей. «Да черт бы вас побрал, настойчивые вы мои. Неймется, ты погляди-ка!». Зло подумал он. Дверь была открыта настежь, а пустая кастрюля висела на веревке. Но на пороге стоял сын, потирая ушибленную голову и отряхивая воду с куртки.

– Пап, ты тут чего нагородил? Что происходит? Так сейчас детей в отчем доме привечают? А где мама?

Вид его был предельно озадаченным и слегка обиженным.

– Да все в порядке, ты проходи, ребенок, проходи. Я сейчас тебе все объясню.

Пряча скалку за спиной и пятясь, он сокрылся в спальне и оделся.

– Так что происходит-то. О, хорошая машинка.

Сын уже разделся и сидел за компьютером.

– Мама у тети Люси. Приедет дня через два-три. А кастрюлька для сигнализации. Вчера какие-то гады замок вскрывали. Сегодня поменяю.

– Ничего так с кастрюлькой получилось. Простенько и со

вкусом. И громко, и весело.

– Бери на вооружение. Надеюсь, не пригодится никогда. Ты чего с утра прибыл, гость редкий? Как дела семейные?

– Нормально все. Я здесь рядом был по делам. Решил заскочить и занести тебе твою записную книжку. Она попала в мои вещи, когда я переезжал от вас. Может, она тебе нужна? Там много чего записано. А компьютер откуда?

– Купил вот по случаю. Для мамы. Да и сам пользуюсь. Кстати, глянь как все подключено? Может чего не так? Сам собирал.

– Не без гордости сообщил Михаил.

– За книжку спасибо. Кто знает, что и когда может понадобиться?

Про себя удивился. Сын проявил удивительную заботу о вещи, которая в его глазах не стоит ничего. Но приятно все равно. Сын с интересом копался в компьютере. Михаил стал просматривать записную книжку. Он вдруг наткнулся на телефон своего друга Александра в Москве. Когда-то они были очень дружны. Они были молоды и учились в училище. Другу вскоре пришлось уйти из авиации. Как шутил Михаил, тот был слишком умен для военной службы. Это и в самом деле было так. Парню достаточно было лишь слушать лекции, чтобы сдавать все экзамены на «отлично». Он свободно говорил и читал на английском и вскоре после выпуска его присмотрели какие-то спецслужбы. С тех пор они не виделись и Михаил, часто его вспоминая, все намеревался друга найти. Но боялся ему повредить, неосторожным розыском. Очень может быть, зря боялся. Но так уж случилось. А затем жизнь закрутила, и начались новые времена. Как-то с полгода назад бывший однокашник дал ему телефон Александра в Москве. Раза два или три Михаил пытался прозвонить по нему, но телефон молчал. А жаль. Он еще повертел записную книжку и сунул в карман джинсов. Благо она совсем небольшая.

– Ничего не напутал, и программы стоят не криво. Может мне его домой забрать, до ума довести?

– Вот уж дудки! Знаю я тебя – потом не отобрать. Ты же собрал себе то, что хотел.

– Ладно, шутка. Пора мне, я пошел. Маме привет.

– Ты бы и сам пообщался. Вот будут у тебя свои дети – они за нас тебе отомстят, так и знай. За то, что родителей не часто балуешь присутствием.

Сын улыбался привычному родительскому ворчанию.

– Пока!

– Пока, привет супруге! Береги ее, обормот.

Сын ушел. Михаил вытер лужу в прихожей и разобрал конструкцию с кастрюлей. Позавтракал согласно указаниям в записке жены, просмотрел книгу на предмет новых записей и ничего не обнаружил. Подумал и, собравшись быстро, пошел пройтись по городу. Так без цели. Подумать. Он шел, и мысли происшедшем за последнее время вертелись и вертелись. А еще он думал, как ему попасть в Москву и что означает буклет о встрече ученых в Сан-Франциско?

Ноги несли его по совершенно непредсказуемому маршруту. День был солнечный, и уже пахло весной. Он увидел автосалон по продаже дорогих иномарок. Сам салон его не привлекал, но при нем было прекрасное небольшое кафе. Там было уютно и очень недорого. Автосалон держал марку. Захотелось испить кофейку. Он бывал пару раз в кафе и знал, что там готовят хороший кофе. Зашел, заказал кофе. Вспомнил Бааль Сулама. Представил его в темноватой комнате за работой. Весь бы кофе этого города отправить в Варшаву двадцать первого года! И пару блоков сигарет. Не больше. Он сидел и наслаждался по настоящему хорошим кофе. Мысли текли своим путем. Кафе прозрачной стеной примыкало к автосалону и сообщалось с ним дверью. На торговой площадке стояли роскошные автомобили. Покупателей не было, и продавец уже от полного отчаяния протирал идеально чистые бока авто. Но вдруг Михаил увидел входящего покупателя. Продавец метнулся к нему голодным крокодиленком. В покупателе Михаил узнал своего бывшего партнера по бизнесу Жору. Тут же всплыли и подробности с ним связанные.

Это было на рыбалке, на которую его буквально затащил Жора. Михаил не любил рыбачить и поехал в какие-то непролазные дебри из желания не огорчать Жору. Он вспомнил, что Жора как-то странно себя вел и под предлогом, что ему мешают поймать какую-то особую рыбину, удалился за пределы видимости. Михаил вспомнил, как оторопел, видя наставленную ему в голову двустволку в руках законченного алкоголика, которого Жора взял с собой. Спасла Михаила склонность алкаша к театральности. Он решил произнести пару пафосных слов. Этого хватило, чтобы увернуться. Выстрел только оглушил. Второго не было. Вспомнил горечь разочарования в «друге» и обиду за мелочность его душонки и чувство гадливости, когда алкаш весь в кровавых соплях рассказывал детали злоумышления в обмен на свою никому не нужную жизнь. Жора, конечно, испарился с места рыбалки. Вспомнил и, каких усилий стоило ему не грохнуть дружка за подлость. Чтобы не стать на одну ступень с ним. Жора с тех пор отлеживался на дне как мог, но теперь видно осмелел. Денег, кстати, не вернул.

«Ну-ну, посмотрим, что ты здесь присмотрел?». Жора не мог его видеть. Стойка бара надежно прикрывала ему обзор. Да и внимание Жоры было скованно шустрым продавцом. Тот ходил с видом большого барина и внимал рекламным пояснениям. Жора был одет в новое длинное темное пальто. Это был стиль явно не по полету. В руках была обязательная для имиджа узколобого постсоветского бизнесмена толстая «барсетка» представляющая собой не что иное, как гипертрофированный кошелек. Это был символ и знак обладателя денег. Жутко кстати непрактичный. Минут двадцать Жора, делая недовольные гримасы, мордовал продавца капризами на подмогу, к которому заспешил администратор.

Наконец Жора стал что-то спрашивать. Оба вышколено показали на дверь туалета и понурились. «А не проведать ли мне дружка закадычного?» – вдруг решил Михаил. Рука еще ныла от вчерашних упражнений с почитателями книги, да и от эмоциональной встречи с безвинно уничтоженной чашкой. «Что-то ей достается в последнее время». Он дождался пока Жора зайдет в туалет, и с нейтральным видом проследовал туда же. Жора возился с пуговицами пальто, стоя лицом к писсуару. Навыки были еще явно недостаточными. Не столь давно, судя по всему, в «князи» стал выбиваться. Не дав бывшему соратнику закончить борьбу с упрямыми пуговицами, Михаил, постаравшись вложить в тон максимум миролюбия и даже доброжелательности, поинтересовался:

– Здравствуй, Жора, как живется тебе, все ли в порядке?

Получилось совсем уж елейно. Жора, стоящий спиной вздрогнул всем телом, и резко повернулся к Михаилу, совершенно очевидно сразу узнав его голос. Под мышкой он держал нелепую «барсетку», а руки продолжали дергать застрявшую пуговицу.

– Помочь может чем?

Так же сладко продолжал Михаил. Он даже спрятал руки в карманы, чтобы сразу не двинуть мерзавца по морде. Глаза Жоры были прикованы именно к ним. Михаил, весь подобравшись, медленно приближался. Что он будет делать с Жорой, не имел даже смутного представления. Что-то его серьезно удерживало от решительных и весьма логичных в сложившихся обстоятельствах действий – сильно набить рожу и вычеркнуть Жору из своей жизни навсегда.

Глаза Жоры были наполнены неподдельным животным страхом. Михаилу стало жалко его. Он был озадачен этой жалостью к человеку, который не просто был вором, а вором, использующим самые высокие чувства в человеке – чувство

дружбы и взаимной поддержки. И не погнушавшемуся убить ради десятка тысяч долларов. Михаил вдруг представил, какую цену тот заплатил за свою жажду обладания хоть какими-то деньгами. Сколько бессонных ночей ожидал он прихода мстителя? Сколько усилий приложил, чтобы отвести беду от себя, не встретиться с расплатой? И вот когда вроде чуть было отпустило – она, расплата, и нагрянула. Михаил четко осознал, что Жора ждет сейчас именно смерти. Сколько же раз он, глупец, уже умирал от шороха в ночи, шагов за спиной, вида собственной тени?

Жалость снова нахлынула. Ну каких же денег может стоить такая вот жизнь? Он остановился. «Жалкий ты и убогий. И очень бедный. Ты заплатил значительно больше, чем украл!» подумал Михаил. Он уже был готов просто повернуться и уйти. Но все же очень хотелось взглянуть Жоре в глаза, однако они были неотрывно прикованы к его рукам в карманах.

Жора, не поднимая глаз, стал пятится и, упершись в угол, конвульсивно делал ногами пустые попытки пройти сквозь стену.

– О чем ты сейчас думаешь, Жорик? Может, что сказать желаешь?

Спросил Михаил, не меняя предельно мирного тона. Жора попытался что-то сказать, но внятно не вышло. Он бросил, наконец, разборки с пуговицей, одержавшей верх, и выставил обе руки, заслоняясь. «Барсетка» при этом глухо шлепнулась на кафельный пол. Жора вздрогнул еще сильнее, чем в первый раз.

– Я принес тебе долг, возьми, тут с процентами – залопотал он скороговоркой – его как прорвало – я знал, где тебя найти вот и принес. Мне сказали, что ты здесь бываешь каждый день, продолжал тот импровизацию. Импровизировать он умел всегда – не отнять!

Жора ногой подтолкнул «барсетку» в сторону Михаила. Тот понял, что Жора сейчас – это загнанный в угол зверь. Опасный именно потому, что считает ситуацию безвыходной. Жора явно предполагает в кармане Михаила пистолет, не ждет ничего хорошего, и будет драться не на жизнь, а на смерть. Оценив изменившуюся ситуацию, Михаил сказал уже с нажимом.

– Мне не нужны твои проценты. Если не дернешься – останешься жить и проценты себе оставишь, козел!

От двух подарков сразу Жора, по его расчету, отказаться был просто не в состоянии. После этого Михаил спокойно поднял гигантскую пародию на портмоне и заглянул внутрь. Там оказалось четыре пачки по пятьсот долларов. Взял две из них, саму сумку, не глядя, бросил в кабинку с унитазом и вышел из туалета. Послышался всплеск воды.

Он даже не оглядывался, зная точно, что Жора не выйдет из

сортира еще долго. Он думал, что в ходе всех этих событий присутствует четкая режиссура. Если продолжить сюжетную линию, то сейчас он должен взять книгу из тайника, загранпаспорт и купить билет в Москву. Но как-то это все становилось слишком предсказуемым. Он чувствовал себя послушной марионеткой. И это ощущение было невыносимо. Все в нем вздыбилось в протесте против этого. Да и здравый смысл в полный голос заговорил о том, что всяким чудесам может быть и время и место, но не до абсурда же доводить ситуацию? Ну, потехе – час, а делу – время, наконец. Нормализуется жизнь. Чего тебе еще нужно? Должен же быть у человека какой-то выбор, в конце концов! И что же делать? Совершить очередное действие, но уже не «по плану» – вот единственный путь, который пришел Михаилу на ум. И самым верным решением сейчас была бы поездка к жене на море. Да что же может быть лучше этого! Что и решил исполнить тотчас.

Глава 11
Что открывает современная наука?

Михаил, приняв решение испытывал чувство освобождения. Двадцать первый век. Цивилизованный и свободный мир. А все, что «произошло» с ним – это следствие стресса от бешеного ритма жизни. Иллюзия. Очень реалистичная, конечно, но все же иллюзия. А практический, прочный материальный мир – вот он. Единственный реальный. И нужно продолжать жить. И научиться вновь ему принадлежать, и получать от него радость. По возможности, конечно.

Он почти бежал на автостоянку, где стояла его машина. Уже на подходе к ней зазвонил сотовый телефон. Ему звонил товарищ с просьбой о помощи. Тому было необходимо передать лекарства родителям, которые жили в маленьком поселке на берегу моря, но, учитывая скорость почты, да и, что им придется идти за ними достаточно далеко, то желательно доставить им в руки. А он де экстренно вынужден уехать в командировку, и автомобиля у него нет, век помнить будет и так далее и тому подобная лабуда. Как откажешь? Михаил сообразил, что это ему по дороге. Да с дорогой душой!

Михаил заехал к товарищу, взял посылку, уточнил, как найти их дом, и выскочил из города на простор. Вокруг уже начала буянить южная весна. Нежная трава и распускающаяся листва деревьев радовала глаз. Он предвкушал радость жены от сюрприза его неожиданного появления. Трасса еще не загруженная транспортом с готовностью стлалась под колеса. Он въехал в горы, где природа была еще более многообразной и живописной. Он любил горы и горную дорогу. Она сокращала видимость горизонта, но также сокращала и ожидание нового впечатления сразу за поворотом. Перевал и сразу вид моря, на котором провел все свое детство. Михаил всем существом ощущал красоту и совершенство окружающей природы. Как нечасто он обращал на это внимание! Он понимал, что человечество также не принимает во внимание совершенство природы. Возможно, что технократический путь развития – самое неудачный выбор. Ведь ни одно из достижений человека в его так называемом научно – техническом прогрессе не сделало его хоть на йоту счастливей. Тогда зачем же все это было нужно? Наоборот. Если провести краткий анализ итогов развития человечества на этом пути, то они ошеломляют!

Конец двадцатого века – века потрясающего триумфа науки,

охарактеризовался крахом веры в ее силу и разум, в большинстве ее областей. Вопреки ожиданиям и радужным прогнозам фундаментальная наука почти во всех ее направлениях подошла к пониманию ограниченности своих возможностей в исследовании мироздания.

Человечество, как следствие научно-технического прогресса получило самую большую угрозу собственно существованию человека. Вероятность техногенных глобальных катастроф с точностью рассчитанной самой наукой растет. Растет и возможность применения ядерного оружия. Страны – обладатели ядерного оружия не способны удержать его под контролем, и лишь вопрос времени его несанкционированное применение.

Достижения медицины, позволяющие справиться со многими заболеваниями, приводят к нарушению естественного отбора новорожденных. Как следствие происходит закрепление генетических отклонений в следующих поколениях. Человек, как биологический вид, вырождается именно усилиями медицинской науки.

Глобализация экономики планеты, неизбежное следствие развития науки и цивилизации, имеет уродливую форму. Появились признаки нового вида тоталитаризма – государственного. Этот фактор породил некий противовес – мировой терроризм. Это совершенно новое явление в истории человечества, влияющее на все стороны жизни общества. Терроризм, как самая экономически эффективная форма воздействия на общество и экономику, стал очень выгодным бизнесом современности.

Духовное здоровье, так называемых, развитых стран основательно подорвано. Неуклонно растущее количество депрессий и связанных с ним алкоголизм, наркомания и суициды принимают форму эпидемии. Правительственные органы этих стран призванные бороться с этими явлениями, не справляясь со своей задачей, предпочитают замалчивать реальную статистику этих явлений.

Как-то все это безысходно. И почему так произошло и продолжает происходить? И при всей очевидной и абсолютной гармонии природы именно человек – ее полная противоположность. Следовательно, именно в нем нужно искать причину. Именно его и нужно исправлять! Очередной раз Михаил пришел к этому выводу. Он также знал и то, что насильно не привьешь человеку постулат «Возлюби ближнего как самого себя». По себе знал. В прежнем состоянии человечество долго не просуществует. Это уже слишком очевидно. Но как же тогда быть? Где выход?

В таких мрачных выводах изрядно подпортивших ему удовольствие от поездки он добрался до конечного пункта путешествия. Да и дорога в поселочке из десятка небольших домиков заканчивалась. Далее только море. Тихая, светло-бирюзовая, не взбаламученная курортным людом уходящая за горизонт гладь соленой, потрясающе приятно пахнущей йодом и водорослями воды. Таким море бывает только весной в солнечный день. Михаил очень любил это море. Он побывал на многих морях, но это ни на какое другое не променял бы. Море совершенно изменило мрачное направление мыслей. Он вышел из машины и минут тридцать сидел у самой кромки почти неподвижной воды. Ему казалось, что море рассказывает ему историю его детства. Он часто бывал именно здесь.

Географическое название этого места было мыс Кадош. Довольно глухое из-за единственной узкой дороги сюда ведущей место. Этот факт являлся препятствием перед заполонением его курортниками. Никто не знал, кто дал ему столь необычное для этих краев название и что оно означает. Здесь всегда было очень хорошо. С друзьями – мальчишками он здесь проводил сутки напролет. И море заботилось о них. Оно давало им пищу в виде рыбы, крабов и мидий и не надоедающее развлечение – плавание. Оно заботливо взращивало их. И оберегало от опасностей. Михаил не помнил ни одного несчастного случая произошедшего здесь. Ностальгия по беззаботному времени. Природа очень по-особенному относится к детям. И они, еще не испорченные влиянием цивилизации, как не совсем еще оторванная от природы ее часть хорошо чувствуют это расположение. Однако, цель поездки звала к действию.

После очень недолгих поисков Михаил нашел искомый небольшой одноэтажный домик, все стены которого были густо увиты вечнозеленым плющом. Не заросшими были лишь окна. От этого казалось, что дом живой. В чистом дворике, накрытом как навесом оживающей после зимы виноградной лозой, стояла дачная пластмассовая мебель. Задняя часть двора упиралась в начинающуюся сразу за заборчиком гору, поросшую южным густым лесом. Запахи чистого леса, смешиваясь с морским воздухом, давали такой живительный коктейль, что Михаил подумал – вот пример гармоничного сосуществования природы и человека. Здесь деятельность человека не наносит вреда природе. Здесь соблюдается условие достаточности потребления человеком. «Потому и не кусают» – опять вспомнилась цитата из какой-то дурацкой рекламы.

На громкий призыв: «Есть кто дома?» вышла пожилая женщина и с улыбкой спросила: «Вы к нам, молодой человек?».

Михаила приятно удивила доброжелательность к чужаку. В городе люди значительно более настороженны и недружелюбны.

– Вы Нина Федоровна? Я к вам от вашего сына Олега. Привез вам лекарства.

– Ой, радость-то, какая, весточка от сынка! Как он там, Олежек? Давно уж не виделись. Занят он очень, устает бедняжка.

Ситуация с тотальной занятостью Олега, по данным Михаила, была не столь трагична, но он не посмел бы опровергать старушку. Ей, конечно, было значительно легче верить в беспросветную занятость сына, чем знать о его элементарной черствости. Лично он бы отдал все, чтобы ему было к кому приехать, навестить. Ну, гад, приеду в город не поцеремонюсь. Скажу честно, кто ты есть!

– Он просил передать вам поклон и то, что он очень часто думает о вас и очень скучает. Но жизнь…

Михаил, передав пакет с лекарствами, самозабвенно врал, совершенно не стесняясь своего вранья. Нет, он не врал. Он говорил со своими близкими, которых у них с женой очень давно уже не было. И их ему очень, очень не хватало.

– Да вы проходите, проходите. Я сейчас вас кормить буду. Отец!

Громко позвала она мужа зайдя за дом.

– Иди скорей. К нам гость дорогой от Олежки.

Из-за дома вышел высокий седой как лунь пожилой, но статный мужчина. Он, уже подходя, улыбался и протягивал руку для приветствия.

– Александр Викторович, очень рад. А как вас величать?

Приветствовал он Михаила.

– Михаил. Мне Олег о вас рассказывал.

Соврал по инерции Михаил, и тут же пожалел об этом. Ибо уловил во взгляде Александра Викторовича явную тень сомнения и брошенный на Нину Федоровну быстрый, с беспокойством взгляд. Он, скорее всего, не пребывал в святой наивности относительно сыновней добродетели и знал истинное положение вещей.

– А по батюшке как?

– Сергеевич, но прошу вас, просто Михаил.

– Ну, воля ваша. Проходите в дом, будем разговаривать и ждать трапезы, так сказать. Вы чрезвычайно вовремя.

Он комично и многозначительно подмигнул Михаилу, делая приглашающий жест в дом. И неловкость от неуклюжего михаилова вранья исчезла. В доме было старомодно, но чрезвычайно чисто. И не пахло старостью, как обычно пахнет в домах пожилых людей. Пахло канифолью, изоляцией, озоном и

еще много чем техническим. Из гостиной через открытую дверь была видна хорошо оборудованная физическая лаборатория. Уловив удивленный взгляд Михаила, Александр Викторович не без гордости спросил.

– Что, не ожидали увидеть подобное в нашей глуши?

– Откровенно говоря, нет.

– Это мое прошлое и… , пожалуй, настоящее. Настоящее существенно лучше, нужно отметить. Я по профессии физик – ядерщик. Хвастать нечем.

Говоря это, Александр Викторович потемнел лицом.

– Впрочем, нынешнее мое занятие значительно более привлекательно.

Александр Викторович пригласил Михаила осмотреть лабораторию. Михаил заинтересованно согласился. В самой просторной комнате дома была хорошо оснащенная лаборатория. Предназначение большей половины приборов Михаил просто не знал, и Александр Викторович давал пояснения. Мало, впрочем, помогавшие Михаилу. Он все равно немного понимал, но в целом что-то ухватывал. Александру Викторовичу понравилось, что Михаил задавал вопросы, а не делал умного вида, когда совсем ничего не было понятно. Это стимулировало его рассказать, что двадцать пять лет назад он, как ядерщик принимал участие в разработке и испытании ядерного оружия. Но на каком-то этапе, поняв, что это на самом деле и к чему может привести, ушел из науки и стал преподавателем физики в школе. Никто не понял его поступка, но он не жалеет ни о чем. Выйдя на пенсию, не смог сидеть, сложа руки и стал заниматься квантовой физикой, которая увлекла его. Михаил слышал об этой науке и ее основных постулатах. Они уже с интересом стали говорить уже примерно на одном языке, что удивило и обрадовало Александра Викторовича.

Александр Викторович вкратце излагал основные постулаты своей науки.

В, привычной нам, классической физике считается, что пространство пусто, а материя тверда. Но это не так! Рассмотрим атом. Он твердый? Да не совсем. Это маленькая частичка плотного ядра окруженного мягкой оболочкой электронов, которые постоянно исчезают и вновь возникают из небытия. Но и это не так. И ядра также куда-то пропадают и вновь образуются. Это больше похоже на бит информации. Иными словами, материя формируется из замысла, идеи.

В квантовой физике существует понятие суперпозиция. Ведь частица ведет себя как волна и как квант. Это применимо к наблюдателю, который смотрит на объект и видит его в одном

каком-то месте. Но когда он не смотрит на него, объект может находиться в любом месте. Это поведение объекта как волны. То есть наблюдатель выбирает место нахождения объекта! А действительность может иметь множество вариантов. Или возможностей вариантов. Волну возможностей. Следовательно, теоретически наблюдатель может использовать несколько вариантов и находиться в нескольких реальностях одновременно, а затем выбрать одну! Мы привыкли считать, что существующие вокруг нас вещи уже существуют. Без нашего на то сигнала. Квантовая физика говорит о том, что окружающие нас вещи не что иное, как одно из возможных движений нашего сознания. И если мы откажемся воспринимать мир как существующий вне нас и независимо от нас, то мы будем видеть его иначе. Во множестве возможностей. Атом – это не вещь. Это только тенденция. То есть вещи это только возможности нашего сознания.

– Ну как, Миша, понятно?

Александр Викторович с интересом наблюдал за Михаилом.

– В целом схватил. Согласно квантовой физике, мысль или что-то подобное и формирует окружающую реальность?

Этот вывод был лишь подтверждением его предыдущих размышлений и материалов прочитанных на сайте. Он не достался Михаилу с большим трудом.

Радость длительного ожидания понимающего собеседника засветилась в глазах Александра Викторовича.

– Вы перепрыгиваете огромные пласты еще несказанного. Но, в общем, примерно так. Такие эксперименты проводились. Большое количество людей одновременно думали об изменении преступности в Нью-Йорке, и она упала на четверть! Но все это сложнее, чем кажется. Каждый из людей оказывает влияние на действительность. Также можно привести эксперименты с изменениями молекулярной структуры воды после воздействия на нее мыслей и эмоций человека. Но мы живем в разных мирах. Одновременно. Это очень просто. Видимый и воспринимаемый нами мир, мир моих клеток, мир атомов, мир ядер атомов. И эти миры совершенно отделены друг от друга и существуют по различным законам. Но они дополняют друг друга!

– Облачаются друг на друга.

Михаил не выдержал и вставил ремарку из прочитанного на сайте о кабале.

– Совершенно верно! Очень точную вы подобрали формулировку.

– Это не моя формулировка. Это древняя наука о мироздании. Каббала. Только я еще ничего в ней не смыслю. К сожалению.

– Каббала? Но это же мистика! Вы не оговорились?

С видом крайнего удивления воскликнул Александр Викторович.

– Александр Викторович, а что мы собственно знаем о Каббале? То, что нам рассказали в курсе научного коммунизма? Я, поверьте, не только не ее последователь, но пару дней назад повторил бы ваше восклицание. Однако мое мнение сейчас начинает радикально меняться.

– Простите меня за мою поспешность, Миша. Да, конечно же, вы правы. Мы полны ничем не подкрепленных предубеждений. Я постараюсь найти объективную информацию о Каббале, тем более, что вы привели формулировку из нее которая очень точно ложится на выводы физики. Да, Это даже очень интересно!

С жаром закончил фразу Александр Викторович.

– Ну а что мы представляем из себя на субъядерном уровне? Не подскажете?

Михаил немного подумал, вспоминая тексты, прочитанные на сайте, и сообразил.

– Это самый фундаментальный уровень материи, так сказать. И на этом уровне мы все едины в буквальном смысле слова. Слиты в одной структуре.

Этот вывод крайне взволновал Александра Викторовича. Он даже вскочил со стула, на котором сидел и задумался на некоторое время, глядя в стену. Затем вновь пристально посмотрел на Михаила.

– Это ваш вывод или науки каббала?

– Так утверждает каббала. Правда, не в этих терминах.

– Это потрясающе. А где вы почерпнули эти знания?

– Как всякий современный лентяй – в Интернете.

– Какая жалость! У меня нет Интернета. Здесь в поселке только один телефон. На почте. А она и работает-то раз в три дня. Я могу лишь мечтать о такой роскоши как Интернет. Хотя компьютер у меня есть. И хороший. Ноутбук.

С гордостью закончил Александр Викторович. Михаил второй раз за недолгий срок удивился способности пожилых людей воспринимать новшества. Скорей всего мы их очень недооцениваем и рисуем себе такой мир, где любой пожилой человек прямо таки обязан сидеть на печи. Стереотипы детства, навеянные сказками очень прочны. Это показалось ему совершенно несправедливым. Перед ним был человек, пусть и семидесяти лет от роду, но с таким мощным, незамутненным интеллектом! Категорически несправедливо, учитывая, что значительное количество более молодых членов общества ни о чем кроме кружки пива не мечтают. У Михаила появилась

хорошая, но не совсем законопослушная мысль. Подключить ноутбук Александра Викторовича к бесполезному большую часть недели куску телефонного провода. Что он и предложил произвести смущенному физику.

– Ну не знаю, не знаю. А это возможно? Уж больно хочется!

– Александр Викторович, дорогой, согласно квантовой физике, нет ничего невозможного!

И они, как два школяра намеревающихся посетить соседский сад, пошли изыскивать подходящее место подключения. Оно оказалось сразу за тыльным забором дома на невысоком, увитом таким же, как на доме плющом криво стоящем столбе. Относительно скрытно подключиться к линии не представляло никакого труда, и через сорок минут увлеченного действа модем ноутбука был торжественно соединен с мировой сетью. Нужно было видеть радость Александра Викторовича, который обрел неограниченные ничем (кроме часами работы почтового отделения) возможности общения и черпания информации. Он весь светился. Михаил тоже был горд собой.

Александр Викторович с увлечением продолжил знакомить Михаила с наукой.

– Многие вещи раскрытые квантовой физикой переворачивают наши представления об окружающей действительности и предполагают потрясающие возможности. За всем этим мы начинаем видеть удивительно тонкий и четкий механизм управления. Но остается неразрешенным вопрос, кто управляет всем этим? Кто это создал и для чего? Мы не можем увидеть все это. И приходит единственное вменяемое, но далеко не новое предположение…

Александр Викторович в некоторой нерешительности замялся и оценивающе посмотрел на Михаила.

– Наверное, необычно это услышать от физика, но единственное предположение, что это Бог. То есть мы подошли вплотную к тому, что понять не в состоянии. И еще совершенно крамольный вывод, что Бог и каждый из нас, не стоим, друг против друга, а являемся его частью. Мы неразделимы. Но как это происходит? Мы не в состоянии исследовать.

Александр Викторович умолк в глубокой задумчивости.

– Совершенно верно.

Продолжил Михаил его мысль.

– Квантовая физика не имеет инструмента исследования. Мы говорили о субатомном уровне материи. И что его уже материальным назвать невозможно. Это скорее информационный уровень. Мы не можем использовать материальные средства исследования для нематериальных объектов. Нужна иная

методика.

– Совершенно верно! – С энтузиазмом подхватил Александр Викторович – но где ее взять. Как разработать?

– Если мы осознаем, сколь совершенна система управления всеми процессами в мироздании, то логично предположить, что без подсказки человек, как Творение не останется. Как утверждает сайт в Интернете, наука каббала была еще до того, как появились первые науки человечества. Но была скрыта. Только в силу неспособности человека ее воспринимать, его неразвитости. Но наше время – время готовности человечества к ее восприятию. Она очень сложна. Я, к примеру, мало, что понимаю, но на уровне ощущений общее понимание потихоньку растет. Я уверен, что каждый из нас со временем овладеет этой методикой. А ее синтез с современной наукой явится ускоряющим компонентом. Мы должны знать цель мироздания и своей жизни. Кто мы, для чего живем?

– С точки зрения квантовой физики возможны любые события. А действительностью становятся те, которые вы выбрали и зафиксировали. Я не раз думал, что в информационной матрице мироздания заложена программа развития каждого объекта и события. И судьба, если хотите, каждого человека. Вы не поверите, я предчувствовал ваше появление! Не то, чтобы я представлял вас именно таким. Так в общих чертах. Но событие это должно было состояться! Я не должен был так вот без подтверждения своим выводам уйти в небытие. И оно состоялось. Я счастлив.

Александр Викторович отвернулся, скрывая нахлынувшие чувства, изображая поиск чего-то несуществующего в лаборатории.

– Александр Викторович, я практически убежден, что «небытия» не существует. Мы просто не способны представить себе существования после смерти физического тела. А если еще глубже, как мне кажется, ее попросту нет. Мы приобретаем иные свойства, и наше мироощущение меняется в соответствии с ними. Подтверждения таким моим рассуждениям я также почерпнул в каббале. Почему бы нам не заглянуть в обретенный вами Интернет?

Михаил, проговаривая первую часть фразы, поймал себя на сторонней мысли, что говорит не совсем то, что хочет. Точнее сказать, говорит он существенно глубже, чем понимает! Тогда возникает вопрос: Он ли говорит? Но еще точнее можно сказать, что он, в данную минуту, исполняет роль звуковоспроизводящего устройства, предназначенного для Александра Викторовича, персонально. Опять эта неуютная мысль о том, что он кукла в

руках кукловода. Она разозлила Михаила. Виду, правда, не подал.

– Ну конечно! Я еще не свыкся с этой возможностью.

И они нырнули в сеть.

– Я очень рад. Вы прорубили мне окно в мир информации. Спасибо огромное!

– Стол ждет мужчин! Прошу отобедать.

Нина Федоровна зайдя в лабораторию, торжественно пригласила их к обеду. Александр Викторович с видимым сожалением оторвался от компьютера. Лишь положение хозяина дома заставило его это сделать. Однако, Михаилу было неловко. Попал к незнакомым, практически, людям на обед из свежих морепродуктов – благом, компенсирующим местным жителям удаленность от цивилизации. Но, понимая, что является некоей компенсацией за эгоизм их сына, в неизбывной потребности родителей заботится о чадах своих, не упирался. За непритязательной, но вкусной едой Нина Федоровна расспрашивала Михаила о сыне. Он, уже опасаясь завираться, осторожно рассказывал, что знал. Затем Александр Викторович стал расспрашивать о Михаиле. И в его вопросах не было формальности. Михаил четко чувствовал, что интерес неподделен. Рассказал в общих чертах. Время пролетело, и пора было двигаться дальше по пути к жене. Михаил стал прощаться с гостеприимными хозяевами…

Глава 12
Полеты во сне и (или) наяву.

Уже когда он садился в машину, Александр Викторович хлопнув себя по лбу, позвал Михаила.

– Миша, я совсем забыл! Сегодня утром приходили двое мужчин – близнецов и спрашивали о машине в точности, такой как у вас и мужчине по описанию похожем на вас. Сказали, что они отдыхают здесь неподалеку и разыскивают родственника, который должен сюда приехать. Возможно, это вас они разыскивали?

Вот, блин! Опять эта парочка. Да кто же вы, черт вас дери! Что же вам от меня нужно! Родственники, надо же? В гробу я таких видел! Странно, как только я чуть-чуть продвигаюсь к пониманию чего-то важного, они тут как тут! Александр Викторович заметив озабоченность Михаила, спросил с беспокойством.

– Что-то не так?

– Нет, Александр Викторович, все в порядке. Это не меня. Удачи вам в поисках истины. Спасибо за общество и угощение. До свидания.

Михаил, широко улыбаясь, постарался скрыть озабоченность, чтобы не беспокоить физика.

– Хорошей дороги, Миша! Я вам буду писать на электронную почту.

Беспокойство Александра Викторовича явно продолжало присутствовать и во взгляде и в интонации. Михаил, чтобы не вызвать еще вопросов поспешил ретироваться. Отъехав километра три, Михаил остановился, предварительно осмотрев местность не заглушая мотора. Открыл багажник и критически осмотрел инструменты на предмет потенциального оружия. Наиболее полно под эту категорию подошла старая добрая монтировка. Взял ее и сунул под водительское сидение. Постоял, покурил, обдумывая новость. Его решимость вытеснить из памяти недавние события быстро таяла. Притом, что они рисовались ему как нечто ирреальное. Неожиданное напоминание было крайне неприятно. Особенно тревожило то, что он не знал истинную причину своего преследования близнецами. А, следовательно, не знал чего ожидать от них. Последние встречи с парочкой не давали четкого понимания их планов относительно Михаила. Сел за руль, пристегнул ремень безопасности, поехал, предельно внимательно вглядываясь в окрестности.

Дорога была узкой. С правой стороны ограничена крутым склоном горы, в которой собственно и была прорублена, а с левой обрывом глубиной метров семидесяти. Она к тому же изобиловала довольно крутыми изгибами при скверном качестве дорожного покрытия. Если и ловить кого-то, то именно здесь. Подумал с раздражением. Чтобы как-то просматривать дорогу за правым поворотом, Михаил заезжал почти впритык к обрыву. На левом было несколько проще. Но вот чего он не мог контролировать, то это пространство сверху. И опасался именно нападения сверху. Скверное ощущение цели, которая знает, что она цель и видна охотнику. А охотник не виден. Ну, где же вы, козлы? Что удумали? Гипоталамус услужливо вырабатывал пептиды эмоций пережитых в предыдущие состояния опасности. Мозг в максимальном режиме ежесекундно просчитывал ситуацию. Бодрит, знаете. Он вспомнил эмоции, полученные во время полетов в зоне неприятеля. Похожие ощущения. Но тогда как-то пронесло. Нужно сказать, что его так часто проносило во время бытности его пилотом, что хватило бы на троих. О нем даже слава такая ходила. Везунчика. Один старый, мудрый пилот как-то сказал ему, молодому еще горячему «подростку»: «С тобой хорошо летать. Безопасно». И действительно. Притом, что количество отказов авиатехники в воздухе на его конкретную летную душу, существенно превышало среднестатистическое значение, оканчивались они всегда благополучно. Даже очень серьезные. Тогда он совсем не задумывался над подобными фактами. Свое везение Михаил не относил к своим «качествам». Просто летал и все. Очень любил летать. Теперь бы он задал вопрос: «Для чего это все было?»

Так проехал практически до выезда на трассу. Еще пара поворотов и выскочит на простор. Но как в классике жанра приключений именно здесь все и началось! Он услышал треск кустов справа, а затем и увидел валун, ломавший растительность и летящий на него сверху. Чтобы уклониться от столкновения утопил педаль газа до упора. Машина прыгнула вперед перед самым крутым правым поворотом. Удержавшись на обочине, вышел из поворота и сразу наткнулся колесами на ряд острых кольев наклонно забитых в дорогу навстречу шинам. Машину развернуло на девяносто градусов влево и потащило к обрыву. Торможение ни к чему не приводило, руля машина не слушалась. В этом месте обрыв был и наиболее крут и глубок. Поймали таки твари! Злобно и тоскливо подумал уже понимая, что сейчас машина повалится в обрыв. И не выскочишь из машины! Именно та ситуация, когда ремень безопасности не только полезен, но и смертельно опасен. Капот машины уже пересек линию обрыва.

Ну, щас слетаем! Маму вашу век помнить! Эх, крыло бы, какое завалящее. Мозг четко просчитал траекторию полета. Она заканчивалась метрами восьмьюдесятью ниже на дне речушки за миллионы лет прорезавшую эту самую расселину. Что же я вам сделал, уроды вы редкие?

Михаил, вцепившись в руль как в штурвал самолета, тянул его на себя, инстинктивно пытаясь удержать на горизонте стремительно опускающийся капот авто. Он даже не отдавал отчета бессмысленности этого действия. Так, рудиментарные уже навыки. Ну вот, теперь точно отлетался! На похоронах можно будет скрасить скорбь близких и товарищей тем, что и в смерти был верен любимой профессии – полетам. Транспортное средство, правда, попутал, ну да с кем не бывает? Промелькнула горько-ироничная мысль. Мозг работал на максимуме. Сколько мыслей может уместиться в считанные секунды стрессовой ситуации. Либо очень много, либо ни одной.

Но что со зрением? На фоне реальных склонов обрыва, как в тумане проступали размытые очертания дна расселины. Довольно плоского и широкого. Они были на разной высоте, и первую площадку он как раз пересекал. Вторая была метрами четырьмя-пятью ниже. За ней проступали такие же смутные очертания более глубоких, но и более узких проекций дна расщелины. И так до реального дна, Было похоже на схему образования этой расщелины во временной шкале, как в школьном учебнике географии. «Схема образования оврага». Он даже вспомнил, как это называлось. Боже, ведь это похоже на волну возможных вариантов из квантовой физики! Удивлению не хватило времени в гамме эмоций. Нужно выбрать вариант. Не рассусоливать теорией. Хочу ближайшую! Хочууу! Не только мозгом, но и каждой клеткой тела он сосредоточился на ближайшей к нему плоской поверхности, которая уже стала приобретать реальные детали и подробности. Через секунду машина всеми своими восьмьюстами с чем-то килограммами бабахнулась о землю.

После того как его задница коснулась пола салона, он проделал обратный путь к крыше машины. Возможно, что его голова пробила бы дыру в ней, или, по крайней мере, сделала солидную вмятину, но ремень безопасности решительно удержал это движение. Он только ушиб макушку. Не впервой. Были бы мозги, могло быть сотрясение. Подумал потирая ушиб. Сидя в облаке пыли, которая наполнила салон машины через открытые стекла, попытался отстегнуть ремень безопасности. Получилось не сразу. От рывка что-то в механизме замка было нарушено.

Наконец, удалось отстегнуть, и он выскочил из авто, прихватив монтировку, опасаясь, что недруги могут настичь,

быстро спустившись по склону. Когда пыль осела, Михаил стоял в позе римского гладиатора с монтировкой в поднятой в руке и вглядывался вверх на дорогу. Но ее, дороги, не было. То есть ее не было совсем! Гора не была прорезана дорогой. Она была девственно цела, и весь склон был заполнен лесом без какого-либо изъяна. Он оторопело смотрел на склон, боясь предположить, что дороги здесь никогда не было. Но тогда где он? Из огня да в полымя! На обочине сознания была мысль, которую он трусливо не подпускал ближе, что если дно расщелины значительно выше, то время, в котором он находится, существенно раньше его времени. Ему даже не хотелось думать насколько это раньше!

Тем не менее, нужно жить дальше. Михаил осмотрел машину. Что-то ведь надо было делать. Двигатель заглох. Оба передних колеса пусты. Причем одно из них всмятку, а второе просто проколото. В принципе подлежит ремонту. Но не надолго. Посмотрел снизу кузова. Глушитель оторван и лежит средней частью на земле. Видимых серьезных повреждений подвески нет. Поднял капот. Обнаружил незначительную течь антифриза. Не смертельно. Клемма аккумулятора соскочила. Мелочь. И все. Запустил двигатель – работает. Антифриз полил веселей. Заглушил движок. Не поленился, нашел источник течи – ослабший хомут патрубка на радиатор. Закрутил болт хомута. Для чего все это? Ехать собственно некуда! Вокруг валуны и спрятавшаяся между ними горная речушка. В сильный дождь, или период таяния снегов в горах это ревущий, необузданный поток. Сел, закурил. Надо сообразить, что делать?

Глава 13
Что делать?

А что тут сделаешь? Крути, не крути, а нужно заняться разведкой местности. И вообще узнать, где какая рыба и почем? Так, с монтировкой наперевес, и двинулся по ущелью в сторону моря. Туда ближе, и простору больше. Шел настороженно. Кто знает, чего встретишь? Ландшафт в целом был привычен. Растительность, похоже, та же к которой привык. Сезон, судя по температуре, тот же. Не та только глубина расселины. В его времени эта речушка, растратившая по дороге почти всю воду, впадала в море практически на его уровне. А эта должна падать со скалы. Ладно. Увидим. Так шел до самого моря, обходя водяные разливы и крупные валуны. Подошел к концу речки, как и предполагал, отвесному. Хлипкий водопад падал на узкую полоску пляжа внизу. Прямо не спуститься. Пошарил справа. Не вариант. Слева. Можно спуститься, цепляясь за кустарник и лианы. Надо ли? Сел покурить, подумать. Ну а чего еще делать? В русле речки уж точно нечего. Покрутился немного в поисках удобного спуска и полез вниз. Пару раз поскользнулся, что обеспечило синяки на соответствующем месте и локтях. Чуть не потерял монтировку. Наконец спустился и оказался на небольшой полоске пляжа захламленного водорослями и плавуном после недавнего шторма. Все как в его времени. Море тихо плескало малой волной в берег. Идиллия, если бы не обстоятельства. Никого в обозримом пространстве. Подался в сторону мыса Кадош, который вырисовывался слева. Может быть, там есть что-либо проясняющее. Береговая линия несколько отличается от той, что он помнил. Кое-где полоса пляжа шире, а кое-где голая скала выходит прямо в воду. Приходилось форсировать неглубокие водные пространства. Бросалось в глаза отсутствие мусора цивилизации в виде пластиковых пакетов и бутылок, в изобилии наличествующих на берегу после шторма в его времени. Чисто и экологично. Но не радует сие обстоятельство. И чего человеку нужно? И так не эдак и эдак не так! Ну весь он в противоречиях.

Наконец добрался до местности, на которой в его времени стоит поселок. Пусто и никакого намека на деятельность человека. Вот ведь какие заразы эти близнецы! Загнали в неведомое место. Как там в пословице? Куда Макар телят не гонял. Ну и что дальше теперь? Как жить? С кем, опять же? Закручинился. Сел покурить. Выкурил полсигареты, спохватился и затушил. Пачка одна. Зажигалка одна. Ну, с сигаретами еще не

смертельно. Уши попухнут и перестанут, а вот с огнем серьезней. Надо беречь. Отдохнул немного и пошел далее исследовать местность. Постулаты квантовой физики в действии. Однако, не к месту как-то. Хотя лежать на дне пропасти закатанным насмерть в смятой машине как килька в собственном соку еще хуже. Подошел к месту, где по идее должен был стоять дом Александра Викторовича. Здесь так вкусно кормили! Где вы, Нина Федоровна? Стоп. А что это? Кострище. След костра с намеренно разбросанными во время тушения головешками. Потрогал золу. Холодная. Давно уже потушили. Но это явный след человека. Не динозавра точно. Уже лучше. Лучше? Посмотрим. Монтировка не подведи. Пошел дальше. Еле заметная тропинка уходящая от моря в глубь леса. Пошел по ней осторожно.

Шел с километр плавно поднимающейся вверх тропинкой. Услышал шум движения в кустарнике и хруст веток. Замер, определяя характер и направление шума. Не братцы ли из ларца, одинаковы с лица? Похоже, судя по звукам. Большие такие объекты движутся. Злость сковала мозг. Ну, гады, я вам щас подкину хлопот! Спрятался за толстым стволом каштана. Взял монтировку двумя руками. Изготовился и стал ждать. Шум приближался строго в его направлении. Уже были слышны шаги двух пар ног. Когда предполагаемые вороги поравнялись с местом засады, Михаил с угрожающим рыком выскочил из-за ствола с замахом монтировки и чуть не сел верхом на огромного кабана. Мамочка, ошибся, извините. Секач медленно, мелко забирая задними ногами, разворачивал тушу в его сторону. Они встретились взглядами. Красные маленькие глазки злобно и кровожадно смотрели на Михаила. В них он прочитал приговор наглому двуногому. Михаил оторопевший застыл на месте, не в состоянии сообразить, а что делать-то? Хрюша, хрюша хороший – заискивающим тоном произнес он. Кабан с огромными кривыми клыками тоже пока не решил, что делать. Затем, приняв решение, ударил передним копытом, проделав глубокую борозду, и медленно пошел на Михаила. Иллюзия мирного разрешения недоразумения испарилась. Из всех вариантов не летальным был только стремительное бегство. И Михаил побежал вверх по тропинке.

Сказать побежал быстро – не сказать ничего! Как ветер помчался. Однако кабан был тоже хоть куда. Михаил слышал его мощное сопение и тяжелую поступь прямо за своей спиной. Долго это продолжаться не могло. Кабан явно не пренебрегал здоровым образом жизни. Не курил уж точно. И ног у него было четыре. Как стыдно и, главное, обидно быть задранным кабаном, после того как выкрутился из более сложного положения! Тропинка слегка

петляла, и это немного помогло Михаилу. Масса секача раз в шесть превышала массу Михаила, и кабана заносило на поворотах. Это давало небольшую фору. Но тут лес закончился внезапно, и перед бегунами открылась поляна с несколькими хижинами, огороженными серьезным частоколом из заостренных толстых кольев двухметровой высоты. Тропинка вела к воротам из небольших бревен. Михаил, увидев это, рванул еще быстрее. Появилась надежда. Он уже подбегал к воротам, прикидывая как на них запрыгнуть, когда обратил внимание на ветки, набросанные прямо на тропе. Он инстинктивно, чтобы не запутаться в ветках сиганул в длину, стараясь их перепрыгнуть. Уже пролетая над ними, понял, что они накрывают глубокую яму. Кабан прыгать не умел. Это было слышно по треску проломленных веток, визга кабана и звука падения грузной туши в яму. Михаил остановился. Ноги дрожали от усталости. Воздух из легких вырывался со свистом. Перед глазами плавали разноцветные пятна. Он оперся на ворота и, стараясь привести дыхание в норму, даже не заметил, что они начали открываться вовнутрь поселения. Он чуть не рухнул, но удержался и вскинул руку с монтировкой, которую так и не бросил. Этот жест носил лишь демонстративный характер. Никаких сил для драки у него просто не было.

Из-за приоткрытой створки ворот осторожно выглянула лохматая голова, увенчанная пером птицы, торчащим вертикально. Два голубых глаза смотрели на Михаила с опаской, но не злобно. Михаил продолжал стоять, изображая готовность отбить атаку. Но атаки не было. Сцена явно затягивалась и из вестерна превращалась в комедию. Михаилу даже просто держать свое оружие было в тягость, и он опустил монтировку. Это подвигло аборигена высунуть туловище, одетое в грубую домотканую ткань с элементами звериных шкур. Он показал Михаилу руки без оружия и вопросительно кивнул на его монтировку. Тот сообразил, что именно она мешает аборигену выйти из-за ворот. Михаил засунул ее за пояс и закрыл полой свитера. Абориген окинул Михаила контрольным взглядом, отмечая с удивлением необычность его одеяния, и вышел из-за своего укрытия. Особенный интерес вызвали кроссовки Михаила. Абориген даже взглянул на свое мохнатое подобие мокасин для сравнения. Результат сравнительного анализа обуви не был озвучен.

– Здравствуй, путник! Мы тебя ждали еще с утра, но ты задержался.

– ?

Михаил готов был услышать что угодно, и русскую речь в том

числе. Уже попривык в прошлых приключениях. Но то, что его, оказывается еще и ждали, было слишком.

– Вождь сказал, что ты придешь утром и приведешь нам кабана. Мы вчера весь день рыли яму.

С гордостью сказал абориген и показал рукой на яму с секачом, который уже затих на дне.

– Да, задержался чуток. Кабана выбирал покрупнее. Хотелось вас порадовать.

Михаилу наконец вернулась способность дышать и разговаривать. Ну и что тут еще можно сказать? Полный абсурд. Времена доисторические какие-то. Тебя тут ждут, да еще с подарками. А если ждут, то почему не встретили раньше, а дождались, пока он, как дурак, не нарвался на секача и не «привел» его к поселению? Это же могло закончиться очень грустно, споткнись он, к примеру, о коряжку какую. И гость пропал бы, и подарок свалил бы наслаждаясь победой. По делам своим свинским.

– О, ты великий охотник! Мы очень рады. Кабан очень большой. Заходи, вождь ждет тебя.

Михаил не стал распространяться о своем реальном «величии» и молча двинул за провожатым. Ноги еще плохо слушались. Тот тщательно закрыл створку ворот и повел Михаила мимо крытых ветвями деревьев хижин из нетолстых стволов деревьев общим числом около двадцати. Перед каждой хижиной был сложенные из камней примитивные очаги. Некоторые из них горели, и на них что-то жарилось. Между хижин на жердях сушились размозженные волокна лиан для плетения материала одежды. Людей не было видно, но из темноты хижин, усугублявшейся яркостью дня, за ним явно следило множество глаз. В дальнем углу поселения был большой загон с козьим стадом. По территории поселения вольно бегали с десяток собак. По виду они сильно смахивали на шакалов, но вели себя также, как и собаки в его времени. Кое-где к высокой изгороди были пристроены площадки из того же материала. Очевидно для постов охраны. В одном из углов изгороди из-под земли бил заботливо обложенный плоскими камнями небольшой ключ далее небольшим ручейком вытекающий за пределы изгороди. Металлических элементов крепежа или инструментов Михаил нигде не заметил. Он обратил внимание, что нож, притороченный у его провожатого на поясе за спиной, был из кости какого-то крупного животного. Далековато заехал! Подумал с тоской. Выберусь ли отсюда?

Они подошли к навесу из тех же ветвей, что и крыши хижин посреди которого была расстелена большая мохнатая шкура.

Похоже медвежья. На ней сидел, скрестив ноги, пожилой абориген, одетый так же, как и его провожатый. Лишь количество перьев на такой же лохматой голове было существенно больше. Они торчали пучком привязанные кожаным шнурком вокруг головы. Пронзительный взгляд таких же голубых глаз, как у его провожатого, внимательно изучал Михаила все время их приближения.

– Здравствуй, путник! Я рад приветствовать тебя в нашей деревне. Садись. Мы ждали тебя. Я вождь этого племени.

Он приглашающим жестом показал на шкуру. Михаил попытался сесть, но засунутая за пояс джинсов монтировка, мягко говоря, не позволила это сделать. Джинсы угрожающе затрещали, а монтировка больно уперлась в… Ну не важно куда. Он вытащил ее и увидел, как напряглись хозяева. Михаил поняв, что совершил оплошность, положил монтировку подальше в угол беседки и, наконец, уселся напротив вождя. Его провожатый тушканчиком вытянулся слева, не сводя с нее глаз. Вождь махнул ему рукой в сторону хижин и тот бесшумно растворился в ближайшей из них. Сам же встал и, подойдя к монтировке, положил поверх нее отшлифованную его руками палку, служащую ему посохом и, очевидно, оружием.

– Спасибо за кабана, путник. Это очень хороший подарок. Мы сегодня его будем есть. Его хватит на всех. И еще останется на завтра. Племя сможет отдыхать два дня.

– Не за что. Я очень рад, что вам понравилось. А как вы узнали, что я приду?

– Я разговаривал с Отцом, и он сказал, что ты придешь с кабаном. Я должен отвести тебя в Пещеру Созерцания, Он тоже будет с тобой говорить. Но это будет только завтра ночью. А потом ты или уйдешь домой, или вернешься к нам жить. Навсегда. Мы будем заботиться о тебе.

Кто такой Отец, Михаил спросить поостерегся, но почему завтра ночью? А еще перспектива остаться жить в этом милом поселке навсегда! У него засосало под ложечкой. Нетронутая природа, все такое. Красота. Но он не из этого времени, черт возьми! Да я вообще-то к жене ехал с сюрпризом. Осознание того, во что вляпался тихо вползало в душу. От этого становилось плохо. Но все же появилась надежда! И он начал осторожные расспросы.

– А почему завтра ночью?

– Ты должен пожить у нас. Мы будем рады. Особенно молодежь. Они такие любознательные. Им бы все новенькое. Не знают, чего хотят. И старших скоро не будут почитать. А это плохо. Жалко их. Не знают, что их ждет. А в пещеру раньше все

равно не попадешь.

Монолог вождя очень удивил Михаила знакомыми мотивами. Неужели во все времена одни и те же проблемы. Он внимательно вглядывался в лицо вождя. Оно было в морщинах и шрамах. Очевидно, не один кабан задал ему перцу в жизни. Но это лицо было неотличимо от лица любого современника Михаила! Он почему-то представлял, что древние люди – люди со звероподобным лицом и жестоким взглядом, узким лбом и массивными челюстями, как в школьном учебнике истории. Да, они, конечно, иные по мироощущению. И не ведают ватерклозетов. Но за минусом знания технических достижений это точно такие же люди. Он обратил внимание, что вождь с таким же интересом всматривается в Михаила. И почувствовал, что их мысли созвучны. Он тоже занимался сравнением. Но кто в нем имел выигрышную позицию, Михаил не знал. Жаль, конечно, что он застрял тут, но, судя по обстоятельности слов вождя, обсуждению вопрос отбытия Михаила ранее указанного срока не подлежит. Михаил было открыл рот для дальнейших расспросов, но вождь остановил его жестом руки.

– Я познакомлю тебя с племенем. Они тебя очень ждали. Только… Ты поменьше рассказывай о том, откуда ты пришел. Им не очень нужно это знать. Лучше придумай чего-нибудь про звезды или еще, какой чепухи.

Было видно, что вождь смущается, озвучивая свою просьбу. Но именно это вызвало жгучий интерес Михаила. А почему?

– А почему? Ведь ты не знаешь, откуда я прибыл?

– Знаю. Ты наш отдаленный потомок. Из будущего. Но они еще слишком чисты, чтобы воспринять то, что ты можешь им рассказать. Они еще живут по законам Отца. Но уже не все. И это неизбежно. Но мне их жалко. Это просто дети. Во мне борются понимание неизбежности пути и жалость к ним. Наверно я не должен был тебя об этом просить. Прости.

Эта реплика поставила Михаила в полный тупик. Была масса вопросов. Он был готов их выплеснуть на вождя, но тот снова сделал останавливающий жест рукой и сказал:

– Племя ждет тебя. Познакомься со всеми. Мы с тобой еще будем иметь время для разговоров.

Михаил повернулся назад и вскочил, увидев множество одетых примерно одинаково людей. Молодых и не очень, мужчин, женщин и детей. Они стояли полукругом почти у самого навеса и с интересом разглядывали Михаила. Их лица выражали доброжелательность. Многие из взрослых улыбались. Они явно смущались подойти ближе, и он сделал шаг на встречу. Это явилось сигналом для всех и его тут же окружили. Каждый,

включая детей, мягко касался Михаила, что-то говорил ему, но в общем гомоне трудно было разобрать что. В целом все говорили примерно одно, что они рады его приходу. Особенно радовалась молодежь. Михаил не успевал разглядеть каждого, но отмечал то, что эти люди, одень их в современную одежду и подстриги соответственно моде, не будут отличаться от его соседей по подъезду. Единственное, что их отличало, была, пожалуй, непосредственность, основанная на неискушенности. Все они держались с достоинством, в очередной раз, разрушая его стереотипы о диких нравах людей древности.

В конце концов, большая часть племени разошлась по своим делам, а вокруг осталась только молодежь. Но они стеснялись, судя по всему, надоедать гостю вопросами. Михаил также отметил опрятность этих людей. Они явно соблюдали правила гигиены. И лишь волосатость лиц мужчин напоминала о незнакомстве с металлами. Михаил ловил взгляды молодых мужчин, кидаемые на монтировку. Но, памятуя слова вождя, не вылезал с объяснениями. Он нашел хороший выход и попросил хозяев показать их быт и приспособления для охоты. Это было воспринято с воодушевлением, и они гурьбой отправились вводить Михаила в курс дела. Затем все мужчины, включая Михаила и вождя, дружно вытаскивали тушу кабана из ямы веревками из вымоченных лиан и принесли его в поселение. Совместный труд способствовал снятию некоторой напряженности. Кабана тут же начали сноровисто разделывать, а женщины брали отрезанные куски мяса и уносили их готовить. Все, за исключением детей, были при деле.

Приготовления к пиру продолжались часа два. Учитывая тот факт, что всякий член сообщества никем не понукаемый делал какую-то часть общего дела, работа продвигалась весьма быстро. Для такого большого количества мяса в поселении был особый большой очаг из камней, накрытый большой плоской каменной плитой. Женщины натаскали сухого хвороста и старательно раздували огонь, принесенной головешкой. Но получалось плохо. Головешка уже погасла. Михаил взялся помочь. Он содрал с хвороста сухую кору, скрутил из нее жгут и, достав зажигалку, поджег его. Огонь весело разгорелся. Женщины с интересом наблюдавшие за его действиями загалдели удивленно. Одна из молодых женщин подошла к нему и с удивлением смотрела на его руку с зажатой в ней зажигалкой.

– У тебя огненная рука? Тебе не больно?

Спросила она с тревогой в голосе.

– Нет. У меня обычная рука. Это зажигалка зажгла огонь.

Михаил показал ей пластмассовую зажигалку за три рубля,

продающуюся на каждом углу в городе. Но он заметил, что женщина смотрела не на зажигалку, а на руку. Он покрутил зажигалкой, привлекая ее внимание именно к ней. Эффекта не было. Та упорно рассматривала кисть Михаила. Михаил еще раз чиркнул зажигалкой. Она отшатнулась от неожиданности.

– А у тебя не сгорят пальцы? Как ты это делаешь?

– Не волнуйся, мне даже не больно. Это зажигалка делает огонь. Не я.

– А где эта зажигалка, которая делает огонь? Я ее не вижу. Она в другом мире и оттуда дает огонь тебе на палец?

Михаил понял, что дело не в том, что женщина не может понять принципа работы зажигалки. По ее взгляду на его руку, Михаил определил, что она просто не видит зажигалки. Он положил зажигалку на землю. Женщина не обратила на нее никакого внимания и продолжала смотреть на его руку. В ее сознании не было аналога зажигалки, как опыта предыдущей жизни. Глаза смотрели, но не видели предмета, не имеющего отпечатка в памяти. Михаил подумал, что окажись она в городе, то высотные дома или автомобили попросту не существовали бы для нее. Мы видим вещи, складывая их образ из знакомых фрагментов. То есть мы сами создаем окружающую действительность. Но тогда возникает закономерный вопрос. Сколько вещей мы видим вокруг себя, если мы даже не знаем, сколько их в реальности? Точнее сколько их мы воспринимаем, а сколько остается вне восприятия? И мы еще претендуем на «объективность!»

В конечном итоге, женщина решила, что уже достаточно надоела гостю, и как все мы часто делаем, прикинулась понимающей, так и не поняв, что же происходит.

Наконец угощение было приготовлено, и весь народец собрался вокруг очага. Женщины ловко препарировали куски жаренного мяса и раздавали желающим. В качестве одноразовой посуды использовались лопухи, буйно разраставшиеся на поляне в связи с наступлением весны. Практично подумал Михаил. Мужчины принесли к очагу большую бадью из целого толстого бревна. В ней оказалось некое подобие сухого вина из дикого винограда. В детстве Михаил собирал в лесу этот виноград. Мелкий и непривлекательный на вид, но, нужно сказать, что более вкусного он никогда позже не пробовал. Его зачерпывали деревянными же плошками и запивали мясо. Михаилу кто-то дал такую же плошку и, отведав вина, он вспомнил вкус этого винограда. Мясо было зажарено с какими-то пряными травами. Очень вкусно. Он наблюдал за людьми. Никакой иерархии не было. Исключение составляли дети, которым все выдавалось в

первую очередь. Люди ели и пили неторопливо и со вкусом. Они делились пищей и ухаживали друг за другом. Один молодой абориген обжегся случайно коснувшись раскаленной плиты очага. Все тут же забеспокоились и повернулись к нему, хотя он не издал ни звука. Михаил с удивлением понял, что они чувствуют друг друга. Он стал присматриваться внимательней и обнаружил, что при возникновении недостатка чего-либо у кого-то из племени ему тут же передавали недостающее без просьбы с его стороны. Как они чувствовали? Что-то вроде телепатии? Не похоже. Они просто ощущали себя единым организмом.

Наевшиеся первыми стали приносить какие-то деревянные чурки и подобие барабанов. Все завершилось настоящим концертом, исполненным на этих ударных инструментах. Ритмы были столь интересны и зажигательны, что многие принялись танцевать. Михаила удивила слаженность игры музыкантов. Веселье разгоралось. В пляс пустились практически все. Только вождь сидел в сторонке и улыбался, глядя на празднующее племя. Михаил тоже с удовольствием наблюдал за праздником. Недаром бегал от кабана, как выяснилось.

Из круга танцующих к нему подошла молодая прекрасно сложенная аборигенка и протянула ему руку, приглашая присоединиться. Михаил засмущался. Он никогда не был любителем дискотек. Но она с таким призывным задором смотрела ему в глаза, что Михаил поддался и запрыгал в такт ритмам, уж как мог. Девушка ему помогала, показывая движения. В конечном итоге он отличался от людей племени лишь одеждой. И странное дело, Михаилу казалось, что и он чувствует племя. Общее состояние наивной, незамутненной никакими материальными расчетами радости племени переливалось в него. Он смотрел на красивое с очень правильными чертами лицо девушки, и ему казалось, что он знает ее. Не лицо – оно было незнакомым, хотя и очень нравилось. Ее сущность была очень близка ему. Откуда это чувство? Да и она оказывала ему явные знаки расположения. Михаил и не заметил, как стемнело. Все пространство теперь освещал разожженный костер. Вместе с танцующими теперь танцевали их причудливые тени.

Напрыгавшись до отвала, Михаил выпал из круга танцоров и присел в сторонке передохнуть. Он впервые вспомнил, что не курил с тех пор как попал в поселение. И пагубная привычка тут же настоятельно потребовала закурить. Он, как ученик средних классов, тихонько прикурил и, спрятав сигарету в рукав свитера, тайком потягивал никотин. К нему подошла «его» девушка с двумя наполненными вином плошками и села рядом. Одну из них протянула Михаилу.

– Ты не против, если я посижу с тобой?

– Да, конечно!

Михаил обжег руку сигаретой. Но стерпел, чтобы не рассекретится.

– Ты обжегся. Тебе больно. Не прячь огонь. Обожжешься снова.

Как она почувствовала его боль? Ему стало стыдно, и он затушил сигарету.

– Меня зовут Иша. Я дочь вождя. А мамы у меня нет. Она вернулась домой. Уже давно.

– Очень рад, Миша. А где ее дом? И почему она вернулась туда?

Спросил Михаил, ничего не поняв.

– Почему она вернулась? Все возвращаются домой, когда умирают. Разве ты не знаешь?

– Я сочувствую тебе. Извини. Я просто не понял.

– Ну что ты – засмеялась она – мне, конечно, ее не хватает, но я рада, что она дома и ей хорошо.

Она отхлебнула из плошки. Он тоже пригубил.

– Ты мне сразу очень понравился. Жаль, что ты скоро уйдешь. Но мы еще будем вместе. Мы будем вместе жить очень долго.

Михаила последние слова вогнали в краску. Он никогда не был ловеласом и счел своим долгом обозначить свою принадлежность другой женщине.

– Не пойми меня неправильно. Ты мне тоже очень нравишься. Правда. Но у меня уже есть жена. Я ее никогда не смогу бросить. Я ее люблю.

Иша засмеялась как колокольчик.

– Это очень хорошо! А какая она? Она красивая?

– О да, она очень красива. И умная. Я не всегда это ценил, но сейчас я очень скучаю без нее.

Девушка, смотря на Михаила, мечтательно улыбалась. Казалось, что эти слова очень приятны ей. Это было очень непохоже на поведение женщины, которой мужчина рассказывает о другой любимой.

– Расскажи мне о ней. Как вы с ней живете? У вас есть дети? Расскажи мне все. Ну пожалуйста!

Она просила столь искренне. Михаил был удивлен, но стал рассказывать. Понемногу его рассказ, начатый с формального перечисления дат и событий их жизни с женой, обрел живость и теплоту пережитых эмоций. Все существо Иши впитывало его рассказ. Она улыбалась, сопереживая чувства вложенные Михаилом в слова. Она задавала вопросы, требуя подробностей каких то событий и перипетий его с женой жизни. Когда он

закончил повествование, Иша сидела, замерев с мечтательной улыбкой на лице.

– Спасибо, Миша! Мне очень хорошо от твоего рассказа. Я пойду, мне нужно подумать.

Она, неожиданно чмокнула Михаила в щеку и, легко как синичка, упорхнула в темноту. Михаил был серьезно озадачен. Иша не оставила его равнодушным. Она ему очень нравилась. И еще это чувство, что он ее давно знает. Наваждение какое-то. Он не удержался и выкурил сигарету, умудрившись не обжечься. Фильтр вдавил в землю и тщательно притоптал.

Веселье стихало. Стало прохладно, и Михаил подошел к догорающему уже костру и стоял, глядя на огонь, в раздумьях о прошедшем дне и о том как же ему попасть домой, и об Ише. К нему подошел вождь.

– Как тебе у нас? Не жалеешь, что пришел к нам?

Спросил вождь, внимательно смотря на Михаила.

– Мне очень все нравится у вас. Все очень заботливы друг к другу. Я представлял себе все иначе. Мы мало знаем о том, какими были наши предки. Очевидно, на наши представления о прошлом довлеют наши собственные нравы. Как все племя чувствует друг друга? Это самое удивительное.

– Мы не сможем жить не заботясь друг о друге. Не только мы, но и все другие племена тоже. Но, к сожалению, с каждым новым поколением эта способность становится все слабее. Люди все больше думают только о себе. И хотят только для себя. Это нарушает связь людей. Но, пора, пожалуй, спать. Ты устал. Мы тебе приготовили хижину. Я надеюсь, тебе будет удобно.

Подошедший парень отвел Михаила в его отдельные «апартаменты». Семья, жившая в этой хижине, очевидно, будет ночевать у соседей. Но притом, что Михаила устроил бы любой угол, он не стал упорствовать. Не стоит лезть в чужой монастырь со своим уставом. Тем более, что его пожелания не спросили. Изнутри она оказалась довольно просторной. Вдоль стен было четыре или пять (в темноте не разобрал) широких лавок для сна, сплетенных из прутьев. На них лежала постель из сухой травы, накрытая шкурой. В качестве одеяла тоже использовалась шкура, но полегче. Михаил, действительно изрядно уставший, сбросил свитер и кроссовки и с удовольствием завалился на первую попавшуюся лавку. Сон одолел его почти сразу.

Ночью к нему пришла жена. Она тихо юркнула к нему, упругая и горячая, под одеяло из шкуры и обвилась вокруг его тела. Это ты Ириша? – спросил он в полусне – ты откуда здесь? Я тебя нашла – прошептала она – сквозь время. Она была такой нежной и ласковой. Он тоже. Было бесконечно хорошо. Как он

соскучился по ней такой! Они устали, и глубокий сон окутал их сплетенные тела.

Михаил проснулся от утренней прохлады и солнечного света проникшего через вход. Занимался новый день и за стенами хижины стали слышны звуки человеческой деятельности. Он, еще не открывая глаз, потянул руку обнять жену, но она охватила пустоту. Сон мгновенно слетел. Где она? Как попала сюда и куда исчезла? Может быть, это был только прекрасный сон? Однако его тело говорило, что сон был явью. И снятая впопыхах одежда валялась на полу. Он сел и быстро оделся в намерении пойти на ее поиски. Но тут его взгляд наткнулся на украшение из красивой раковины на кожаном шнурке, которое он видел на Ише. Оно тоже лежало на полу. Он поднял его и понял, что жены не было с ним ночью. Он не смог ее отличить от Иши. Михаил не мог представить, как это могло произойти? Все, включая запах и очень интимные детали, было таким же, как и с его женой. Но дело не только в физических деталях. Встречные движения душ – вот, что было самым похожим. А еще точнее именно они было идентичными.

Глава 14
Пещера Созерцания.

Михаил был в растерянности. Как все произошло? Для чего? Он не хотел признаться себе, что ему было очень хорошо. Но что дальше? Как ему себя вести? В этих размышлениях он пошел приводить себя в порядок к роднику. Когда он умытый и причесанный возвращался к центру деревни, сзади он услышал быстрые легкие шаги.

– Здравствуй, Миша! Как выспался? Смотри, какой чудесный день!

Он обернулся и увидел Ишу. Она подходила легкой походкой и вся светилась радостью. Казалось, что она лишь слегка касается ногами тропинки. Лицо Михаила, только что думавшего о ней залилось краской. Он совершенно растерялся. Как ему теперь себя с ней вести?

– Хорошо выспался. Правда, было неожиданное приключение ночью. Я нашел твое ожерелье. Вот оно, возьми.

Ответил он с нотками напряженности. Она в ответ звонко рассмеялась, явно забавляясь его смущением. Как всякая женщина, она превосходно чувствовала все нюансы интонаций, и ей было приятна смущенность Михаила, явно свидетельствующая о его неравнодушии к ней.

– Мне показалось, что тебе было хорошо.

Иша явно поддразнивала его, отчего он еще более смущался и злился на себя.

– Да, действительно было очень хорошо, но я не могу себя за это похвалить. Я ведь говорил, что у меня есть жена. И, если говорить правду, ночью я думал, что это она. Извини, если тебе больно это слышать.

Михаил ожидал, что его слова расстроят Ишу, но уж будь что будет. Это правда. Но он совсем не ожидал ее реакции.

– Ты не представляешь, насколько мне радостно слышать эти слова! Я хочу, чтобы ты оставил ожерелье себе. Подари его своей жене в своем времени. Мы будем еще целый день вместе. Я тебе все расскажу.

Ну не может женщина удержаться от того, чтобы не поиграть мужчиной. Иша, улыбаясь, упорхнула по делам, оставив Михаила в бесплодных догадках.

После завтрака оставшимся вчерашним изобилием племя разошлось заниматься повседневными делами. Несколько мужчин и женщин собирались к берегу моря на промысел. Михаил

напросился идти с ними. Ему стало интересно, как древние люди добывают морепродукты. Впрочем как и все, что они делали и чем жили. Они, взяв различные приспособления, неспешно двинулись вниз к морю по тропе михаилова героического бегства. Он, как и все нес какую-то снасть похожую на большую раколовку. Он все оглядывался назад. Не идет ли с ними Иша, но ее не было. Он все никак не мог вытеснить из мыслей сложившуюся ситуацию и загадочное поведение Иши.

Наконец они вышли на берег моря. Сегодня оно было просто великолепно. День был уже почти по-летнему теплым, но вода еще не прогрелась достаточно для купания. Женщины, рассыпавшись по берегу, собирали что-то. Мужчины вытаскивали на берег оставленные накануне снасти и заменяли их принесенными с собой. Корзины потихоньку заполнялись рыбой. Работа спорилась. Когда все принесенные емкости были наполнены рыбой и моллюсками (иных Михаил и не видел в своем времени) некоторые снасти еще были с добычей. Аборигены стали бережно выпускать лишнюю рыбу назад в море. Михаил удивился. Они объяснили, что запасы они вынуждены делать только осенью для зимних холодных дней. Они сушат рыбу. Но сейчас в этом нет необходимости. Поймать ее можно в любой день. Поэтому нет смысла убивать то, что не сможешь съесть. Вся кавалькльда двинулась в обратный путь. По дороге женщины отходили недалеко от тропы и собирали какие-то травы для стола. Михаила удивило то, как они это делают. Они, найдя нужную траву, срывали лишь часть стеблей, оставляя остальное в земле. Разумно. Они не выживали в окружении природы. Они существовали в гармонии с ней. Они еще были ее частью.

Когда они уже почти подошли к поселению, Михаил увидел Ишу, поджидавшую его среди деревьев. Она призывно махнула ему рукой и скрылась в глубине леса. Он передал свою ношу кому-то из мужчин и пошел ее разыскивать. Она ожидала его невдалеке, собирая весенние цветы.

– Пойдем, погуляем. Здесь так красиво. Я тебе все покажу.

Сказала она и, не дожидаясь ответа, пошла вглубь леса. Михаил пожалел, что не взял с собой монтировку на всякий случай, и он стал озираться в поисках какой-либо палки. Иша заметив его беспокойство, тихонько свистнула. Немедленно к ней подбежал рыжий пес, усердно виляя хвостом. Она что-то сказала ему тихо, и он также быстро исчез.

– Не волнуйся, никто не сможет застать нас врасплох. Мой песик предупредит. Он очень умен.

– Куда мы идем?

– Я тебе покажу Пещеру Созерцания. Только издалека. К ней

сейчас не подойти. Не все могут туда ходить, но я ходила. Тайком от отца. Он все равно узнал, но не ругал меня. Только вид делал что рассердился.

Они пошли вперед, все больше углубляясь в лес вдоль горы. Михаил все еще чувствовал себя смущенным, но игривое с утра настроение Ишы явно изменилось на серьезность. Она шла притихшая, погруженная в себя, почти не глядя по сторонам. Минутами тридцатью спустя они услышали равномерный шипящий шум. Он озадачил Михаила и заинтересовал. Было похоже на какую-то паровую машину. Но откуда она здесь? Пройдя еще немного на шум, они вышли к глубокой расселине в горе. На противоположном склоне ее из земли вырывалась струя пара и воды. Гейзер. Он был прямо перед входом в пещеру, надежно загораживая его. В его времени в этом месте не было ни гейзера, ни пещеры.

– Сегодня ночью вода и пар уйдут, и ты сможешь пройти в пещеру. Я бы хотела, чтобы ты остался, но это невозможно.

Они сели на склоне в видимости гейзера. Вокруг буянила южная весна. Нетронутая человеком природа была прекрасна.

– Скажи, что ты имела в виду сегодня утром? Я чувствую себя не в своей тарелке. То есть я чувствую себя виноватым.

Она неожиданно повернулась и крепко обняла его. Он не нашел сил не ответить на объятие.

– Ты прости меня. Я не смогла удержаться. И конечно мне хотелось испытать тебя. Я и есть твоя жена. Мы встретимся еще не раз в следующих жизнях. Души людей всякий раз возвращаются в этот мир. И они следуют строгому закону. Люди просто не помнят о своей прошлой жизни здесь. Тела не имеют никакого значения. Но души – единственное, что важно, могут встречаться много раз. Как в нашем случае. Я узнала об этом случайно, когда пробралась в Пещеру Созерцания. Хотя ничего случайного не происходит. Наверное, мы просто не можем увидеть того, для чего все происходит, потому и придумали слово «случайность».

Михаил вспомнил слова Ари о кругообороте душ. Он еще раз удивился тому, что человек совсем не меняется во времени. Что-то намудрили дарвинисты. Обезьяна так и осталась обезьяной. Человек же появился уже человеком. Глубина мышления и чувств древнего человека не меньше, чем у современного. Меняется лишь так называемый научно-технический антураж да морально-этические нормы. Познакомившись с жизнью древнего племени, Михаил пришел к грустному выводу, что люди его времени много несчастней. А Иша выразила то же, к чему пришел он сам. Но она жила на много тысяч лет раньше! Он понял, наконец, что же было

ему так знакомо и близко в Ише. И пусть все выглядело фантастично, но какое это имело значение? Им было хорошо. Сквозь тысячелетия их души снова встретились, а тела только добавили прелести к этой встрече. Еще раз. Разве это плохо? Это проявление мудрой природы.

Спустя пару часов они, держась за руки, подходили к поселению. На груди Михаила красовалось украшение Иши. Их встретил вождь, и Иша смутившись, убежала по делам племени. В глазах вождя было понимание всего, что произошло между ними. Но ни тени осуждения не увидел в них Михаил.

– Пойдем, путник, посидим, поговорим. Сегодня с наступлением темноты ты пойдешь в Пещеру. Я провожу тебя.

Они прошли через поселение к навесу, где впервые встретились. Монтировка Михаила так и лежала там, где он ее оставил. Вождь поднял ее и передал Михаилу.

– Не забудь свое оружие. Ему не место у нас. Спасибо за то, что повел себя деликатно. Не стал рассказывать о будущем. Люди должны развиваться естественным образом. Это закон Отца. Его не стоит нарушать.

– Спасибо вам всем за встречу и гостеприимство. Я никогда не забуду этого времени. Оно мне много дало в понимании кто мы, люди, такие. Я встречался с великими людьми истории человечества. То, что они говорили мне, было не совсем понятно. Но сейчас я чувствую, что способен воспринимать эти знания.

– Я рад этому. Любой миг жизни ведет к цели. И этот тоже. Пойдем ужинать и прощаться с людьми.

После ужина, такого же обильного, что и вчера, люди племени обступили Михаила. Они, как и в прошлый раз, притрагивались к нему и говорили что-то теплое. Выражали сожаление по поводу его ухода и приглашали еще раз посетить их. Можно и без кабана. Им действительно было жаль расставаться. Михаил все время выглядывал в толпе Ишу. Она подошла последней. Все вокруг, как по команде, стали рьяно хлопотать по хозяйству. Даже дети. Она обняла его, совсем не стесняясь окружающих, которые изо всех сил делали вид, что ничего не видят.

– Я буду ждать тебя в твоем времени. Спасибо тебе, ты дал мне покой и радость будущего. Это великий подарок!

– И тебе спасибо за все. Мне было очень хорошо с тобой. И всегда будет хорошо!

Они стояли так, и не говоря ни слова, разговаривали обо всем. Что было и что будет. Какие они будут и что такое любовь. И что им еще очень много нужно сделать и понять. И что у всего этого есть великий смысл. И они его будут открывать каждый

день. Не зависимо от времени, в каком они живут. Стояли и не могли расстаться. Стало смеркаться, и Михаил почувствовал руку на своем плече.

– Пора, путник. Время идти.

Вождь стоял с посохом. Рядом сидел крупный пес. Михаил, еще раз взглянул на Ишу. Она тихо плакала и улыбалась сквозь слезы. Вождь, Михаил и пес двинулись в дорогу. Все племя провожало их до ворот. Путь не занял много времени. При подходе к пещере, к которой вела еле различимая в сумерках тропинка, Михаил обратил внимание, что шипение гейзера стало заметно меньше. Он волновался. Что там в пещере. Что его ждет? А еще он думал об Ише и Ирише. Какая сила соединяет души людей? С какой целью? Что дальше? Они подошли почти к самому гейзеру. Он еще выбрасывал струи пара и кипятка. Вблизи он оказался внушительным. Даже значительно ослабевший, он надежно перекрывал вход в пещеру.

– Нам нужно еще немного подождать. Дальше ты пойдешь один. Тебе не потребуется факел. Там светло. Я буду помнить тебя. Не беспокойся за мою дочь. С ней все будет хорошо. Ты это поймешь после.

Фонтан гейзера выбросил толстую струю воды и неожиданно затих. Михаил вздохнул, было немного страшновато, и, махнув вождю рукой на прощание, шагнул в пещеру. Было совсем темно. Где же свет? он прошел вперед с десяток шагов и услышал зашипевший за спиной гейзер, вновь начавший извержение. Путь назад отрезан. Ну, тогда вперед! Сердце стучало бодро. Даже слишком. В кромешной тьме он сделал еще несколько шагов и уперся в холодную стену пещеры. Пошел вперед, придерживаясь левой рукой за стену.

Пахло сыростью и землей. Он нашарил в кармане зажигалку, но ее свет был не способен осветить столь большое пространство. Звуки шагов отражались где-то очень высоко. А вождь говорил, что здесь светло. Странно. Со стороны движения его лицо ощущало движение воздуха. А пещерные медведи здесь водятся? Забыл спросить у вождя. Шутка не взбодрила. Пошел дальше и по мере продвижения стал различать стену, вдоль которой шел. Пошел веселее. Света стало заметно больше. Его источника нигде не заметил. Вдали свет еще более усиливался, и Михаил пошел практически свободно по широкому проходу прямо на свет. Проход привел его в большой зал с высокими сводами.

Посреди зала был большой монолитный валун метров трех высотой с плоским верхом На котором стояла каменная колонна метра полтора в высоту увенчанная кристаллом величиной с арбуз. Со стороны входа в зал наверх валуна вели четыре ступени.

Кроме этого камня в пещере освещенной, как выяснилось, светом, исходящим из больших белых кристаллов на потолке стенах пещеры, ничего и не было. Он обошел валун по периметру, внимательно всматриваясь в него и в стены зала в поисках еще чего-либо. Но ничего не обнаружил. Он сообразил, что путь его лежит именно на этот валун.

Он поднимался по ступеням и чувствовал полное смятение всех чувств. Можно было сказать, что чувства просто взбунтовались. Сильнейший приступ страха мгновенно сменялся эйфорией радости свободы, глубокой грустью, гневом, весельем, покоем и они чередовались в различных сочетаниях. Все они овладевали им безо всякой на то причины, и как-то упорядочить взбесившиеся эмоции ему не удавалось. Наиболее часто повторялись удивление и растерянность из чего он вывел, что именно эти эмоции являются актуальными в настоящий момент. Он изо всех силпопытался удержать чувство решимости. И это ему удалось. Он с огромным трудом преодолел три из четырех ступеней. Ему пришлось отдыхать и собираться с силами на каждой из них, чтобы сделать следующий шаг. Казалось, что сила тяжести на каждой из них вырастает вдвое. Но последний шаг он сделать не смог. Нога, чуть оторванная от предыдущей ступени, бессильно опустилась назад. Он стоял, обливаясь потом, не в силах пошевелиться. Сердце готово было разорваться от напряжения. Его шатало. Он почти утратил способность соображать. В мозгу осталась только одна мысль о том, что нужно преодолеть последнюю ступень. Сила тяжести стала сгибать его тело к земле. Ноги не выдержали и подогнулись в коленях. Он рухнул на них, больно ударившись о ступеньку и удержался, чтобы не распластаться, только ухватившись за край площадки. Появилась еще одна мысль – повернуть назад и уйти из пещеры и будь, что будет.

И тут он услышал внутри себя голос Иши: «Миша, ради нас ты это сможешь сделать. Иди, любимый!». Подняться вновь на ноги он не мог. При постоянном факторе – силе тяжести, его собственные силы таяли. Даже дышать было трудно. Но кто сказал, что нужно взойти на площадку, преодолев пятую ступень вертикально? Не было такого условия! Он навалился на площадку грудью и уперся в нее руками, а его тыл и бессильные ноги оставались на ступеньке. Собрал последние силы и всю злость, даже ненависть к себе за свое бессилие, заревел, как раненый медведь, и рывком всего тела затащил ноги на площадку. Получилось не эстетично, но результат был налицо. Сила тяжести, которая только что готова была выдавить из него внутренности со всем их содержимым, мгновенно исчезла. Он

поднялся на ноги. И расправил плечи. Он победил себя. Он смог. Сила тяжести только, что была готовая убить Михаила, мгновенно вернулась в норму. От этого он, рывком вставая, неожиданно для себя подпрыгнул. Ему показалось, что он смог бы и полететь, столь легким казалось тело. Свет, яркий свет залил всю пещеру, скрыв ее стены. Кристалл на колонне перед ним засверкал каждой своей гранью, отражая этот мощный свет.

Он увидел Вождя и Ишу и все племя. Они стояли и смотрели на него. А потом одна картина стала сменять другую. Они были чрезвычайно реалистичны и как бы проходили сквозь него. Он видел, как древние люди стали овладевать орудиями труда и добывать больше пищи, строить дома, приручать животных, как среди них появились группы привилегированных людей и они стали жить легче и лучше остальных, как стали захватывать людей из других племен и делать из них рабов. Затем человечество стало разрастаться и захватывать все большие пространства. Они стали выжигать леса и строить города. Изучать науки и воевать между собой. Он видел войны одну за другой, в которых гибло все больше и больше людей. И все, что придумывалось умными людьми, использовалось в первую очередь для войн. Он видел, как развивались и погибали цивилизации. Как увеличивались и огрубевали желания людей получать все больше. И никого уже не смущало, что человеку не нужно так много всего. Радовало само осознание обладания. Он видел, как человек научился получать удовольствие даже от горя себе подобного. Он видел римских императоров и Наполеона и Гитлера и Сталина и всех остальных правителей прошлых лет и современных. Он видел, как они сталкивали огромные массы людей друг с другом из просто собственных амбиций, и сколько бед происходило от этого. Реки крови текли перед его взором. Он видел, как человек страдает от недостатка чего-либо и как он страдает оттого, что ему уже больше нечего хотеть. Он понял, что всем этим движет она сила – эгоизм человека. Он понял, что человек, по сути, состоит только из одного желания – желания наслаждаться, получать. Наслаждаться ему персонально, и что единственный кого он любит и есть он сам. И даже когда он любит кого-то другого, то и это тоже ради себя. Он видел, как рождались разные человеколюбивые теории, и к каким страшным последствиям приводило их воплощение в жизнь.

И он увидел себя, мечущегося в поисках чего-то, чего он даже не мог выразить. И что, таких как он, становится все больше. И что их не устраивает уже та жизнь, которой они живут. И он понял, что все, что происходило с людьми в результате их развития, все это имеет только одну цель – понять, что так жить

они больше не могут! И что не нужно менять мир все вокруг для его улучшения, а необходимо изменить себя. Но все рано их было слишком мало! А еще он увидел, что будет с человечеством. От этой картины волосы встали дыбом! В прямом смысле. Ему невыносимо больно стало от этого знания. И он понял, что никогда не сможет об этом никому рассказать. Что люди неспособны поверить в этот кошмар. Им значительно комфортней незнание. А еще, видя все это, он понимал, что все закономерно и за этим стоит четкий план. И что все люди, живущие и жившие когда-либо, просто этот план выполняют в полной иллюзии того, что они самостоятельны. И у него возник вопрос. Для чего все эти страдания? Ощутив боль в горле, он обнаружил, что кричит во весь голос. Зачем же такой план? Кто и чем сможет оправдать такие страдания человеков? Пусть они не совершенны, но ведь можно же как-то по-другому? Ведь можно же что-нибудь сделать, черт тебя возьми!!!

Картины прошлого и будущего человечества исчезли. Глухая тишина была ответом на его вопрос. И свет в пещере исчез. Его окутала кромешная тьма. Тьма и тишина длилась вечность. Он утратил ощущение времени. Его не отпускало ощущение катастрофы, сопровождающееся запредельной болью души. Он еще никогда не испытывал подобного. Это было невыносимо. Михаила откровенно колотило крупной дрожью. Я, я должен что-то делать! Билась в голове единственная мысль.

– Делай.

Услышал он в ответ единственное слово. Голос его произнесший, казалось, заполнил пещеру и все его тело до последней клеточки, столь мощен он был.

В следующую секунду он оказался в своей машине. Еще пара поворотов и он выскочит на трассу.

И тут он все вспомнил. Что его за поворотом поджидают братцы – близнецы. Михаил остановил машину и увидел свое осунувшееся, с темными кругами под глазами, заросшее двухдневной щетиной лицо. На шее висело украшение из красивой раковины на кожаном шнурке. Сунул руку под сидение – там лежала монтировка. Он, вновь запустив двигатель, утопил педель газа в пол. Завизжали шины. Хотелось разрядки после пережитых эмоций. Подъезжая к повороту, резко затормозил. Михаил услышал треск кустов справа, а затем и увидел валун, ломавший растительность и летящий на него сверху, но траектория его пролегала метрах в трех перед капотом. Когда валун, подпрыгивая, перекатился через дорогу и проследовал в русло реки, увлекая за собой множество более мелких камней, он снова поехал вперед и, аккуратно пройдя поворот, объехал

вбитые в дорогу колья. Михаил помчался в обратную от побережья сторону. Он выжимал из машины все, на что она была способна, не обращая внимания на спрятанные в кустах машины гаишников. Через сорок минут он, влетев в свою квартиру и, взяв документы, книгу и немного вещей в дорожную сумку, помчался в аэропорт.

Глава 15
К вопросу о пользе сказок.

Он успел купить билет на Москву за десять минут до окончания регистрации и позвонить жене. Как объяснить ей, что он улетает и что даже не может сформулировать зачем? Не стал ничего выдумывать и просто сказал, что очень нужно. Потом все расскажет. Он чувствовал в ее молчании недоумение и обиду, но вытерпел и поплелся на посадку.

Привычно проконтролировав все фазы взлета, уборки шасси и механизации крыла потрепанного жизнью Ту– 154, Михаил предпринял попытку осмысления всех последних событий. Картины увиденного в пещере вновь породили бунт в душе. Все, что прочитал и передумал прежде, смешалось в винегрет. Какое-то начинающееся понимание происходящего унесло как пролетающее в иллюминаторе облачко. Он снова оказался в начале пути. Открыл заветную книгу – вдруг найдется намек? Намек нашелся сразу. Да еще какой! Сразу несколько новых абзацев возможных для прочтения:

«Майор, позвольте привести вам сказку, написанную в вашем времени одним мудрым человеком. Вы с ним скоро встретитесь. Не посчитайте сказку неуместной для взрослого человека. Взрослым много труднее, чем детям понять очень простые вещи. Приятного полета, Бааль Сулам. Да, еще. Не пытайтесь убежать от себя. Это невозможно». Далее Михаил прочитал:

«Знаете ли вы, почему сказки рассказывают старики? Потому что сказка – это самое мудрое в мире! Ведь все проходит и только истинные сказки остаются… Сказка – это мудрость.

Чтобы рассказывать сказки надо очень многое знать, необходимо видеть то, что не видно другим. А для этого нужно долго жить. Поэтому только старики умеют рассказывать сказки, Как сказано в большой древней книге волшебников: «Старец – это тот, кто обрел мудрость!»

А дети… Они очень любят слушать сказки, потому что есть у них фантазия и ум думать обо всем, а не только о том, что видят все. И если ребенок вырос, но все же видит то, его не видят другие, он становится мудрым. И он-то знает, что сказка – это истина! И остается ребенком, мудрым ребенком. И называется «Старцем, познавшем мудрость». Как сказано в большой древней книге волшебников – «Книге Зоар».

Жил-был волшебник. Большой, красивый и очень-очень добрый… Но он был один. Не было никого, кто был бы рядом с

ним. Не было никого с кем бы мог он играть, обратиться к кому-то. Кто бы тоже обратил на него внимание, с кем бы мог он поделиться. Поделиться всем, что есть у него. Что же делать?… Ведь так тоскливо быть одному!

Задумался он: А что если создам я камень? Хотя бы очень маленький, но красивый? Может, этого будет достаточно мне? Я буду его гладить и чувствовать, что есть кто-то. Что кто-то рядом со мной. И вдвоем нам будет хорошо, ведь так тоскливо быть одному…

Сделал он «Чак!» своей волшебной палочкой – и появился рядом с ним камень. Точно такой, как задумал. Гладит он камень, обнимает его, Но тот никак не отвечает, не двигается. Даже если ударить камень или погладить его – он остается как и был, бесчувственным! Как же дружить с ним?

Начал пробовать волшебник делать еще камни. Другие и разные. Скалы и горы, земли и суши, Земной шар, солнце и луну. Заполнил камнями всю вселенную… Но все они как один камень: Нет от них никакого ответа. И как прежде он чувствует, как тоскливо быть одному…

Подумал волшебник: Может быть, вместо камня создам я растение – допустим, красивый цветок? Я полью его водой, поставлю на воздух, на солнце, Я буду ухаживать за ним – Цветок будет радоваться. И вместе нам будет хорошо, ведь очень тоскливо быть одному…

Сделал он «Чак!» волшебной палочкой – и появился перед ним цветок. Точно такой, как хотел. Начал он от радости танцевать перед ним – а цветок не танцует, не кружится. Почти не чувствует его. Он реагирует только на то, что волшебник дает ему: Когда волшебник поливает его – он оживает. Не поливает – он умирает. Но как можно так скупо отвечать доброму волшебнику, Который готов отдать все свое сердце!… Но некому… Что же делать?… Ведь так тоскливо быть одному!..

Начал волшебник создавать всякие растения: Большие и малые, сады и леса, рощи и поля… Но все они как одно растение – никак не отвечают ему. И по прежнему очень тоскливо быть одному…

Думал волшебник, думал и придумал: А если я создам какое-нибудь животное? Какое именно? – Лучше всего собаку. Да, собаку! Такую маленькую, веселую, ласковую. Я все время буду с ней играть, Мы пойдем гулять, и моя собачка будет бегать. И впереди, и позади, и вокруг меня. А когда я буду возвращаться домой, в свой замок, Нет, в наш замок, Она, уже заранее выбежит навстречу мне. И так хорошо будет нам вместе, Ведь так тоскливо быть одному!

Сделал он «Чак!» своей волшебной палочкой – И появилась рядом с ним собачка. Точно как хотел. Начал он заботиться о ней: давал кушать и пить, обнимал ее. Мыл и водил гулять – все делал для нее… Но любовь собачья… Вся она только в том, чтобы быть рядом с ним, лежать у ног, ходить везде за ним.

Увидел волшебник с сожалением, что даже собака, с которой он так хорошо играет, все-таки не способна вернуть ему ту любовь, которую он дает ей. Она просто не способна быть его другом, Не способна оценить, что он делает для нее! А ведь этого так желает волшебник!

Начал он создавать вокруг себя рыб и ящериц, птиц и животных – но только стало еще хуже: никто не понимает его. И по прежнему тоскливо ему одному…

Долго думал волшебник и понял: «Настоящим другом может быть только тот, кто очень будет нуждаться во мне, будет искать меня. Кто все сможет делать как я. Сможет любить как я, понимать как я. Только тогда он поймет меня! – Он должен быть таким как я! Но быть как я?…ммм… Кто же может быть таким как я? Чтобы оценил то, что я даю ему, чтобы смог ответить мне тем же. Ведь и волшебник нуждается в любви. Кто же может быть таким, чтобы вместе нам было хорошо. Ведь так тоскливо быть одному!..»

Подумал волшебник – может быть, это человек? И правда… а вдруг именно он, сможет стать близким и другом мне. Сможет быть как я. Только надо помочь ему в этом. И тогда уж вместе нам будет хорошо. Ведь так тоскливо быть одному!..

Но чтобы вместе было нам хорошо, Он должен прежде ощутить, что значит быть одиноким, без меня. Ощутить, как я… без него. Насколько тоскливо быть одному!..

Снова сделал волшебник «Чак!» – и появилось далеко от него место, и в нем человек… Но человек настолько далек от волшебника, что даже не чувствует, что есть волшебник, который создал его и все для него: камни, растения, животных и птиц, дома и горы, поля и леса, Луну и Солнце, дождик и небо. И еще много чего… весь мир… Даже футбол и компьютер! Все это есть у человека… А вот волшебник так и остался один… Но как тоскливо быть одному!..

А человек… даже не подозревает, что существует волшебник, который создал его, который любит его, который ждет и зовет его: «Эй, неужели ты не видишь меня!? Ведь это я, …я все тебе дал. Ну иди же ко мне! Вдвоем нам будет так хорошо. Ведь тоскливо быть одному!..»

Но как может человек, которому и так хорошо. У которого есть даже футбол и компьютер, который не знаком с

волшебником, вдруг пожелать найти его. Познакомиться с ним, сблизиться и подружиться с ним. Полюбить его, быть другом его. Быть близким ему. Так же сказать волшебнику: «Эй!.. Волшебник!.. Иди ко мне, вместе будет нам хорошо, Ведь тоскливо быть без тебя одному!..»

Человек знаком лишь с такими, как он, только с тем, что вокруг него. Он знает, что надо быть, как все: Делать то, что делают все, говорить так, как говорят все, Желать того, чего желают все. Больших – не злить, красиво просить. Дома – компьютер, в выходные – футбол. Все, что он хочет, есть у него! Зачем ему вообще знать, что есть где-то волшебник, Которому тоскливо без него?…

Но волшебник – он добр и мудр, Наблюдает он незаметно за человеком… …И вот в особый час… Тихо-тихо, медленно, осторожно Делает … «Чак!» своей палочкой.

И вот уже не может человек жить как прежде. И ни футбол, ни компьютер теперь не в радость ему. И хочет, и ищет он чего-то, еще не понимая, что это волшебник проник маленькой палочкой в сердце его, говоря: «Ну!.. Давай же, Иди ко мне, вместе будет нам хорошо, Ведь теперь и тебе тоскливо быть одному!..»

И волшебник, добрый и мудрый, Вновь помогает ему: Еще один только «Чак!» – и человек уже ощущает, что есть где-то волшебный замок, полный всяких добрых чудес. И сам волшебник ждет его там. И только вместе будет им хорошо…

Но где этот замок? Кто укажет мне путь к нему? Как встретиться с волшебником? Как найти мне его? Постоянно в его сердце: «Чак!», …»Чак!». И уже не может он ни есть и ни спать. Везде видятся ему замок с волшебником. И совсем уж не может быть один, ведь так плохо быть одному!

Но чтобы стал человек как волшебник. Мудрым, добрым, любящим, верным – он должен уметь делать все, что умеет делать волшебник. Должен во всем быть похожим на него. Но для этого «Чак!» уже не годится – Этому человек должен сам научиться. Но как?..

Поэтому волшебник незаметно и осторожно, медленно и нежно ведет человека: Тихонько: чак – чак … чак – чак… К большой древней книге волшебств, Книге Зоар… А в ней все ответы на всё – всё, весь путь, как все делать, Чтобы было в конце-концов хорошо. Сколько ж можно быть одному… И человек торопится быстро-быстро пробраться в замок, встретиться с волшебником. Встретиться с другом, быть рядом с ним. Сказать ему: «Ну!.. Вместе нам будет так хорошо. Ведь так плохо быть одному…

Но вокруг замка высокая стена. И строгие стражники на ней.

А чем выше взбирается на стену человек, тем грубее отталкивают его, тем больнее падает он. Обессилен и опустошен кричит он волшебнику: «Где же доброта и мудрость твоя? Зачем ты так мучаешь меня? Зачем же звал ты меня к себе? Зачем сделал ты так, что плохо мне без тебя?»…

Но… вдруг чувствует: «Ча…ак!» – и снова он стремится вперед, вверх по стене. Обойти стражников, взобраться на стену, ворваться в закрытые ворота замка. Найти своего волшебника…

И от всех ударов и неудач, обретает он силу, упорство, мудрость. Вдруг из разочарования растет желание… Он учится сам делать все чудеса, которые делает волшебник, Он сам учится создавать то, что мог только волшебник!

Из глубин неудач растет любовь, И желает он больше всего – одного: быть с волшебником рядом, видеть его. Все отдать, ничего не прося взамен. Ведь только тогда будет ему хорошо. И совсем невозможно быть одному!..

И когда уже вовсе не может без него, открываются сами большие ворота, и из замка навстречу ему, спешит волшебник, говоря: «Ну! Где же ты был! Иди ко мне! Как нам будет теперь хорошо! Ведь мы оба знаем как плохо, как тоскливо быть одному!»

С той минуты они уже вместе всегда. Верные, неразлучные и любящие друзья. Нет выше и глубже их чувств, А любовь заполняет настолько сердца, что не может даже припомнить никто, о том, как тоскливо быть одному!.. Прислушайтесь внимательно, каждый: Если кто-то из вас в сердце своем слышит тихо: …чак …чак – что главное в жизни – встреча с волшебником… Что только тогда будет вам хорошо. А пока так грустно и плохо»…

Текст закончился. «Вот такая вот детская сказочка!» – произнес Михаил вслух, даже не заметив удивленного взгляда соседа по креслу. Каждое слово немудреной сказки впечаталось в сердце. Эмоции переполняли его. Так просто и так сложно! Бог, Творец, если Он есть, хочет только добра. Но я не способен видеть это! Я не видел этого никогда. Ведь так трудно это увидеть, особенно после того, что мне показал кристалл в пещере! Но я хочу научиться видеть. Иначе я просто не смогу жить.

Самолет начал снижение. Начали хлопать выпускающаяся механизация крыла и шасси. Выходит, что он читал сказку полтора часа. Он заглянул в книгу. Больше ничего нового. «Да, такая вот сказка!» еще раз вслух сказал он. Сосед уже пристально и недоуменно смотрел на него. «А интересно, слышит он эти чак-чак?» подумал Михаил о соседе и тоже взглянул на него внимательно. Тот тут же отвел взгляд. Кто его знает?..

Сутолока высадки. Пожилые пассажиры суетятся больше всех. Не поезд, конечно, но вдруг засобирается самолет в обратный рейс? А они не успеют выйти. Смешно и грустно. Он смотрел на пожилого, суетящегося пассажира, который торопился и беспокоился более всех. Куда, ты спешишь? Ты ведь не сделал самого главного в своей жизни. Не узнал, зачем живешь на свете столько лет? Осталось совсем немного – ну год, ну три-пять. А тебя больше всего волнует судьба чемодана на выдаче багажа. А чем собственно я-то отличаюсь от него? Ничем не отличался, совсем недавно, но сейчас уже отличаюсь. «Чемодан» уже не так важен. В настроении готовности к любому действию, сменившему чувство острой тревоги после пещеры, он быстро покинул аэропорт. Отсутствие чемодана – хорошая штука! В ближайшем пункте мобильной связи купил московскую СИМ карту и набрал телефонный номер из записной книжки. «Слушаю вас» женский голос оказался неожиданным.

– Прошу прощения, я могу услышать Александра Гирова?

– А кто его спрашивает?

– Это Михаил Тихомиров, его однокашник по училищу. Мне дали этот номер, и я очень надеялся его услышать.

– Минуту.

Трубка замолчала минуты на две.

– Попробуйте позвонить по этому номеру.

Женщина быстро произнесла номер и тут же прервала связь.

Ну, совсем уж невежливо. Москва, понимаешь. Михаил от страха, чтобы не забыть стал повторять и повторять услышанные цифры, лихорадочно доставая ручку из кармана. Наконец достал и записал их на ладони. Уф! Прежде, чем позвонить по новому номеру закурил, чтобы успокоиться и подумать, а что ему сказать, своему другу, после стольких-то лет? Да уж не так это просто. Но ладно, пробуем… Занято. Неплохой результат. Походил меж киосков со всякой разностью. Купил сигарет, карту-схему Москвы. Карты – схемы выпускают, чтобы стражам порядка за версту было видно приезжего. Грустно пошутилось. Да времена смутные. Однако, время второй попытки. Повтор и мобильник снова ожил:

– Алло.

– Я бы хотел услышать Александра Юрьевича…?

– Секунду.

– Слушаю.

Голос совсем не похож. Но столько лет!

– Добрый день, я Михаил Тихомиров, мы вместе учились когда-то.

– Миша, ты? Я вчера только о тебе вспоминал. Вот дела! Ты где, как нашел меня?

– Я в Москве. Только, что прилетел. Номер твой мне дала какая-то женщина по телефону, который у меня был. Короче, это длинная история. Как ты? Как семья?

– Нормально все. Ты где в Москве?

– Да вот на Павелецком.

– Ты можешь подъехать на Патриаршие пруды? Это недалеко от тебя. А я за это время подъеду туда и заберу тебя. Сократим время.

– Могу, конечно. Где мне тебя ждать?

– Где-нибудь на виду. Я тебя найду. Не беспокойся!

– О'кей. Я уже поехал. Я в серой куртке и синих джинсах…

– Найду. До встречи.

Михаил пошел в метро. Карта не потребовалась. Патриаршие пруды он знал. Он там был несколько раз. Да и связанно это место с Булгаковым, которого любил. Интересно, Аннушка, не разлила ли уже масло? Ухмыльнулся. Вынырнув из метро, быстро дошел до прудов и, обнаружив, пустую скамейку, уселся ждать. Курить. Немного волновался. Даже джинсы потер внизу брючин. Нет ли грязи.

– Привет, Мишка!

Глава 16
Что есть дружба?

Михаил обернулся. К нему шел подтянутый, современно одетый мужчина. И, несомненно, это был Александр. Он мало изменился за 25 лет. Только при ближайшем рассмотрении видны морщинки на лице, да цвет волос потускнел как-то. Седина была, но не много совсем. Учитывая годы, прошедшие с их последней встречи можно сказать, что Михаил узнал бы его на улице, будь их встреча случайна. Но глаза – они были теми же, что он запомнил. Ничуть не утратили живости. Они обнялись и простояли так минуту или больше. Просто молча. Михаил понял, как ему не хватало его друга столько времени. Он и не знал этого никогда. Наконец обоих прорвало. Как ты, Сашка? Как семья, дети? Так и осталось двое или больше? Как родители. Слава богу! А ты… и так далее. Наперебой. Не делая практически пауз. Говорили, вспоминали однокашников, смешные и печальные события. Жестикулировали так, что итальянцы бы позавидовали. Вскакивали, садились. Все вперемешку. Так минут двадцать. Затем закурили оба и затихли. Каждый уже о своем. Было о чем. У каждого за плечами было и то, о чем не расскажешь ни за двадцать минут, ни за целый день.

– Ты где сейчас, Саша?

Первым нарушил непродолжительную тишину Михаил.

– Уволился. В бизнесе кручусь продовольственном. Не торгую, конечно, консультирую. По юридической, можно и так сказать, части. А ты?

– Тоже уволился. Еще в девяносто втором. Когда все стало разваливаться. Не хотелось еще и в межнациональные конфликты влезать. Очень. Потом бизнес. Теперь вот в творческом отпуске.

– Так тебе может, работа нужна – подсоблю с радостью. Нужен сейчас как раз надежный человек. Ты мне не случайно послан! Завтра представлю тебя партнерам. Здорово, просто!

– Да нет, Саша. Не нужна мне сейчас работа. Хотя спасибо огромное. А помощь… помощь возможно и потребуется. Действительно ведь не даром встретились. Я за последние несколько дней практически убедился в том, что ничего случайного нет в жизни. Мы только не видим этих причинно – следственных связей. Мне бы только догадаться чем ты мне можешь помочь?

– Ладно. Это разговор не короткий. Ты где остановился? Какие планы?

– С планами полный абзац. Неизвестен даже предмет планирования. Остановиться не успел нигде. Думал о гостинице, но не дотерпел – тебе позвонил.

– А вот это хорошо! Я тебя к себе забираю. На дачу. Шикарно – природа, тишина. Шашлык – машлык, понимаешь. Мои все уехали на каникулы к родителям. Там и поговорим обо всем.

– Готов прямо сейчас, но ты, очевидно, на работе еще?

– Нет уже. Едем прямо сейчас. У меня там все есть. Даже покупать ничего не надо. Как чувствовал. Затарился всем еще дня три назад.

Они прошли к Опель – Вектре, машина была уже немолодая, но в прекрасной форме, и покатили на дачу. Час езды пролетел за разговорами, как десять минут. Эмоциональность беседы лишь слегка сдерживалась интенсивным столичным движением. Наконец, необозримый мегаполис начал мельчать и потихоньку выродился в небольшие поселки. Они свернули на узкую дорогу среди берез и вскоре подъехали к Сашиной даче. Небольшой аккуратный деревянный, с одноэтажный с мансардой, дом встретил друзей жилым духом смолистой древесины. Таких домов на юге не строят. Там больше кирпич в почете. Но нет у кирпичных строений такого природного соответствия, как у деревянного дома. Обстановка в аскетическом слегка, но практичном стиле хорошо гармонировала с домом.

Они в четыре руки нарезали мясо и лук для шашлыка, замочили его в какой-то ускоренно замачивающей герметичной чудо – посудине и пошли на двор к мангалу готовить шашлык. Сама совместная сосредоточенная и слаженная работа приносила удовольствие. Казалось, что расстались совсем недавно. Наконец созрели первые порции, и они сели тут же за столик. Погода позволяла. Остатки серого снега еще кое-где лежали, но было градусов пять тепла. Подмосковье тоже радовало предвестьем весны. И было очень спокойно на душе. Разлили о рюмочке коньяку и с урчанием, обжигаясь, предались желудочной радости. Радости было еще много и это тоже радовало. Но всякий голод умирает с каждым новым кусочком. Как бы сделать наслаждение нескончаемым? Стали шутливо строить версии достижения бесконечного наслаждения. Бутылка была уже на исходе, поэтому и версий было в изобилии. Отметили и эту обратную зависимость жидкости и идей. Но тут Михаил неожиданно для себя изрек:

– Чтобы наслаждение было бесконечным, то величина его емкости не имеет значения. Значение имеет ее дислокация. Во как!

– Поподробней, с этого места.

– Ммм… Для того, чтобы я получал наслаждение, я должен

получать его не в себя!

С энтузиазмом продекларировал Михаил. И задумался… Александр понял, что нужно подлить топлива для креативности мышления и разлил остатки коньяка.

– И для более четкой формулировки, выпьем бокалы.

– Слушай, я уже чего-то не того. Не хочу. А, понял! Ты хочешь доставить мне удовольствие! Так?

– Так!

– А чего ты хочешь больше выпить или, чтобы мне было приятно?

– Второе, естессно!

– Вот и ответ. Ты хочешь для меня, а я выпью для тебя! Так мы друг другу доставляем удовольствие. Во как! Жаль, что это коньяк. Его много не выпьешь. Но вот если бы наслаждение было бы от нематериального источника, то получай ради друга, а он ради тебя бесконечно! Короче, мы нашли формулу счастья! Она во взаимной отдаче. А не во взаимной ммм… взяче! Стоп, стоп. Отмечать это не будем.

Они смеялись как в годы юности. Безо всякой оглядки на солидность, имидж и прочую чепуху. Затем убрали за собой, и, отрезвев от обилия мяса и легкого морозца в густых уже сумерках, подались в дом.

Расположившись в гостиной, спокойно уже заговорили о том, что произошло с каждым из них за прошедшие четверть века. Произошло много. И говорили, по этой причине, долго.

– Ну а в град-то стольный зачем?

Переходя к делам насущным, спросил Александр.

– Ты поверишь, до сих пор не знаю точно.

– ?

Михаил встал и достал из висящей на вешалке куртке книгу и вложенный в нее буклет с адресом в Сан-Франциско. Буклет протянул Александру.

– Вот здесь мне нужно быть в это самое время. Но вот как я не представляю!

– Хорошая компания. Это, пожалуй, самые именитые и перспективно мыслящие ученые. И даже ученый – каббалист. Я где-то слышал эту фамилию, но не силен по этой части. Виза в Штаты есть?

– Откуда? Я об этом вчера узнал, вечером.

– И как ты собираешься получить визу за четыре дня? Сутки на перелет. Это невозможно. Я в этом слегка понимаю. Миша, это что так серьезно?

– Серьезней чем все, что я делал за всю мою предыдущую жизнь.

Михаил сказал это тихо и совершенно спокойно. Александр внимательно посмотрел на него и сидел некоторое время молча.

– Я должен тебя отговаривать. Рассказывать о здравом смысле с приведением убедительных примеров. Но я почему-то думаю, что ты знаешь, что делаешь. Я попробую тебе помочь.

– Спасибо тебе. Видит Бог, я не за этим тебя нашел. Просто очень хотел увидеть. А так вот выходит…

– Брось, Мишка! Я и мысли такой не допустил бы. Ты мало изменился, такой же, как и был. Щепетилен до одури. Пойдем ка спать сладко. Сон и питание – основа летания! Помнишь еще? Я завтра свободен весь день – будем думать, что с тобой делать.

Указав на его комнату, ванную и где-то лежит, Александр пошел спать.

После всех процедур подготовки ко сну, Михаил сидел на кровати и пытался проникнуть в завтрашний день. Он открыл книгу. Она не поведала ему ничего нового. Человек всю свою историю строит фантазии относительно своих взаимоотношений с высшей силой. И большинство из них выстроены на страхе наказания. Но в этом нет никакой логики. Посмотрев на природу, мы увидим, что главный закон Природы – совершенный и полный альтруизм. Все, что она дает своим созданиям не требует никакой оплаты. Но и создания берут ровно столько, сколько необходимо, чтобы существовать, а то, что могут, отдают другим. И только человек не вписывается в этот закон. Он стоит вне его. И даже более. Все его деяния против этого закона. Он хочет всегда больше, чем ему реально нужно для существования. А сколько беды и боли это приносит? Но если человек примет решение жить по этому закону альтруизма, то он будет счастлив? Да нет, пытались построить подобные общества. Утопии, коммунизм. Это оказались самыми кровавыми экспериментами в истории. Так в чем же ошибка? Почему у человека даже самые лучшие, казалось бы, намерения заканчиваются бедой. И чем возвышенней они, тем больше бедствия! Эти мысли прогнали сон окончательно. Бродить по дому было неловко, не разбудить бы Сашу. Эх, спросить бы у Бааль Сулама. Почему нет? Прямо сейчас! А еще хотелось эксперимента. Можно ли достигать эффекта общения с великими каббалистами не только из дома? Он взял в руки книгу, встал на середину комнаты и сосредоточился на желаемом. Минуты три стоял статуей. Даже глаза закрыл. Затем разозлился. «Черт побери, да не смогу я без помощи выполнить того, что должен. Я имею права знать!» И… комната растворилась. Перед ним в полутьме стоял Бааль Сулам и улыбался.

– Проходите, Михаил, раз уж так требуете. Вы подсознательно выбрали самый эффективный способ получать

желаемое. То есть именно требовать. Но есть одно но…

Бааль Сулам весело подмигнул ему сквозь линзы очков.

– Если требование исходит искренне и не для своих потребностей. Это необходимое условие. И, кстати, пространство, как и время, тоже понятие условное.

– Я помешал вам? Простите! Но мне действительно нужна ваша помощь.

– Не беспокойтесь, я знаю это, и ждал вас, Миша. Вы позволите мне так вас называть?

– Почту за честь! Я собственно совершенно не могу представить, кого я должен найти в Москве и о чем говорить. Вы мне сказали, что это очень важно.

– Да это действительно важно! В развитии человечества бывают критические моменты выбора пути. Много раз уже оно было вынужденно идти к Цели более длинным, чем могло бы, путем. И принять большее количество страданий. Конечно же, человек не в силах изменить конечный пункт «маршрута» – он все равно достигнет Цели своего создания. Но вот с какими затратами? В этот выбор иногда можно вмешаться ради самих людей. Внести исправления в ход выполнения программы развития, но не в Цель. Для этого вы и терпите свои приключения. Не передумаете снова? Будет нелегко…

Бааль Сулам говорил, а Михаил внимательно слушая, наблюдал, как в Бааль Суламе проступает знакомый образ Ари. Даже движения похожи!

– Уже не передумал!

Михаил покраснел вспомнив свое желание все бросить и уехать к морю, к жене. И продолжил.

Я, конечно же, все еще мало, что понимаю, но обязательно пойму, если это вообще возможно! Я категорически не согласен с тем, что может произойти. Но, одновременно, я чувствую себя обычной марионеткой. Куклой, которую дергают за веревочки, а она танцует. Это мне не нравится. Где же, собственно, мои действия?

– Ну не без того. Хотя все еще сложнее, чем вам кажется. Это более глубокие понятия. Вы и это поймете со временем. Не сейчас.

Бааль Сулам задумался на секунду и пристально посмотрел на Михаила. И продолжил.

– У вас вопросы были, как я понимаю? Вы правильно задаете их. Почему, казалось бы, самые светлые побуждения, улучшить материальное положение миллиардов людей закончились гибелью многих миллионов и потерпели крах? Ответ прост. Дело именно в том, что цель улучшения материального состояния

человека не может привести к Цели творения самого человека. Это лишь часть пути развития человека. А истинная Цель – это приобретение свойств Творца. Человек, по замыслу творения, должен стать равным Творцу! А основное свойство Творца, которое мы можем изучить с помощью науки – это абсолютная любовь, абсолютная отдача творению. Эта цель столь велика, что люди даже бояться так думать. Но вы-то этого уже не боитесь?

Бааль Сулам улыбался знакомой улыбкой Ари. Михаил покраснел, вспомнив свои намерения свергнуть Творца.

– Ну хорошо, а причем здесь Москва?

– Тут все просто. Страна не имеет значения. Просто именно в России в вашем времени сложилась ситуация, способная снова ввергнуть человечество в хаос. После всех лет социализма, доказавшего свою несостоятельность, то, что создавалось трудом миллионов за, без малого столетие, было присвоено десятком проныр в одночасье. И, конечно же, существуют «небезразличные», талантливые люди с авторитетом в массах, которые готовы восстановить «социальную справедливость». Их же, в свою очередь, используют более умные и беспринципные люди в целях очередного дележа богатств в свою пользу. Этим все и закончится. Только прольется, как обычно очень много крови тех, кто вовсе ничего не получит. Но потрясения в России не могут не сказаться на всей цивилизации. А кое-что из возможных последствий вы уже видели в пещере.

При этом Михаила физически передернуло от воспоминания.

– Какова же моя роль в предотвращении таких событий?

– Ваша задача определить того человека, который будет использован в подобных целях власть предержащими и убедить его отказаться от «утверждения справедливости».

– ? Но я еще должен попасть в Америку! Зачем?

– Чтобы передать вашу книгу человеку, которого вы уже знаете. Вы должны торопиться. Времени в обрез. Хотя времени, как мы его понимаем, вообще не существует. Но вам потребуется смекалка и осторожность. У вас все получится.

Бааль Сулам снова широко улыбался. «Вот в этом я совершенно не убежден» грустно подумал растерянный Михаил, смотря на растворяющегося в воздухе Бааль Сулама. Разделся и лег. Сон еще долго не приходил. Крутились события последнего времени и видения в пещере…

– Вставай, Миша! Тебя ждут великие дела.

Глава 17
Невозможное возможно?

Голос Александра раздавался издалека. Еще не открыв глаза, вспомнил цитату: «Так, что у нас по расписанию? Ааа, в двенадцать тридцать – подвиг».

– Встаю.

Быстро душ, все дела и вниз на голос Александра.

– Садись, позавтракаем. Подумаем.

Служба обоих приучила плотно завтракать в любое время суток. На столе стоял готовый завтрак с элементами вчерашнего мясного излишества с приправой из крепкого кофе. Очень ценное дополнение.

– Я тут подумал, как тебе помочь? Есть одна мысль. У тебя загранпаспорт при себе?

Михаил с удивлением отметил, что фраза была произнесена на английском.

– При себе, конечно! Сейчас принесу.

Он ответил также на английском. И почувствовал разницу в произношении. Сказать прямо, не блестяще. Пока ходил за паспортом, вспоминал доступный словарный запас. Подготовка понадобилась, потому, что и последующий диалог проходил на английском.

– А ты зачем на английский перешел, Александр?

– А как ты думаешь общаться в Мексике и Штатах с аборигенами?

– Почему в Мексике?

– Это еще не сформировалось полностью. Я сегодня свяжусь с коллегами бывшими. Но язык вспомни – пригодится в любом случае. Кстати акцент, конечно, рязанский, но в целом неплохо. Много лучше, чем в училище.

Оба вспомнили, как Александр помогал Михаилу в сдаче зачета по иностранному языку. Это было очень забавно, потому, что тогда знания языка у Михаила не было по определению. Но он сдал зачет.

– Я поеду в Москву, скорее всего на целый день. А ты посиди здесь, отдохни. По лесочку можешь побродить. А можешь поваляться, почитать – книги сам найдешь. Телевизора здесь не держим. От него и в городе тошно.

– Да нет, пожалуй. Поеду с тобой в Москву, но путаться под ногами не буду. Есть дела, нужно найти того, не знаю кого.

– В каком плане?

– Ты понимаешь… Мне необходимо найти человека влиятельного, авторитетного и при этом относительно честного. Который призывает к восстановлению справедливости. Скорее всего, политика. Хотя подобное сочетание практически не встречается.

Александр задумался.

– Да уж! Хотя есть один такой, похоже. Сейчас набирает вес и доверие народа, так сказать. На волне недовольства этого самого народа результатами перестройки. На него уже и толстосумы, похоже, глаз положили. И наши и иностранцы. Денег сулят сколько душе угодно.

– Так зачем же они ему денег хотят дать, если он хочет их у них отнять?

Александр посмотрел на наивного Михаила пристально.

– Переделят имущество, так называемого народа его руками, да и выбросят. Это самый простой способ решать свои финансовые интересы. Кстати, самый популярный во все времена. Макиавелли не читал?

– Так-так. Очень похоже. А как его зовут и как к нему попасть?

– Ты что, Миша в политику намерился податься? Не твое это дело, поверь на слово!

– Нет, ходил я уже туда ненадолго, так что плавали, знаем. Мне просто встретиться нужно и поговорить. Все на этом и закончится. Даю слово!

Александр еще пристальней посмотрел на Михаила. Тому очень хотелось все рассказать другу. Все в подробностях, но он чувствовал, что еще не пришло время, но придет еще.

– О’кей. Зовут деятеля Андрей Кирсанов. Базируется он в парламенте, возглавляет там фракцию. Как депутат, в принципе, должен быть доступен народу. Ну а как в реалиях – не знаю. Слушай, Мишка, скажи мне, какого черта я тебе решил помочь? Полный бред какой-то.

Михаил подошел к нему и, обняв, сказал тихо и уже на русском:

– Спасибо, Сашка.

– Да ну тебя! Короче, поехали. Созвонимся по мере решения поставленных задач и встретимся где-нибудь. А экзамен по языку – считай, сдал. Я вообще не хотел тебя так долго мучить, да заговорился. Оба засмеялись и пошли к авто.

Михаил стоял перед массивным зданием парламента взирал на сутолоку озабоченных, быстро передвигающихся людей. Почти все они обладали различной конструкции портфелями последней, как он предположил, моды. И на всех была печать причастности.

А вот на нем самом этой печати явно не хватало. Он ловил на себе их недоуменно-высокомерные взгляды. Ну прямо ходок к Ленину. Деревенщина лапотная. Правда, в этом был и свой плюс. Можно было глазеть на все с раскрытым ртом и задавать любые вопросы. Этим и стал заниматься.

После десятка неудачных попыток получить информацию, нарвался на девицу, судя по всему, душевную не по профессии, а может родом не из Москвы? Она довольно толково все объяснила. Спасибо большое! Для достижения подъезда нужного номера пришлось пройти еще полкилометра. Он представил количество сотрудников здания такого размера и понял, что изобилия в стране не предвидится. Слишком много управленцев на одного трудящегося.

Найдя нужный подъезд, вошел в дверь невообразимой высоты и попал в бдительные руки постового на входе в фойе. Кто такой, откуда, зачем, документы. Отрапортовал четко, по военному, соврав только, что из периферийного отделения фракции для получения необходимых указаний высокого руководства. Убедил себя, что ложь может быть во спасение. Чего? А всего человечества! Достойная причина, но, будучи пропущенным, в храм демократии, все-таки почувствовал легкий, но непродолжительный стыд. Четкость ответов понравилась постовому, и по указанному им направлению нашел соответствующий коридор с явными признаками искомой фракции.

По мере приближения к нужному ему отделу постеры с портретом лидера увеличивались количественно и размерами. Прочитал и запомнил лик и полное имя спасителя Отчизны и «отца обездоленных» – Андрей Павлович Кирсанов. Наконец, открыв дверь, оказался в приемной с образцово – показательной секретаршей. На профессиональном конкурсе секретарш – первое место. Несомненно! «Какова цель прибытия, к сожалению именно сегодня прием уже окончен, ваше посещение очень ценно для фракции, очень, ну очень жаль, следующий приемный день через четыре дня, оставьте реквизиты и вам обязательно ответят письменно». Все с улыбкой с безукоризненной артикуляцией и сочувствующим взглядом. Из всего сказанного понял: первое – что Хозяин на месте. Она пару раз с опаской взглянула на дверь кабинета Самого. Второе – не пустит в кабинет даже под страхом расстрела на месте.

– Спасибо!

Выйдя в коридор, задумался. Его не устраивали сроки. Никак. Кинуться через секретаршу и взять кабинет на абордаж не вариант. Повяжут сразу и в кутузке потом сидеть не пересидеть.

Оставалось положиться на случай. Чтобы не привлекать внимания снующих по коридору клерков и охраны он взял блокнот, и, подойдя к самому большому постеру очевидно с программой фракции, стал переписывать тезисы, их не читая. Сам же внимательно следил за дверью приемной. И случай подвернулся! Дверь отворилась, и Андрей Павлович появился в проеме, устало в полуобороте что-то указывал секретарше. Михаил изготовился, не представляя, что будет делать. Тот, договорив, двинулся прямо на Михаила. Когда они поравнялись, Михаил, сразу успокоившись, просто сказал:

– Андрей Павлович, я Михаил Тихомиров и у меня к вам дело чрезвычайной важности.

Кирсанов также устало и без удивления взглянул на Михаила.

– Простите, но я сейчас очень занят. Запишитесь, пожалуйста, на прием в секретариате и я вас выслушаю.

– Андрей Павлович, у меня нет времени. У вас тоже.

В глазах Кирсанова появилось удивление, и сквозь деловитую усталость во взгляде пробился вопрос. Михаил спокойно смотрел ему прямо в глаза.

– Что вы имеете в виду?

– Я не сумею вам изложить то, что вам надлежит узнать ни в коридоре, ни на ходу. Но могу повторить, что дело именно чрезвычайной важности. Добавлю лишь то, что это не связанно с политикой, но вас и страны касается впрямую.

Такая туманная фраза потребовала напряжения даже для мозгов, работающих только на политику не один год. Как результат в глазах появился интерес.

– Я могу выделить вам десять минут не более. Я очень надеюсь, что вам этого будет достаточно. Проходите в кабинет.

Это Кирсанов сказал уже с оттенком раздражения за вынужденную уступку. Они проследовали в колонну по одному в кабинет Кирсанова мимо секретарши с округлившимися глазами, несмотря на ее вышколенность. Михаил понял – то, что она видит, разрушает ее представления об основах миропорядка. Они вошли в просторный кабинет с массивным столом хозяина и с не менее массивными примыкающими к нему столами человек на двадцать сидельцев. Все было натуральное и очень дорогое. Михаил осознавал, что не сможет сказать чего-либо внятного и, главное убедительного, он просто не знал с чего начать. Кирсанов утонул в шикарном рабочем кресле и смотрел на Михаила как в амбразуру среди пяти или шести телефонов.

– Присаживайтесь. Я вас слушаю.

Михаил, не отдавая себе никакого отчета, начал рассказ со

своей краткой биографии и дальнейшим переходом на подробное описание событий и разговоров с Ари и Бааль Суламом начиная с распития спиртного в забегаловке по текущую минуту. Удивление, смешанное с праведным негодованием, ознаменовало начало изложения событий в хронологии. Рука Кирсанова потянулась к телефону на столе. «Охрану вызвать хочет, чинуша чертов», зло подумал Михаил ни на секунду не прерывая изложения. Но рука депутата не добралась до цели. Михаил продолжал, стараясь не сбиваться, и смотреть прямо в глаза народному заступнику. Таких критических моментов с решением, вызвав охрану, прекратить изложение было три или четыре. Но всякий раз, слуга народа не доводил задуманное до исполнения. Наконец, Михаил добрался до текущего момента и перевел дух.

– И что же вы хотите от меня?

– Я хочу, чтобы вы реализовали свои сомнения и не осуществили свои планы.

– Откуда вы знаете о сомнениях и планах? Вы что экстрасенс?

– Отнюдь нет. Я думаю, что вы достаточно умны, чтобы понимать свою роль в не вами написанном сценарии. Вы надеетесь только на поддержку масс установлении попранной справедливости. И еще на то, что вам удастся переиграть реальных сценаристов грядущих событий. Их то вы тоже знаете. Но вы сомневаетесь в успехе. И вы достаточно умны для того, чтобы представить последствия в случае вашего неуспеха. Разве не так?

Кирсанов с нескрываемым удивлением и неприязнью смотрел на Михаила.

– Почему я должен поверить тому бреду, что вы мне рассказали о встречах с великими каббалистами, ангелами и прочей чепухой.

– Я не преследовал цель убедить вас мне поверить. Я должен был с вами поговорить и рассказать о том, что рассказал. А вы уж решайте, что делать. Я сам три дня назад, услышав подобный рассказ, посчитал бы его нездоровой фантазией. Но теперь я так не считаю. Вы сейчас пытаетесь применить рассудок для анализа. Но разве все самые трагические события в истории не плод четких построений рассудка. С прекрасными побуждениями вдобавок. И каков итог? Я повторю вам то, что недавно услышал в свой адрес. Попробуйте не поддаться разуму, а почувствовать! Научитесь чувствовать.

– И как же этому научиться?

В словах Кирсанова звучал неприкрытый сарказм.

– А я не знаю, как можно научиться. Возможно, вслушаться в себя? Вы умудрились продвинуться в политике столь высоко, но

сохранить совесть. Или ее остатки. Отсюда ваши сомнения. Но именно «разум» вам сейчас мешает, как и мне, впрочем.

Михаил взял листок для записей со стола и, написав, знакомый ВЭБ адрес, пододвинул его Кирсанову.

– Вот на этом сайте я прочитал многое и в том числе то, что предпочтительней не делать ничего, нежели сделать что-то, не будучи убежденным. То, что я узнал здесь, перевернуло все мое представление о действительности. Потрудитесь посетить его, почитать. И почувствовать меру своей ответственности за те сотни тысяч людей, которые вам верят и за те миллионы, которые пострадают от доверия к вам. Не рассчитать разумом, а именно почувствовать.

Михаил боялся, что Кирсанов вот-вот сорвется и пошлет его, куда в силах был послать, но тот молчал и сидел смирно. Повисла продолжительная пауза. Затем Кирсанов взял в руки листок с адресом. Михаил понял, что его миссия в этом кабинете выполнена.

– Мне пора. Прощайте, Андрей Павлович. Я надеюсь, вы не думаете, что вольны выбирать что-либо. Это трагическое заблуждение. Относительно себя я уже точно так не думаю.

Михаил поднялся и пошел к выходу. Кирсанов молчал и не шевелился. Пройдя мимо секретарши, смотревшей на него с трепетом увидевшей чудо богомолки, он выпорхнул на улицу. Десять отведенных минут обернулись полутора часами драгоценного государственного времени. Воистину, хочешь повеселить Бога – расскажи ему о своих планах! Вздохнул всей грудью с наслаждением, и поймал себя на ощущении из детства. Когда каждая следующая минута жизни желанна и манит новым знанием. Первый раз за много лет.

Он стоял на какой-то улице и соображал, что делать дальше. Времени вагон и маленькая тележка. Все сейчас зависит от Александра, а мне-то что делать? Учиться – вот что. Найти Интернет-кафе и продолжить познавать непознанное современными методами. Пошел пешком – пройтись, на Москву поглазеть. Минут сорок бродил, предоставив ногам выбирать путь. На одном из перекрестков среди толпы взгляд его выхватил две знакомые коренастые фигуры в черных куртках с капюшонами. Сразу стало тревожно. Что за чертовщина! Все попытки более точно идентифицировать фигуры со своими знакомцами не привели к успеху. Толпа была похожа на закипевший суп из людей. Ну конечно показалось!

Шел и размышлял на тему: способен ли человек строя планы, их осуществлять. Опыт, сын ошибок трудных, подсказывал, что этот вопрос требует прояснения. Не все с ним так просто, как

кажется. Наконец наткнулся на искомое заведение. Там сидела та же публика, что и в любой провинции. Это особая новая порода молодых, в массе своей, людей, которым не интересен мир за пределами монитора. Не самый плохой способ ухода от жизни в сравнении с массовыми алкоголизмом и наркоманией. Хотя, кто знает, чем это закончится с развитием виртуальных технологий? Оплатил время и проследовал знакомым путем в недра виртуального мира. На знакомом сайте сразу наткнулся на статью по теме, о которой только что размышлял. Ну надо же? И углубился в чтение:

«Есть ли свобода воли?

В одной древней молитве говорится: «Боже! Дай мне силы изменить в моей жизни то, что я могу изменить, дай мне мужество принять то, что изменить не в моей власти, и дай мне мудрость отличить одно от другого».

На что же именно в нашей жизни мы можем влиять? Достаточно ли отпущенной нам свободы действия, чтобы менять свою жизнь и судьбу?

Почему человек естественным путем, от природы не получает этого знания?

Несмотря на то, что в основе нашей природы лежит лень и здоровый эгоизм – желание максимального получения при минимальных усилиях – почему мы, в отличие от животных, совершаем необдуманные и неэффективные поступки?

Возможно, мы действуем там, где уже все запрограммировано заранее и наше участие должно быть намного более пассивным?

Возможно, в большинстве случаев жизни «Аннушка уже пролила масло», а мы-то считаем, что ход событий зависит от нас?

Возможно, мы вообще должны перестроить свою жизнь и не относиться к ней так, будто мы что-то решаем, а предоставить ей течь самой по себе, самим же устраниться и действовать лишь в тех сферах, которые подвластны нашему влиянию?

Неразумные поступки совершают дети, потому что их развитие (так определено природой) происходит неосознанно или под влиянием инстинкта. Взрослый человек определяет цель, и желание достичь ее дает ему энергию для движения к ней.

Очевидно, мы ошибаемся именно в определении

пределов наших возможностей в достижении цели. То есть мы желаем достичь невероятного или изменить то, что неподвластно нам.

Природа не дает нам информации о том, в каких поступках мы действительно свободны, а в каких существует лишь иллюзия свободы. Природа позволяет нам ошибаться – как каждому человеку, так и всему человечеству. Ее цель – привести нас к разочарованию в своей способности изменить что-либо в этой жизни и в самих себе, чтобы все мы оказались в состоянии полной растерянности и дезориентации относительно того, «как дальше жить?» И тогда, остановившись, смогли бы определить, на что же мы в состоянии влиять.

СВОБОДА ВОЛИ

Суть свободы

При общем рассмотрении свободу можно отнести к закону природы, пронизывающему все стороны жизни. Мы видим, что животные в неволе страдают. И это свидетельство того, что природа не согласна с порабощением любого творения. И не случайно человечество сотни лет вело войны, пока не достигло некоторой степени свободы личности.

В любом случае, наше представления о свободе очень туманны, и если мы углубимся в ее содержание, то от него почти ничего не останется. Ведь прежде, чем требовать свободы личности, мы должны предположить стремление к свободе у каждой личности. Но прежде надо убедиться, способна ли личность действовать по свободному желанию.

Наша жизнь – между наслаждением и страданием.

Если проанализировать действия человека, мы обнаружим, что все они являются вынужденными и были совершены по принуждению. Ведь внутренняя природа человека и внешние обстоятельства вынуждает его действовать по заложенному в нем алгоритму поведения.

Потому что природа поместила нас между наслаждением и страданием. И нет у нас свободы выбрать страдания или отвергнуть наслаждения. А все преимущество человека над животными состоит в том, что человек способен видеть отдаленную цель и поэтому готов согласиться на известную долю страданий, видя в будущем компенсирующее вознаграждение.

Но на самом деле, тут нет ничего, кроме расчета, когда оценив пользу, мы находим ее предпочтительней

боли и согласны перенести боль ради наслаждения в будущем. Так мы идем на хирургическую операцию и еще платим за нее большие деньги, готовы много трудиться для обретения выгодной специальности. И все дело в расчете, когда вычитая страдания из ожидаемого наслаждения, мы получаем определенный положительный остаток.

Так устроены все мы. А кажущиеся нам безрассудными и не расчетливыми – романтики или жертвующие собой – не более, чем люди с особым видом расчета, для которых будущее проявляется как настоящее, и столь явно, что во имя него они готовы сегодня пойти на необычные для других страдания, которые понимаются нами как жертва, подвиг.

Но на самом деле и в этом случае организм сознательно или подсознательно производит расчет. Известно психологам, что в любом человеке можно изменить приоритеты, приучить его производить расчеты так, что из самого большого труса получится герой. В глазах каждого человека можно возвысить будущее настолько, что человек согласится на любые лишения ради него.

Отсюда следует, что нет разницы между человеком и животными. А если так, то не существует свободного, разумного выбора.

Кто определяет наши наслаждения?

Кроме того, что нет у нас свободного выбора, мы также не выбираем сами и характер наслаждения. Это происходит не по нашему выбору и свободному желанию, а в соответствии с желаниями других. Мы не выбираем моду, образ жизни, увлечения, досуг, пищу и прочее – все это выбирается в соответствии с желаниями и вкусами окружающего общества. И не лучшей его части, а большинства.

Ведь нам удобнее вести себя проще, ничем не обременяя себя, но вся наша жизнь скована условностями вкусов и манер общества, превращенными в законы поведения и жизни. А если так, то скажите: где же наша свобода? И если так, то получается, что нет нам ни вознаграждения, ни наказания ни за какие наши поступки.

Почему все же каждый ощущает себя как индивидуальность? Что в каждом из нас есть особенного? Какое свойство в нас мы все-таки можем

независимо менять? Если оно существует, мы обязательно должны выявить его из всех остальных свойств, развивать только его, потому что все остальные будут реализовываться поневоле».

Статья настолько захватила его, что он не вписался в оплачиваемое время. Пришлось отрываться от нее и доплачивать. Время вынужденного отрыва от чтения показалось бесконечным. Он снова погрузился в чтение и добрался до выводов:

«– весь этот мир и наше пребывание в нем предназначены только для того, чтобы мы в течение жизни раскрыли высший мир;

– части первая (животная) и вторая (человеческая) в нас не существуют сами по себе, и их роль определяется лишь той мерой, в какой они способствуют реализации нами третьей части – (духовной), то есть своей миссии, которая и состоит в развитии стремления к высшему, в раскрытии высшего мира, пока мы пребываем в этом мире. Все действия человека оцениваются только в мере их связи с его духовным продвижением, потому что именно духовная его часть должна пройти изменения;

– части первая и вторая в нас изменяются не сами по себе и не в зависимости от наших желаний, а только в мере необходимости реализации духовной (третьей) части;

– в своих поступках, связанных с действиями в частях первой и второй, мы лишены свободы воли, они жестко заданы в нас природой, составляя жесткий каркас нашего строения. выбирая же поступки в своем духовном развитии, мы определяем тем самым все остальные наши состояния в частях первой и второй – животной и человеческой – и, конечно же, в части третьей;

– отказываясь от бесплодных действий, связанных с желаниями телесными и человеческими, и концентрируя свои усилия в раскрытии высшей природы, высшего управления, человек тем самым получает возможность управлять всем в этом мире (в части первой и второй). Иными словами, путь к управлению этим миром лежит через высший мир. И это понятно: ведь из высшего мира нисходят к нам все сигналы управления, все события, и они предстают в своем законченном виде перед нами. Поэтому отказ от реализации своих желаний через этот

мир, отказ от бесплодных попыток наполнения в этом мире – это отказ от бесплодных попыток изменить свою судьбу, а раскрытие высшего мира означает включение в общее управление мирозданием».

Вывод поразил Михаила. Он сводил воедино догадки и предощущения от всего, что прочитал и пережил за последнее время. Вновь стала выстраиваться, еще конечно очень смутная, картина, разрушенная увиденным в пещере. И тут зазвонил телефон. Звонил Александр.

– Михаил, как твои дела? Ты освободился?

– Цель достигнута, но результат не в моей власти. Я свободен, как вольный ветер.

«А вот это вряд ли. В свете того, что прочитал и прочувствовал, это было явной натяжкой. Но насколько мы привыкаем к иллюзии свободы? Наверно, она нам очень нужна, эта иллюзия. Для развития» подумал параллельно.

– Тогда место встречи изменить нельзя? Ты сможешь туда добраться?

– Минут через сорок с уверенностью.

– Заметано!

Михаил начал определять ближайшую станцию метро. Он не любил Москву. Она не соответствовала темпу его мироощущения. Точнее наоборот. Но все равно не любил. И москвичей тоже, хотя понимал, что будь они иными – не жить им в Москве. Но вот, что было в Москве хорошего, так это метро. Он шел, спускался и поднимался на эскалаторах, и, глядя на это количество чужих друг другу людей движущихся по «своим» делам в хаотичном порядке, думал о той потрясающе сложной и красиво выстроенной системе управления, способной свести людей для какого-то необходимого системе взаимного воздействия в одно место в одно время и с одним намерением. Он вдруг представил себе этих людей в виде разнонаправленных векторов некоей силы осуществляющих это взаимовлияние. И он для каждого из них тоже является вектором? Но каждый несет в себе целый мир. Следовательно, то, что он видит, есть взаимное переплетение целых миров! Боже, как сложно. Крыша может съехать. Выбравшись из метро, быстро дошел до известной скамейки. Ждать пришлось совсем недолго.

– Ну, вот и я с вестями. Готов к путешествию?

– Всегда готов!

Александр очень пристально посмотрел на Михаила, с которого тут же слетел легкомысленный вид.

– Тогда слушай. Вопросы потом.

Они сели на лавочку и Александр, предварительно закурив, начал инструктаж, иначе не назвать. Михаил внимательно слушал и не перебивал, но услышанное, по мере изложения Александром сути, приводило его в тихий шок.

– Ты, Михаил Тихомиров, сотрудник МЧС, который в составе аэромобильной группы завтра на рассвете отправляется в Мексику для оказания гуманитарной помощи пострадавшим от наводнения. Пункт назначения Мехико, а оттуда, наземным транспортом в район бедствия. У тебя в Мехико есть тетушка, старая и богатая. Попала она туда после войны из Германии, куда была угнана на работы в детском еще возрасте. Она одинока. Ты совсем недавно нашел ее адрес и намереваешься навестить. Старший группы, и только он, знает о твой «семейной проблеме». Как человек отзывчивый, он готов закрыть глаза на твое трехдневное отсутствие на территории Мексики. Группа сможет и без тебя четко выполнять свои обязанности. Ты по прилету позвонишь «тетушке». При нем, но не при остальных членах группы. При необходимости «она» подтвердит твое родство. После этого ты найдешь моего товарища по адресу, который я тебе дам. Он тебе поможет во всем остальном. После выполнения своего дела в Штатах, ты обязан вернуться в Мехико и соединившись с группой МЧС вернуться в Россию. Ты точно готов?

– Точно.

Бодро отрапортовал Михаил, но это было далеко от истины. Он совсем не так представлял себе путешествие в Штаты. Эта версия с самого начала выводила его на очень скользкую дорожку. Дурные предчувствия начинали сбываться. От желания тут же отказаться от этого плана удерживали только события последних дней.

– Тогда поехали домой собираться. Осталось пять часов до прибытия на аэродром.

По дороге на дачу Александр расспрашивал о том, как прошел день. Очень удивился, что его приняли в неурочное время. Похоже, он знал порядки в подобных заведениях. Михаил описал все технические подробности, кроме сути разговора. Ему снова очень захотелось все досконально рассказать другу. Но и в этот раз слова застряли внутри, не выйдя наружу. Александр деликатно не спрашивал.

На даче первым делом плотно поели. Александр давал инструкции по поведению в возможных ситуациях. Очень кратко, но толково. Михаил запоминал. Дал имя, адрес и телефон своего товарища в Мехико. Заставил выучить наизусть. Проверил.

Михаил не выдержал и рассмеялся. Ну, прямо Штирлиц и пастор Шлаг. Александр шутку довольно резко не поддержал.

– Ты бы подумал еще раз. Все ли ты делаешь правильно. Ведь и собой рискуешь и людей подставить можешь!

– Прости, не подумавши, брякнул. Я действительно не могу отступиться. Поверь, все будет нормально!

Сразу посерьезнел. Будет ли? Михаил совершенно не был в этом уверен. Похоже, пришло время начинать по-настоящему верить. А это очень трудно. Отметил про себя.

Александр же продолжал. В Штатах полицейских обходи десятой дорогой. Но если прихватят, не сопротивляйся – могут пристрелить. Они там пуганые. Взятку не предлагай – будет хуже. Они не то, чтобы не хотят взять, но не берут. Служба дороже. Если нужна помощь, попроси у людей. Люди везде одинаковые. Точно такие же, как и у нас. Не выдумывай никаких экзотических версий. Врать ты не умеешь – спалишься сразу. В трущобы не суйся. Передвижение безопаснее всего автостопом. И так в этом же духе все время, пока ели и собирались. Из багажника Александр принес сумку с мчсовской формой. Одел – в самый раз. Саша собрал немного продуктов в пакет и сунул Михаилу. Отдал загранпаспорт с визой в Мексику. Михаил перегрузил свою одежду в сумку Александра. Проверил все карманы новой формы для привыкания и, в самый надежный, положил книгу и буклет о встрече ученых в Сан-Франциско.

– Ну, сядем на дорожку?

Сели, посидели секунд десять молча.

– Поехали! Нам еще часа три ехать.

Ехали практически молча. Михаила одолевали сомнения. Перебрасывались незначительными фразами. Дорога была незагруженной, и вдруг, черный джип при обгоне резко крутанул вправо наперерез. В свете фар Михаил увидел лицо одного из почитателей его книги, смотрящего сквозь заднее стекло. Казалось, он смотрел Михаилу прямо в душу. Александр среагировал, чудом уйдя от столкновения сойдя с асфальта шоссе на обочину. При резком торможении на гравии машину развернуло на сто восемьдесят градусов, после чего Александру удалось остановить ее. Джип на большой скорости скрылся в ночи.

– Напьются и за руль, ездюки хреновы!

Выругался Александр выезжая на дорогу с обочины. Михаил не был уверен на сто процентов в том, что видел именно своего знакомца. Показалось? Действительно пьяные какие-то? Здравый же смысл его закричал «Остановись, Миша. Ты, что делаешь?! Зачем ты, как последний идиот, продолжаешь эту игру абсурда?

Ты ведь не только будущую жизнь ставишь на кон, но свое прошлое». А теперь вот и Сашина жизнь оказалась под угрозой. Раз пять у него возникала решимость остановить все это. Он уже открывал рот, чтобы все рассказать Саше и вернуться домой. Но слова застревали в горле. Перед глазами вставали картины увиденные в пещере. Ну и где же тут свобода выбора?

Глава 18
Люди разные и одинаковые.

Аэродром МЧС встретил их привычным с юности запахом керосина. Оба вдохнули его с ностальгией. На КПП Александр позвонил кому-то через коммутатор. Вышли, закурили. Молчали. Минут через десять подъехал газик и из него к ним подошел мчсовец примерно их возраста.

– Добрый вечер. Я старший отряда Валентин Иванов.

Поздоровались. Александр, указав на Михаила, представил его.

– Вот ваш новый боец, Михаил Тихомиров. Любите и жалуйте. Он в вашем распоряжении, а я поехал домой.

– Прошу в машину. Едем сразу к самолету. Все уже загружено. Вылет через сорок минут.

Александр и Михаил подошли к «Вектре», достали сумку и обнялись.

– Удачи тебе! По возвращении жду звонка.

– Спасибо тебе, Сашка! Большое!

Пока ехали к самолету, Михаил, сидя сзади, рассмотрел Валентина. Крепкий, загорелый не по сезону и совершенно седой мужик. Все мысли уже где-то впереди, возможно в Мексике в глуши, накрытой бедой. Подъехали к двум Ил – 76. Турбостартеры уже свистели, распространяя керогазный дух. Вокруг сновали авиатехники, делая свою работу. Отряд догружал в самолеты всякую мелочь. Вся техника уже была в грузовых отсеках, закрепленная в штатных местах. Михаил отметил деловитость и спокойствие членов отряда. Оно передалось и ему, немного волновавшемуся. Он тут же стал что-то таскать в самолеты, кому-то помогать, поддерживать. Словом вернулся в годы службы в авиации. Таких погрузок на его веку было много, а работа в команде это особое состояние, дающее ощущение уверенности в том, что ты нужен.

Наконец все погружено и объявлено общее построение. Михаил встал в строй и так же как все гаркнул «я», услышав свою фамилию. Погрузились в самолет. Нашел себе место и уселся. Руление, взлет, шасси, механизация, долгий набор высоты. Задремал, как делал это всегда, перелетая на транспортниках. Часа через три проснулся. Народ занимался кто чем. Читали, играли в нарды, карты. Он походил по салону. В иллюминаторах ночь. Подался к кабине экипажа. Не пересекая дозволенной границы, понаблюдал за работой пилотов и штурманов. Спросил

сколько лететь, условия по маршруту? Вышел командир экипажа. Хлопнул по плечу весело.

– Что, интересно?

– Да. Нравится.

– Что хотелось быть пилотом в детстве?

– Еще как!

– И что помешало?

– Да ничего не помешало. Стал.

– А чего не летаешь?

– Отлетал свое.

– На чем летал?

Михаил назвал все типы и где служил.

– Так ты истребитель. А сколько налет?

– Три тысячи часов.

– Ну ни хрена себе? Сейчас и в транспортной авиации столько не всякий налетает.

Завязался профессиональный нескончаемый разговор, продолжившийся в кабине пилотов, куда Михаилу уже был разрешен доступ в любое время. Чем он и воспользовался, чтобы не слишком мелькать перед глазами мчсовцев. Последние часа три перед посадкой съел харч, заготовленный Сашей. Спал. Все спали, кроме экипажа.

Изменение режима полета вытолкнуло из сна. Началось снижение с эшелона и маневры в воздушном пространстве большого аэропорта Мехико. После посадки долго рулили в дальний угол аэропорта к отдельно стоящей группе разнотипных разгружающихся транспортных самолетов.

Зарулили на стоянку и вышли в теплый и влажный воздух Мексики. Вокруг сновали грузовики и люди, разгружавшие самолеты. Мчсовцы приглядывались к самолетам и людям. Затем стали приветливо выкрикивать имена узнанных знакомых. Те махали приветственно в ответ. Валентин подошел и объяснил, что это самолеты таких же отрядов из Германии и Франции. Будут работать там же. Встречаются уже не первый раз в местах, где нужно спасать людей.

– Ну, что, Михаил, я знаю о вашем деле. Вы можете ехать и успеха вам. Отлет в Россию неизвестно когда. Вы можете узнавать информацию у диспетчеров аэропорта и в местном министерстве по чрезвычайным ситуациям в Мехико. Сейчас подойдите к той группе – он показал рукой – там местные пограничники ставят отметку о проходе границы. Любой водитель грузовика вас подбросит к аэровокзалу, где они выезжают за пределы аэропорта, а там вы разберетесь. В случае экстренных обстоятельств обращайтесь в посольство. Я пошел – очень много

работы.

– Спасибо вам большое, Валентин, до встречи. Все будет в порядке. Удачи.

Михаил подошел к столу установленному прямо рядом с самолетом, где сидел усталый мексиканский пограничник и, не глядя на подателя, шлепал печатью в паспорт. Отстояв короткую, быстро идущую очередь, он получил шлепок в свой паспорт делающий его пребывание в Мексике легальным. Михаил, забрав свою сумку, остановил грузовик, делающий очередной рейс и попросил подбросить до аэровокзала. Си сеньор! Улыбчивый смуглый мексиканец.

– Туу хот.

Сказал он, показывая все свои зубы в улыбке, тыча пальцем в свою рубаху с короткими рукавами и в куртку Михаила. Тот понял, что ему мешало уже полчаса и начал разоблачаться. Мексика! Проезжая ворота с полицейским, открывающим шлагбаум, несколько сжался. Что тот будет спрашивать? Полиция тоже улыбалась. Рашн сейфти сервис вэлкам! Метров через двести от шлагбаума водитель остановился, показав на здание аэровокзала пальцем. «Спасибо, браток». Идти пришлось недолго, но разница температуры в Москве и Мехико дала о себе знать. Еще не пройдя полпути стал мокрый как мышь. Снял и нижнюю куртку, оставшись в одной футболке. Книгу и паспорт для надежности переложил в брюки. Зайдя внутрь вокзала, нашел обменный пункт и обзавелся местной валютой. Приглядел телефон – автомат и по памяти набрал номер. Было немного боязно, а вдруг не ответят?

– Хэлоу.

– Простите, я Михаил Тихомиров. Могу я услышать мистера Роберто Ривейра?

– О, Майкл, я вас ждал, мне позвонил Алекс. Садитесь в такси и приезжайте ко мне. Езды около часа. Адрес помните?

– Да, спасибо. Помню.

Спустя час глазения по сторонам оказался на тихой улице респектабельного района города, перед калиткой двухэтажного красивого дома облицованного белым камнем в глубине небольшого дворика. Нажал кнопку звонка. Замок калитки щелкнул и Михаил прошел во дворик, тщательно закрыв калитку. Навстречу ему шел высокий полноватый типичный мексиканец с потрясающими пушистыми усами и улыбкой радушного хозяина.

– Добро пожаловать в мой дом, Майкл! Рад познакомиться. Мой друг, Алекс, мне рассказал о вас много лестного.

– Я также счастлив познакомиться. Я надеюсь, что не доставлю вам много хлопот.

– Я рад помочь другу моего друга.

Они прошли в просторный холл. Дом в стиле мексиканских сериалов. Как в Мексике. Сострил про себя. Роберто указав на кресла перед столиком, пошел куда-то и вернулся с кофе и коробкой сигар. Они расположились, и со вкусом закурили сигары, запивая превосходным кофе. Сколько не утверждают в рекламе о качественном настоящем кофе из Бразилии, Мексики и иных стран – производителей кофе, кофе в России это бледная тень того, что пьют в этих самих странах.

– Алекс мне сказал, что у вас дело в Соединенных Штатах. И что оно не коммерческого и не политического плана. Он также попросил меня помочь вам попасть в Соединенные Штаты.

– Именно так. Мне крайне необходимо попасть в Сан-Франциско к полудню двадцать второго марта.

– Два дня… И один на возвращение в Мексику. Очень малый срок. Я постараюсь помочь вам, но не гарантирую комфортных условий. Если бы времени было побольше!

– Я готов добираться туда любым способом, включая пеший порядок, но боюсь, не успею.

– Ну, я думаю, неудобства будут не столь радикальны. Вы располагаете суммой примерно в полторы тысячи долларов?

– Да.

– В связи со столь сжатыми сроками, придется платить. Я вас оставлю одного. Располагайтесь, отдыхайте. Силы вам понадобятся. А я поеду разрешать вашу проблему. Дайте мне ваш паспорт.

Роберто показал Михаилу его комнату и ванную. Михаил же приглядел себе тенистый уголок во дворе с шезлонгами и столиком. Растительность во дворике была шикарна и тщательно кем-то отрепетирована. Чувствовался уровень дизайнера. Торчать в комнате в Мексике было полным абсурдом. Только мексиканцы могут этого не понимать. После душа, Михаил сменил форму на свою одежду и, с наслаждением, растянулся в шезлонге в ожидании Роберто, вдыхая ароматы растений. Впечатления, смешанные с беспокойством о предстоящем проникновением в Штаты, вертелись и вертелись… Разбудил его щелчок замка калитки. Роберто шел, улыбаясь. Похоже, было, что его улыбка имеет постоянную прописку на лице. Хотя глаза выдавали, что в жизни было всякое. Михаил подскочил. Внутреннее ощущение времени и ощущения отлежанных частей тела говорили, что он спал не менее трех часов. Так и подвиг проспишь!

– Майкл, я не хотел вас разбудить. У нас еще есть немного времени и лучшее, что вам нужно – это поспать.

– Ну что вы, Роберто. Я этим занимался все время вашего

отсутствия.

– Крепкие нервы. Алекс мне говорил, что вы пилот.

– Да, был им некоторое время.

– Ваша скромность похвальна, Майкл, но я знаю, что вы много полетали. От Алекса, конечно. И, тем более, что вам предстоит авиапутешествие.

– Из всех видов путешествий авиационные – самые предпочтительные. Для меня.

Роберто как-то скептически усмехнулся. Михаил не заметил ухмылки.

– Итак, вы, Михаил Тихомиров, гражданин Мексики, удрученный низким уровнем жизни в этой стране, пробираетесь в Соединенные Штаты Америки, влекомый, так сказать, мечтой о свободе от материальных проблем. То есть вы незаконный иммигрант.

– Да, но я гражданин России!

Встрепенулся Михаил. Он не ожидал такого поворота событий. Дважды вне закона – это уже явный перебор. То ли еще будет! Однако отступать уже некуда. Вокруг Мексика.

– Не волнуйтесь, Майкл. Вы и остаетесь в своем статусе. Это нужно для того, чтобы в случае вашего «провала» в Штатах, они бы вас просто выдворили из страны в Мексику, как тысячи других мексиканцев. А здесь мне вас значительно проще вытащить.

Михаил вовсе не успокоился, но Роберто продолжил.

– Вы через полтора часа летите в Ла-Паз, а оттуда в Энстенаду. Там вас будут ждать и переправят в окрестности Сан-Диего в Штатах. Далее выведут на надежных людей, и вы продолжите путь в Сан-Франциско. Вот вам карта этого района – изучите ее и мексиканский паспорт. Да, возьмите с собой не более трех тысяч долларов для того, чтобы не вводить в искушение ваших проводников. Остальные деньги и российский паспорт оставьте у меня. Купите надежный сотовый телефон, а лучше два. В любых сложных ситуациях звоните мне. Я постараюсь помочь. Возвращаться вам нужно к ближайшему пограничному пункту с Мексикой. Вы мне заранее сообщите и я вас встречу. Скорей всего это будет в Эль-Сентро или в Мексикали.

– Роберто, огромное вам спасибо. К кому мне обратиться в Эстенаде?

– Сказать честно, спасибо Алексу. Это его работа. Он, конечно, не рассказал вам обстоятельства нашего знакомства. Он приличный и скромный человек. Но у меня нет никаких ограничений, я могу рассказать о нем. А в Эстенаде вас сам найдут. Не волнуйтесь.

– Я с удовольствием выслушаю. Это очень интересно.

– Мы были в своей профессии, но как бы вам сказать, с разных сторон. Государства всегда имели спецслужбы. Но в этих спецслужбах работают люди. Просто люди. И они ошибаются и проигрывают. Тогда противоборствующая сторона оказывает верх. А от людей отказываются свои же, коллеги. Такова профессия. Алекс, который мог поступить со мной как любой победитель и продвинуться, возможно, в карьере, не стал этого делать. Он, понимая, что я уже отыгранная карта, и не смогу оставаться в профессии, дал мне возможность остаться человеком. Это дорогого стоит. Тогда я понял, что люди везде живут одними и теми же идеалами. Разводит простых людей по разные стороны только корыстные интересы небольшой группы людей, владеющих деньгами, а через деньги властью. Простым людям нечего делить. Я бы сказал, что им есть чего объединять. И это никакой не марксизм или что-то подобное. Просто жизнь.

Они разговаривали еще минут сорок – пятьдесят, затем, перекусив в близлежащем ресторанчике, вызвали такси. Михаил оставил Роберто еще и свою мчсовскую форму.

– Удачи вам, Майкл. Как называют Алекса его друзья?

– Саша.

– Я буду держать Шаша в курсе.

Михаил крепко пожал руку Роберто и, не поправив произношения имени Саши, погрузился в такси. Час езды в аэропорт под непрестанное экспрессивное бормотание водителя на чистом испанском языке. Михаил отличал лишь ежеминутные обращения к Богу. Что поделать – темперамент. Он, под аккомпанемент шофера, думал о том, какие фантастические извивы делает судьба человека. И как это отражается на их дальнейшем развитии. А еще о том, что человек, старается заглянуть за горизонт и увидеть, что его ждет там? Через день или месяц, или год. И страдает от неизвестности. Но не видит главного. Свей главной Цели. Он думал о том времени, когда все люди, без исключения узнают о своем настоящем предназначении. Каким тогда станет мир?

Михаил, сориентировавшись в расписании, взял билет на местную авиалинию в Ла Паз, и, практически без ожидания, погрузился в Ан-24. Успел только купить два сотовых телефона и SIM-карты с роумингом на Штаты. Знакомый тип самолета обрадовал. Раскраска его правда превышала фантазию даже буйную. Она была явно навеяна богатейшим миром пернатых Мексики. Но это дело вкуса владельцев авиакомпании. Сколько раз он летал этими самолетами! И надо же в Мексике встретил знакомца. Два часа воздушный извозчик исправно трудился в

воздушном пространстве. Сервис в самолете был не первоклассный, но, в общем, чистенько. После посадки в Ла Паз, Михаил справился о рейсе на Эстенаду и приуныл. Рейс будет только завтра. И то после обеда. Если будет, конечно. Повеяло Россией.

Все аэропорты мира похожи и различаются только классностью. Чем дальше от столицы – тем проще. Но проще и нравы. Он пробрался к диспетчерам и узнал, что возможно через час туда полетит грузовик, и что его может взять пилот, но с ним нужно договориться, а это сложно. Характер ни к черту. Где найти? А скорей всего в баре. Пьет пиво и играет на автоматах. Пиво? Как найти? А спросите у бармена – покажет. Сюжет становился чуть живее. Пошел в бар. Накурено как в преисподней, темно и душно. Подошел к бармену спросил, как найти пилота с грузовика на Эстенаду? Да вон он игральный автомат пинает. Продул все. А автомат причем? Фортуна спиной, понимаешь. Чем дальше в глубинку, тем английский более похож на испанский. Ну да ладно. Есть еще и жесты. Как зовут? Сеньор Фернандо! Уважительно. Не дон Педро же. Нормально. Купил две бутылки пива, подошел к сеньору Фернандо. Тот здоровый белокожий и рыжий, весь в игре, остервенело дергает рукоятку автомата. На мексиканца точно не тянет.

– Хэлло, сеньор Фернандо!

Фернандо даже ухом не повел. В кулаке его были еще пара монеток. Ладно, подождем. Еще пара попыток и закономерный результат. Разбогатеть на халяву не получилось. Математика – против нее не попрешь.

– Хелло, сеньор Фернандо!

Фернандо, медленно поворачивает головы кочан и видит Михаила. Фокусирует взгляд, окидывает с ног до головы.

– Чего надо?

– Я бы хотел вас угостить пивом и поговорить. Меня зовут, Майкл. Я из России.

– Откуда?

– Из России.

– И чего вы хотите?

Хороший английский. Кстати, в английском нет слова «ты». Но произнести его можно так, что кроме «ты» заподозрить ничего иного не получится. Но пиво это смягчающее обстоятельство. Бутылку взял. Отхлебнул.

– Я хочу долететь до Эстенады. На вашем самолете.

– Это не хорошая идея.

– Почему?

– Потому, что мой самолет не пассажирский. И все, кто

пробовал слетать на нем, больше этого не хотели. Никогда. А мне приходилось платить дополнительно бригаде уборщиков.

– Я готов лететь. А в случае, на который сеньор Фернандо намекает, я готов оплатить уборку в двойном размере.

– Сеньор, я вам продолжаю не рекомендовать лететь.

– Сеньор Фернандо, а я продолжаю вас просить взять меня на борт. Ваши ожидания не оправдаются.

– Двести баксов. Вперед.

– О'кей. На борту, сразу после взлета.

Михаил понял, что Фернандо не откажется от побочного заработка. Игра потрепала кошелек. Но, судя по тому, как его назвал бармен, мужик он неплохой.

– Пошли на борт.

Михаил, подхватил сумку и двинулся за Фернандо. Тот, зайдя к диспетчерам в полном молчании не оглядываясь, пошел на летное поле. За шеренгой частных, лощеных «Цесн» стоял музейный экспонат. «Дуглас» с задним шасси. Михаил видел такой только один раз еще, будучи курсантом. Его перегоняли именно для музея. Это самолет, выпущенный еще до второй мировой войны. В СССР его производили по лицензии, и назывался он Ли-2. Внешний вид самолета не производил впечатления агрегата способного летать даже отдаленно. Степень ободранности окраски превосходила все, что он видел даже на самолетных кладбищах. По гондолам двигателей виднелись потеки масла и чего-то еще. В представлении Михаила, летавшего всю жизнь на сверхзвуковых истребителях, где к исправности техники относились с должным вниманием, эту машину в воздух никто бы не выпустил. Однако, сам напросился.

Они вскарабкались в салон. Фернандо проследовал в кабину пилотов, а Михаил примостился на груде ящиков накрытых крепежной сетью. Уборщики не были здесь очень давно. Зачихали двигатели и к его удивлению вышли на малый газ. Порулили. Взлетная. Михаил удивился, что на борту нет ни второго пилота, ни авиатехника, положенных по штату. Фернандо что-то кричал диспетчерам в микрофон. Михаил вспомнил анекдот «А по радиостанции пробовали?». Ну, поехали. «Дуглас» несколько раз отрывался и вновь плюхался на полосу. Наконец оторвался. Михаил прикинул количество ящиков и понял, что перегруз составляет едва ли не больше чем вдвое. «Экономика должна быть экономной!». Но не до такой же степени! Фернандо все же удалось вытащить машину на высоту эшелона, и они потащились вдоль побережья метрах на ста пятидесяти. Скорость потрясала воображение. Она вряд ли превышала сто двадцать. Он прикинул, сколько им пилить на этом раритете – получалось часов пять.

«Дуглас» неимоверно швыряло на эшелоне. Сеньор Фернандо и не пытался парировать болтанку. Через час болтанка доконала Михаила и он задремал. Проснулся оттого, что его кто-то тряс за плечо. Сеньор, сеньор. Открыв глаза, он близко увидел лицо Фернандо. И почувствовал запах пива.

– Мистер. Договаривались, деньги после взлета, а вы спите!

– Прошу простить, заснул.

Михаил достал двести долларов и отдал Фернандо. А кто самолетом управляет? Он точно знал, что автопилота на таком самолете быть не может. Его предположения подтвердились. Самолет плавно заваливался вправо и вниз. «Ван момент», буркнул Фернандо, и потопал в кабину, цепляясь за стенки фюзеляжа и ящики. Вот какая жажда наживы! С осуждением подумал. Он отсидел все, что можно отсидеть и пошел в кабину. Имею право за двести баксов на этом корыте!

– Можно, сеньор Фернандо?

– Валяй.

Тот показал на пустое кресло правого пилота. Михаил определил высоту, вспомнив пересчет метров в футы. Манера пилотирования отсутствовала в виду крайне редкого вмешательства пилота в управление.

– Почему не блюете сэр?

– Нет причины.

– Странный вы пассажир. Спите, вместо того, чтобы молиться. Обычно все так делают.

– Зачем молиться – так красиво вокруг.

Заходящее солнце пурпуром окрасило всю левую половину неба. Океан уже темнел. На его поверхности стали контрастировать белые барашки волн. Фернандо недоверчиво посмотрел на Михаила.

– Здесь тоска смертная. Я уже видеть эту красоту не могу.

И он неожиданно для Михаила стал рассказывать всю свою жизнь. Как прорвало парня. Родился в Штатах в Мериленде, учился, был в армии, женился, выучился на пилота. Все было хорошо, но затем увлекся игрой в казино. Попал в большие долги. Пришлось продавать все, что было. Все равно не хватило. Дернул в Мексику. Жена не захотела разделить мыканья на чужбине. Десять лет уже здесь. Ни кола, ни двора. Зачем живу? Старая как мир история. Михаил кивал сочувственно. Думал параллельно. А остался бы в Штатах, вернул долги. Выиграл бы миллион. Был бы счастлив? Да нет, вряд ли. Человека хоть золотом усыпь – счастья не будет. Если не знает, для чего живет. Фернандо не знал. Так в монологе с киваниями доползли до Эстенады. Ну слава Богу. На посадке в сумерках Фернандо выровнял самолет явно высоковато.

При такой перегрузке потеря скорости чревата серьезным падением. Михаил не выдержал и, ткнув штурвал от себя, а затем, подхватив, чуть выправил ситуацию. Припечатались все равно по полной программе. Но старый «Дуглас», судя по всему, видывал и похуже. Фернандо посмотрел на Михаила, но промолчал. Михаил тоже. Зарулили.

– Мистер, может быть, пойдете на ночлег со мной? Здесь не курорт, прямо скажем. У меня здесь есть квартирка.

– Спасибо вам за приглашение, но меня должны встретить.

– О’кей.

Глава 19
Фатализм – это хорошо?

Михаил направился к крохотному зданию аэропорта. Там кроме диспетчера принимавшего самолет Фернандо никого не было. Да и тот собирался домой. Почему Фернандо, кстати? Останется тайной. Вдалеке светился небогатыми огнями сам городок. При подлете Михаил его рассмотрел. Чуть больше средней деревни в России. Куда теперь? Где искать проводников? Время против него. Только подумал, как увидел свет фар приближающегося авто. Из подъехавшего раздолбанного всмятку Форда вылезли двое. В тусклом освещении на крыльце аэропорта они выглядели как в вестерне. Только кольтов на боках не висело. Ну и рожи, зарежут за три бакса. Роберто знал, о чем говорил, когда предупреждал Михаила. Подошли. Внимательно посмотрели тяжелыми взглядами на него. Стало чуть не по себе.

– Мистер Майкл?

– Си сеньоры, Майкл.

На «чистом» испанском радостно сказал Михаил. Получилось совсем неуместно. Точно.

– Мы говорим на английском, мистер Майкл.

С тяжелым нажимом на «мистере» произнес один из них. Никогда не знаешь где у этих деревенских больная мозоль. Но думать надо впредь.

– Мне говорил о вас мистер Роберто. Я просто упражняюсь в языке.

Поспешил заручиться авторитетом и разрядить обстановку. Орлы переглянулись и сочли, судя по всему вопрос закрытым.

– Поедете с нами, вылет на рассвете, езды четыре часа. Надо добраться до самолета вовремя.

Михаил не сразу понял, почему нужно добираться до самолета отъехав, от аэропорта на четыре часа езды. А, сообразил. С нелегальной полосы. Сел на заднее сидение в Форд, и они поехали. Дорога пролегала мимо Эстенады и отклонилась на северо-восток к горам, маячившим впереди. Впрочем, это скоро перестало быть дорогой. Из всего оборудования в Форде работали только фары. Но это была вынужденная необходимость. Без них на такой скорости не проехать и сотни метров. Машину кидало так, что Михаил не раз достал головой ее потолок. Пару раз они останавливались, и водитель доливал воду из канистры в радиатор. Кроткие живительные передышки. Двое впереди перекинулись не более чем десятком слов за все дорогу. Это была

явная компенсация за полет с Фернандо. Михаил тоже не стремился к задушевным беседам. После четырех, не преувеличили аборигены, часов скачки по прериям, они выехали к большой поляне. На поляне в свете фар он заметил еле видную колею среди травы. ВПП. Не первого класса. Он выбрался из машины с радостью, не поддающейся описанию. Суровость сопровождающих была вполне оправдана. Тяжелая работа – суровые люди.

– Пошли с нами.

Первые слова, обращенные к нему за всю поездку. Они шли, подсвечивая фонариком путь вглубь леса. Было прохладно. Одел куртку. Дошли до хижины, где их встретили еще человек пять сидящие и стоящие. Все как на подбор, такие же суровые, чернявые, усатые и молчаливые. Хорошая компания. Деревянный стол в центре помещения, лавки вокруг него и вдоль стен. Все из неструганых досок. За перегородкой из них же еще отдельная комнатка. Через открытую дверь видна современная радиостанция на столе. Над столом на гвозде висит израильский автомат УЗИ. Пара гранат Ф-1 рядом с радиостанцией. Неприхотливый быт тружеников границы. Все понятно!

– Сеньор, Майкл пройдемте.

Ну вот, то мистер, то сеньор. Пойми вас. Наиболее суровый видом мексиканец, сидевший за столом напротив входа поднялся и показал на соседнюю комнату с радиостанцией. Михаил бросил сумку на лавку и проследовал за ним. Уединение не имело никакого смысла, потому, что щели в стенах и малое пространство комнаты делали интим невозможным. Но начальник даже в дремучем лесу в богом забытом месте тяготеет к кабинету. А мы еще катим бочку на отечественных бюрократов.

– Сеньор, Майкл Вас переправят самолетом на рассвете. Он посмотрел на часы. Через полтора часа. Это будет стоить вам тысячу баксов здесь и пятьсот на той стороне. Вы готовы платить?

– Да, конечно.

Михаил достал отложенные полторы тысячи и, отделив пятьсот, передал их предводителю. Тот внимательно осмотрел купюры и сунул в карман. А интересно, что было бы, если бы я отказался платить. Были такие случаи?

– Сразу после посадки на той стороне Вас встретит проводник и вывезет в Сан-Бернандино. Далее – Ваши проблемы. Сейчас перекусим, и можете отдохнуть. С вами полетят еще двое пассажиров.

Они вернулись к коллективу. Все сели за накрытый уже стол. Шведский. В центре стола стояла сковорода с кусками мяса, вокруг нее стояли блюда с помидорами, вареной кукурузой,

картошкой. И стояла большая бутыль с мутноватой жидкостью, как в российской деревне сороковых годов. Стаканы только не граненые. Заграница. Съязвил Михаил про себя. Все сели и начали есть. Обошлись без сервиза. Налили всем, включая Михаила. Старший что-то коротко, но страстно сказал на испанском. Все загоготали одобрительно и треснули по первой. Самогон. Из кактуса? Пятьдесят градусов, минимум. Закусили плотно. Еще раз разлили. Еще раз закусили. Плотно. Еда закончилась. Все быстро убрали. Ужин (завтрак?) занял минут тридцать. Откровенно говоря, Михаил не мог уже дождаться следующего перелета. Самый тонкий момент, как он считал, был именно переход границы. А далее уже полегче. Ожидание всегда тяжелее действия. Он пошел в сторонку от хижины в сторону поляны прогуляться. И наткнулся на четырехместный самолет. В темноте было не разобрать его марку. Не важно, подумалось. Главное он здесь есть. Еще походил. Вернулся к хижине. Пора. Над горами небо стало светлеть. Рассвет в горах очень быстротечен. Часть людей уже ушла. Очевидно, готовить самолет к вылету. Старший бригады контрабандистов посмотрел на часы.

– Время. Пошли.

Они двинулись к поляне. Перед выходом на открытое пространство, Михаил отошел в сторону справить малую нужду. Перед вылетом. Впрок. По старой летной привычке.

– Михаил Сергеевич, Вам нужно быть собранным.

Михаил вздрогнул, поняв, что говорят на русском и очень знакомым голосом. В рассветной полутьме он слева от себя увидел Ангела. Очень засмущался, и передумал исполнять мероприятие.

– Самолет полностью готов к вылету. Но пилота с вами не будет. Торопитесь. Это все. Удачи.

Михаил, хотевший выплеснуть шквал вопросов, был остановлен жестом Ангела, держащим палец у губ. Ангел плавно растворился в усиливающемся свете утро. Вот те на! Вводная. Он ускорил шаг, догоняя «старшого». Они подходили уже к «Вильге», крашенному в камуфляж – маленькому четырехместному самолету чешского производства невесть как оказавшемуся в этой глуши. Хорошая надежная и простая машина для туризма и первичного обучения в аэроклубах. Все уже были рядом, а один, как он понял пассажир, уже сидел на правом заднем сидении. Пилот, как определил, Михаил, обходил самолет и осматривал агрегаты и органы управления. Второй пассажир тоже полез в кабину и сел рядом с первым. Михаил, кинув сумку на сидение, тоже вскарабкался на подножку, намереваясь сесть рядом с пилотом, справа. Все тихо, может, привиделся Ангел? Показалось,

конечно! Но тут-то и началось веселье.

Из-за горы нежданно выскочил вертолет и пошел прямо на них. С боковых пилонов что-то засверкало. Мама, дорогая, так он же, гад, палит по нам! Пулеметная очередь прошла слева и справа от «Вильги». И дальше как в американском боевике. Вертолет, пролетев над ними, начал заходить на второй круг. Ах, ты мля! Вы куда сукины дети! Назад! Заорал Михаил по-русски. Иностранные языки выключило. Команда контрабандистов, петляя, максимально быстро скакала к лесу. Возглавлял их отступление пилот. Второй пассажир толкал Михаила в спину. Тот, стоя на подножке, загораживая выход из самолета. Михаил пододвинулся, удерживаясь рукой за ручку на фюзеляже. Пассажир буквально выпал из «Вильги» и с низкого старта тоже рванул к лесу. Первый же вжался в кресло и сидел бледный с круглыми застывшими глазами. Только усы встопорщились. Михаил увидел и несколько открытых джипов со стороны, дороги быстро приближающихся к самолету. Солдатики. В лесу поймают как зайца. Тут только местным слинять по силам. Да и то вопрос. Выбор состоял из двух вариантов. Либо сдаваться, либо взлетать?

Взлетать! Он обернулся к пассажиру и заорал на него «Пи… кируй отсюда к бениной матери!». Тот еще больше вжался в кресло. Мало того, вцепился в борт. Ну, ты и дурак! Не знаешь ты, что сейчас будет. Михаил плюхнулся в кресло пилота, отыскивая кнопку «старт». Нашел, нажал. Двигатель вращается, но не запускается. Ноль! Блин, где же здесь что? Не знал, да еще и забыл! Нашел рукоятку воздушной заслонки. Потянул, не отпуская кнопки стартера. Чихает, но вращение теряет. Гады, экономят на аккумуляторах. Авиаторы сраные! Сейчас аккумулятор сдохнет и хана. Военнопленных берут или нет? Чих… и запустился. Прогреваться, родной, потом будем. Газу. Развернуло вправо. Дык, это же винтовая машина. Левой педалью выровнял. Поехали, родная.

Джипы поперли наперерез. Да вы куда, служивые. Это ж нарушение всех правил безопасности полетов. Не учили вас, безграмотные, черствые солдафоны. Стал забирать влево к деревьям. Они туда же. Клюнули курепчики. Джипы приближались. Он шел прямо. Солдаты должны думать, что он будет взлетать с этим курсом. Ан нет! Он довольно резко двинул педаль вправо на джипы, и одновременно дернул ручку управления на себя. Солдаты выскочили из джипов и полегли. Страшно, чертовы дети? Только один стоял во весь рост и палил в самолет из пистолета.

Михаил увидел знакомое лицо любителя чтения с ненавидящими глазами. Он точно, только без куртки с

капюшоном. Откуда ты здесь, козья рожа? «Вильга» прямо с правого шасси и хвостового колеса прыгнула в воздух. Чуть уменьшил угол атаки, чтобы не свалиться, благо поляна пошла вниз. Набрал еще немного скорости. Хватило проскочить над верхушками деревьев. Что дальше? Где вертолет?

Явно ж на хвосте. Начал крутить головой. Прижался к верхушкам деревьев. Двигатель воет на максимале. Прибрал обороты. А какая скорость? Предельная. Где же ты вертушка? А вот ты где. Вертолет, задрав хвост, несся справа наперерез. Пилоны посверкивают. Начал петлять бессистемно, чтобы ускользнуть из прицела. Вертолет, оказавшись в хвосте, пытался поймать «Вильгу» в прицел. Общее направление на север – там граница. Но Михаил понимал, что от вертолета ему не уйти. Скорости у того больше километров на пятьдесят. Здесь «Вильга» слабее. А пара пулеметов на пилонах довершают преимущество. Вот зажали!

Вертолет приближался. Михаил продолжал вилять зайцем прижимаясь к деревьям и вращая головой то вперед не зацепить бы кроны деревьев, то назад, где ворог. Попался на глаза пассажир. Жив, курилка. Не сладко тебе брат. «Возвращаться поздно» проорал пассажиру. Так, чтобы напряжение сбросить. Тот даже ушами не тряхнул. Во,во, отдохни. «Наша авиакомпания желает всем пассажирам приятного полета. Держись покрепче!». Его охватила веселая злость. По фюзеляжу послышались сухие щелчки. Как горохом сыпанули. Ах ты, собака серая, попал таки! Осмотрелся. По левому борту белый шлейф. Бензобак. Мне ж до границы – рукой подать. Сука, ты! Впереди заблестели извивы реки Колорадо. Штаты. Километров двадцать? Жуки отсюда родом. Колорадские. Всю картошку в России пожрали. Главная статья экспорта штата в Россию. Что-то нужно было срочно придумывать. Ну, держись падло!

И он завалил «Вильгу» в разворот, от которого крылья готовы были сложиться. Развернувшись на вертолет, пошел в лобовую. Единственный шанс – напугать пилота вертолета, чтобы отстал. Вот теперь на равных, браток! Машины неслись друг на друга.

«Сынок, ты только вниз не уходи. Там тебе кердык. В лес рухнешь. Ты бы влево забирал себе, согласно правилам полетов». Он мысленно просил пилота вертолета не допустить ошибки в пилотировании. По настоящему Михаил не злился на него. Ну выполняет парень свою работу. Контрабандистов гоняет. Он представлял его одним из своих курсантов, с полсотни которых выучил летать. Вертолет резко завалился влево и ушел с линии атаки с набором высоты. Молодец, сынок! И тоже завалил «Вильгу» в левый крен.

Он разворачивался на север, в Штаты. Стрелка топливомера падала на глазах. Надо бы набрать метров сто. Выше нельзя. Погранцы американские засекут тут же. Дотянем, лес стал редеть. Надо искать площадку. Пока набирал высоту, пристегнул и затянул ремни. На мягкую посадку рассчитывать не приходилось. Повернулся поглядеть, где вертушка. Она висела невредимая где-то далеко сзади. Ну и ладненько. Пока, сынок. Стало тихо. Двигатель остановился. Такое бывало уже. Только самолет был тогда сверхзвуковой. Ничего, сел же тогда. Но тишина в самолете – всегда признак хреновый. Справа километрах в трех заметил дорогу. Впереди подлесок. Надо садиться. Кочки кругом.

Первый удар самый крепкий. Даже привкус крови во рту. А дальше поехало. Стволы небольших деревьев срезало плоскостями, но они же и тормозили. Правая плоскость отлетела. Сразу развернуло влево и так, хвостом вперед застряли в густом кустарнике. Повернулся к пассажиру. Тот целый и невредимый, но никакой совсем. Вцепился насмерть в спинку переднего сидения и свернул его почти. Как же смуглый человек может так побледнеть? Наш лайнер произвел мягкую посадку в Соединенных Штатах. Тот ни гу-гу. Эй, братишка, пошли отсюда! Открыл ногой подклинившую дверь и выпрыгнул из почившей «Вильги». Пыль осела уже. Машина без бензина. Гореть не будет. Зеленая, как жаба. Значит, и не найдут ее скоро. Надо уходить подальше. Сейчас поисковые вертолеты будут прочесывать окрестности.

– Амиго! Вылезай.

Рукой позвал к себе. Никакой реакции. Бедолага! Залез обратно. Поочередно оцепил все десять пальцев и за шиворот потянул пассажира на себя. Тот, наконец, сообразил, что они на земле. И с прытью необыкновенной, завалив Михаила на кресло пилота, выскочил из останков самолета. Эй, камрад, ты куда! Товарищ! Куда там. Мексиканский иммигрант безошибочно, как гусь осенью, бежал на юг, на родину. Через минуту скрылся в подлеске.

Прихватив сумку, Михаил подался на север. Что впереди? Где ты Ангел? Спасибо, кстати. Решил идти на север, пока не выйдет на дорогу. На ходу по карте определил, что находится километрах в пятнадцати правее Эль-Сентро. Впереди должна быть дорога. Ее не проскочить – она поперек движения. О'кей. Сейчас не нарваться бы на местных – заложат сразу властям. Активировал оба телефона. Работают. Один сунул в джинсы. Второй в куртку.

Шел часа три осторожно. Иммигрант – нелегал все же. Вспоминал, сколько же раз в жизни высшая сила ставила его в

ситуации, из которых выйти без потерь было просто невозможно, но он выходил. И думал, что это он сам! Его награждали и хвалили. Он тоже был горд. Но как же все это кажется смешным сейчас! В конце третьего часах ходьбы по холмистой местности меж деревьев показалась дорога. Усилил внимание. Подошел вплотную под прикрытием кустов. Безлюдно. Перебежал дорогу и, углубившись слегка в кустарник, пошел вдоль дороги на запад. Движение не интенсивное, можно сказать очень вялое. Проскочили пару раз полицейские машины. Точно как в кино. С мигалками. К чему бы?

Дорога делала множество изгибов диктуемых холмистостью местности. Сообразил. Нужно найти левый изгиб покруче, подкараулить какую-нибудь фуру, она сбросит скорость, и попробовать залезть в нее незаметно для водителя. На левом повороте внешняя часть дороги будет недоступна его обзору. Это шанс. Он наткнулся на отвечающий этим требованиям поворот с подъемом и стал ждать. Пару раз мимо пропыхтели рефрижераторы. Не годится. Наконец, дождался. Слева показалась длинная, крытая брезентом фура.

Он забросил сумку за спину, и, улучив момент, догнал машину. Подпрыгнул на бегу ухватился за задний борт. Ему ужалось поставить ногу на какой-то выступ в конструкции. Удерживаясь левой рукой за борт, правой он пытался открыть застежку тента. Автомобиль вышел из разворота и стал набирать скорость. Стало посложнее. Рука соскальзывала, и пару раз он едва не сорвался. В кино это смотрится эффектней. А тут висишь как дохлый хомячок. В конце концов, он приоткрыл борт и, подтянувшись, воткнул тело в кузов. Лежал в положении кормой вверх несколько минут. Затем осмотрел кузов и, пройдя вдоль ящиков к кабине, устроился на сумке, частично прикрывшись ящиками. Отдышался. Отряхнул пыль и грязь с одежды. Интересно, куда едет этот фургон? Вот бы в Сан-Франциско! Это вряд ли. Часа через два движения на запад фургон остановился. Михаил, глядя через щелки, определил – заправочная станция. Водитель провозившись, минут двадцать, продолжил путь. Хорошо. Нужно отъехать подальше от границы – там спокойней.

Михаилу все никак не удавалось разглядеть указатели на дороге. Отверстия в новом тенте были маленькими, а скорость большая. Оставалось положиться на фортуну. В который уж раз? Он ехал и думал, как доберется в Сан-Франциско. Что он будет делать? Как найдет нужного человека? Бааль Сулам не сказал кто он. Сказал только, что Михаил знаком с ним. Прошло еще часа два с половиной. Времени в обрез. Задачка! Да еще и выйти по нужде хочется сильно. Очень. Он уже стал прикидывать, как это

сделать. Не на ходу же! И тут фургон остановился.

Михаил, схватив сумку, был готов вылезти из кузова. Прислушался. Тихо. Приоткрыл полог. Тихо. Выглянул осторожно. Увидел удаляющегося в лесок водителя. Товарищ по несчастью. И выпрыгнул из кузова, направившись в противоположную сторону от водителя. Справился быстро и скачками побежал назад к машине. Но водитель тоже выходил из леска. Что делать? Не лезть же у него на глазах к нему же в кузов. А куда? Вспомнил Сашу. Тот говорил «Передвигайся автостопом». Вот куда – в кабину. Дождался несколько обеспокоенного от невесть откуда появившегося возле его авто мужика.

– Хеллоу, мистер! Могу я попросить Вас подбросить меня на запад?

– Вы откуда появились сэр?

Резонный вопрос. Что тут скажешь? Саша говорил – не ври. Решил просто проигнорировать коварный вопрос. Авось пронесет?

– Сэр, я пробираюсь в Сан-Франциско, но у меня нет денег для комфортного путешествия, а мне туда очень надо. К тому же я в вашей стране совсем недавно и мало, что знаю.

– Иностранец?

– Да, я русский.

– Русский? Хотите остаться в стране?

– Вот этого я хочу менее всего. Сказать по правде я очень хочу домой.

Любой житель страны эмигрантов, коей США и являются на 99%, ревностно относится к новым согражданам. Такова психология эгоизма человека. И когда он видит человека, который не претендует на часть его пирога, проникается к нему с симпатией.

– А что не нравятся Штаты?

– Что вы сэр, очень нравятся. Но дома лучше. Я, знаете ли, считаю, что в гостях хорошо, а дома лучше.

– Это правильно. Садитесь. Я довезу Вас до Санта-Мария. А дальше вы сами. Там рукой подать.

Спасибо тебе Творец! Михаила не нужно было приглашать дважды. Завязалась беседа. Каковы нравы в России. Люди все одинаковые. Мы очень рады вашим переменам. А уж как мы-то сами рады! Родственники и тому подобная дорожная болтовня. Дорога иногда выходила к океану. Проезжали маленькие городки. По объездной дороге обогнули огромный Лос-Анджелес. Было весьма живописно. Раза три останавливались. Перекусили в ресторанчике. Водитель ни за что не соглашался, чтобы Михаил его угостил. Хороший парень оказался. Стемнело, ехали уже ночью. Природа точно в том же состоянии просыпания после

зимы, что и дома. И вот он городок с таким возвышенным названием Санта-Мария.

Парень своими разговорами отвлекал от мыслей, как там все будет, в Сан-Франциско? Он подъехал к стоянке грузовиков. Не поленился, обошел машины, зашел в кафе у дороги и, вернувшись, сказал, что Михаила готов подобрать водитель рефрижератора, но только до Салинаса. Расставались как друзья. Тезка, Майкл, дал свой телефон и адрес. Все как у людей. Стало даже жалко расставаться. Пока тезка! Спасибо тебе. На русском и английском.

Через полчаса он уже ехал в другой машине с таким же парнем и теми же разговорами. Михаилу и подремать не удалось. Но ведь именно для разговоров подбирают с обочин попутчиков. Салинас. Пока, спасибо! Большой город. Куда теперь? Ночь глухая. Три часа. Навалилась усталость от всех последних событий. В мотель Михаил сунуться побоялся. Кто его знает, как воспримут его мексиканский паспорт без визы, если вдруг потребуют? Непрекращающееся движение от Москвы уже серьезно утомило. Салинас, такой красивый, лучше не бывает для кого-то, но мне ты так не нужен! Михаил не знал, что ему сейчас делать. Мозги соображали уже с трудом. Он оказался в тупиковой ситуации. Оставалось четырнадцать часов до встречи ученых. У него оставалось еще полторы тысячи долларов. Ба, вот где выход! Нужно найти такси и за любые деньги добраться до Сан-Франциско – города на холмах. Еще полчаса убил на поиск такси.

Нашел у круглосуточного фастфуда. Нашел и таксиста – индуса, согласившегося довести его до Сан-Франциско. За пятьсот баксов. Не дорого. В свое время, будучи крутым бизнесменом, Михаил ездил в Киев на такси за семьсот. Сейчас было стыдно вспоминать, потому, что причина той поездки, по важности, никак не могла сравниться с этой.

Завалившись на заднее сидение, уснул сразу. Просыпался, когда останавливались перекусить, заправиться и засыпал сразу почти, как трогались в путь. Проскочили Сан-Хосе, отметил по указателям. Индус в сложнейшей конструкции чалме всю дорогу слушал музыку и молчал как рыба. Хорошо! Потянулись большие дома мегаполиса из сросшихся городов. Пало-Альто, отделяется от других только дорожным указателем. Он решил позвонить Роберто. Набрал номер.

– Алло, это Майкл. Я подъезжаю к Сан-Франциско. Все в порядке. Звоню, чтобы сказать и проверить связь.

– А Майкл! Я рад, что Вы у цели. Звонил Шаша, беспокоился. Я скажу ему, что все в порядке. Дальше, как договаривались.

«Шаша» точно будет знать. Михаил уже не сомневался в этом.

Почему люди такие разные внешне вдруг становятся близкими. И наоборот. Вроде все одинаково. Живут бок о бок. А далеки, как созвездия. Что объединяет людей и что их разъединяет. Михаил выспался и с волнением ожидал Сан-Франциско. От такси еще подзарядил телефоны. На всякий пожарный случай. Интуиция подсказывала, что в конце долгого пути не будет так все гладко. Но что? Вот он Сан-Франциско, Фриско, как его называют ласково местные жители. Чем ты встретишь чужака? Водитель стал петлять по городу в поисках адреса. Останавливался, спрашивал, снова блудил. Оставался час. Михаил стал нервничать, и, в конце концов, вышел из такси, отпустив бедолагу домой к жене и многочисленным деткам. Таксист был счастлив.

Однако попытки Михаила поймать местное такси нарывалось на препятствия. Ситуация оказалась похожей на соц. период в СССР. Такси были, но они не останавливались. Попал в прошлое. Михаил уже серьезно нервничал. Он, зайдя в магазин и купив сигарет, спросил, показав продавщице буклет, где этот адрес? Та ответила, что это на Канбер Холл и, что до него полчаса езды.

Он вышел на улицу и тут увидел двух своих знакомцев. Два братца из ларца, одинаковых с лица! Мать вашу. Да кто же вы такие, черт вас дери? Они стояли к нему спиной и, показывали полицейскому фотографию и тыча пальцами в сторону магазина, откуда Михаил вышел. Михаил практически не сомневался, что это его фото. Пока они его не увидели, он поспешил завернуть за ближайший угол и пошел, почти побежал подальше от этого места. Однако, оглянувшись, убедился, что маневр не возымел успеха. Он был обнаружен и опознан. Вот же сволочи! Он, уже не стесняясь прохожих, откровенно во все ноги улепетывал от преследователей. Скверно было то, что с ними был полицейский. Тот на бегу, что-то верещал в рацию.

Обложили, демоны! Сейчас вся полицейская рать подтянется, и приплыл! В кутузку. В Сан-Франциско, в получасе езды до цели! Как насмешлива иногда, бывает Фортуна. Только, что она была к тебе передом, а вот и задом. Обидно. «Ангел, где ты!» мысленно орал Михаил. Надо было давно уже курить бросить. Хотел же. Он и раньше не был бегуном, а сейчас и подавно. Он перешел на быстрый шаг. На бег. На шаг. Преследователи нагоняли. Он попробовал петлять по улочкам. Все, амбец. Визуальный контакт был плотным – не уйти. Он нащупал книгу в кармане куртки. На бегу засунул ее за пазуху. Зачем? Не смог бы ответить. Из последних сил рванул в какую-то узкую улочку.

И налетел на мотоцикл. Прямо в лоб. Удар лишил дыхания. Практически сидя на переднем крыле мотоцикла, он увидел над собой очень удивленные глаза громилы в черной косухе. Рокер

соображал, откуда Михаил на него свалился и что с ним теперь делать?

– Ты не ушибся кореш? Спросил рокер – ты откуда? Могу я чем-то помочь?

Видимо вид Михаила с красным от бега лицом и вылезшими от боли глазами впечатлил бородача и вызвал сочувствие. Ну надо же? Такой большой, ликом звероподобен, а чувствительный. Когда Михаил смог сделать вдох, он, путая русские и английские слова, прохрипел:

– К..к..кореш, доброс до Канбер Холла! Очень надо. Очень быстро. Плачу пятьсот баксов. А…?

– Пятьсот баксов, очень быстро. Ага. Садись кореш.

Лицо рокера приобрело мечтательное выражение. Михаил заставил себя пересесть с переднего крыла боевой машины рокера на заднее сидение. Никому! Никому и никогда он не смог бы признаться, что боится ездить на мотоциклах. Сзади. Он не просто боялся. Он очень боялся. Мечтательное выражение мужика не сулило ничего хорошего. А о чем может мечтать рокер? Все опасения Михаила оправдались. Тот рванул с места, подняв мотоцикл на заднее колесо. Михаил вцепился в рокера. Если бы у него хватило рук, и он смог полностью его обнять, Михаил его задушил бы, столь крепким было объятие. Но невозможно объять необъятное.

Они вылетели на улицу, с которой только, что свернул Михаил и пронеслись мимо близнецов и полисмена. Те ошарашено метнулись в стороны. Ветер свистел в ушах. Завыли сирены полицейских машин. Но в перегруженном транспортом городе у мотоцикла явное преимущество. Михаил от страха даже закрыл глаза. Но так было еще хуже. Вдобавок ему стало стыдно. На одной из узких улиц их с двух сторон зажали полицейские машины. Рокер свернул на еще более узкую. С лестницей в конце. Михаил видел, как это делают в кино, но сейчас сам поднимался на мотоцикле по лестнице наверх. Рокер с развевающейся на ветру бородой пел во весь голос что-то дикое и радостное и несся ему одному известным маршрутом. Притормозив чуть, он спросил. «Так куда тебе, кореш?». Михаил просто не смог ответить и молча подал ему буклет.

– А, я знаю, где это, сейчас там будем. Один момент. Михаил не сомневался. Осталось десять минут.

Они снова рванули. Через газон между дорогами. И еще через что-то. Через пять минут бородач и его стальной конь с обвисшим Михаилом на заднем сидении стоял на заднем дворе какого-то большого здания. Типа театра.

– Приехали, мистер. Канберр Холл. Только с тыла.

Рокер кожаной пятерней показывал на здание. К ним подходил нищий. Дай доллар.

Михаил, оказавшись на асфальте на собственных подрагивающих еще ногах, обрел способность мыслить. На тебе доллар. Он сунул ему десятку. Хочешь прокатиться, дам – пятьдесят. Конечно сэр. Михаил отсчитал рокеру пятьсот баксов, нищему пятьдесят. Снял куртку и дал нищему. Возьми, а то замерзнешь. Спасибо, господь будет к Вам благосклонен. Ага, еще как!

– Как Вас зовут, сэр?

– Рокеру.

– Энджел.

– Энджел? Спасибо вам, Энджел, Вы классно ездите! Я Вас буду вспоминать. Долго! Пожалуйста, доставьте человеку удовольствие прокатите. Перед парадным входом.

– С удовольствием, корешок. Я все понял.

Он подмигнул понимающе Михаилу. На лице Энджела снова появилась мечтательная улыбка. Мотоцикл рванул, вновь встав на дыбы. Михаил едва успел спрятаться за колонну. Из-за угла здания выскочила полицейская машина и тоже с визгом покрышек помчалась за рокером. На сидении рядом с полицейским сидел один из близнецов. Оба впились взглядом в удаляющийся мотоцикл. Прости меня нищий. Спасибо, Энджел. Ангел? На удивление не хватило ни времени, ни эмоций.

Глава 20
Путь важнее чем цель?

Михаил нашел открытую дверь, очевидно, служебного входа в здание, и проник внутрь. Что делать дальше. Где искать человека, которого, как сказал Бааль Сулам, я знаю? Пять минут. Он пошел вперед, вправо, влево. Коридоры. Тьма коридоров. Четыре минуты. Где же выход в фойе? Где люди, хоть какие-нибудь? А вот они, люди. Один людь, мать его! На пути его стоял полицейский. Михаил остановился, как споткнулся.

– Сэр, стойте там, где стоите. Правая рука на кобуре, левая предупреждающе вытянута вперед.

Михаила охватила дикая злость. Какого черта! Я преодолел двенадцать тысяч верст, втянул в это дело кучу приличных людей, которым будет несладко, если меня остановит обычный полицейский за три минуты до цели! От этого, может, судьба человечества зависит! На мотоцикле сзади ездил, в конце концов! Да кто ты такой? Хренушки!

– В чем дело офицер?

– Вы обвиняетесь незаконном пересечении границы.

– Это недоразумение. Мне очень нужно идти!

– Стойте, где стоите.

– Да пошел ты!

И он, задрав свитер, повернулся на 360 градусов, показав, что там нет оружия, выставил руки ладонями вверх, показывая мирные намерения, двинулся прямо на полисмена. Тот выхватил, тренированно, револьвер и двумя руками нацелил его в Михаила. Михаил не замедляя, но и не увеличивая темпа, пер на полицейского.

– Сэр, я буду стрелять.

– А ты попробуй, стрельни. В безоружного.

Михаил смотрел ему прямо в глаза. Стрельнет, пожалуй, кукла дрессированная. И встал во всей обнаженности и остроте вопрос желания достичь цели и веры в ее правильность. Он продолжал идти. Он видел, как поднялась и соскочила к бойку собачка револьвера. Видел вылетевший из ствола огонь и возникшую из огня пулю. Она летела, вращаясь в него. Медленно. Он удивился, почему она летит так медленно. Он видел полет пули! Но ему все равно не хватило времени уклониться. Однако произошло нечто совершенно странное.

Пуля, подлетая, становилась прозрачной, размытой какой-то. Сантиметров за двадцать она расплющилась о какое-то

невидимое препятствие и растворилась. Движение продолжало только некое слабо светящееся облачко. Оно лишь обдало жаром плечо, но летело следующее и следующее. Ощущение жара даже уменьшались с прибытием очередной потенциальной носительницы смерти. Он уже не пытался уклониться, а просто шел вперед. Полицейский стоял в той же позе и все нажимал и нажимал на курок. Но ничего уже не вылетало из ствола. Патроны закончились. Михаил был уже в метре от него. Глаза у полисмена были открыты до предела от полного неприятия происходящего. Очень хотелось сильно треснуть его по фейсу, но вместо этого, Михаил опустил ему руки с зажатым в них револьвером и, обойдя, пошел дальше не оглядываясь. Он был удивлен произошедшим, но как-то отстраненно. На миг. Все его существо стремилось вперед. Две минуты.

Пройдя еще три или четыре коридора, за поворотом он увидел фойе заполненное людьми разных мастей и возрастов. Там же стоял стенд с большими фото основных участников встречи, ради которой пришло столько народу. Напротив каждого фото были длинные списки научных званий должностей и премий участника. Одна минута.

В самом низу списка Михаил увидел фотографию мужчины в очках с тонкой оправой с совершенно седыми волосами и бородой. Напротив его портрета был список званий и регалий. Михаила поразило количество книг, написанных этим человеком. Двадцать две книги. Но главное, что он прочитал то, что этот ученый был каббалистом. И он вдруг вспомнил слова Бааль Сулама о цели его столь длинного и непростого путешествия в Америку: «Чтобы передать вашу книгу человеку, которого вы уже знаете». Да я его знаю! Ну конечно же! Его имя и фамилия встречались мне на сайте посвященном науке каббала. Сорок секунд.

Он начал шарить взглядом по фойе. Где, где возможно его разыскать? Время уже не стояло – оно стремительно летело. Лица, лица. Он начал пробираться через толпу в другой конец фойе, вращая головой. Зрение напряглось до предела. Некоторых пришедших, его вид даже пугал, и они поспешно уступали ему путь. Поначалу он извинялся. Сорри. Сорри. Сорри, черт возьми! Потом бросил. Он упорно продвигался. Тридцать секунд. Он застрял посередине толпы. Опаздывающие торопились в зал и не обращали на странного человека никакого внимания. Двадцать секунд.

Он чувствовал каждую из них. Просто они отсчитывались ударами его сердца. Десять секунд.

И он увидел того, к которому прошел, проехал и пролетел

столько миль. Он вышел из какого-то бокового коридора в сопровождении высокого худощавого парня, что-то ему говорившего слегка склоняясь из-за шума в фойе. Сам же невысокого роста, крепко сбитый, одетый в темный строгий костюм и снежно белую рубашку. Красный галстук с белыми мелкими квадратиками. Все обычно. Среднестатистический ученый. Но вот голова. Голова библейского персонажа. Однозначно. И даже очки в тонкой золотой оправе не вносили диссонанса. И еще поразило его стремительное передвижение. Общий образ не предполагал такой скорости даже отдаленно. Казалось, что пространство ему просто досадно мешает. Не деться никуда от него, а так убрал бы как помеху. Они встретились взглядами. Михаил, не соблюдая никаких уж приличий, рванулся на встречу, на ходу шаря за пазухой в поисках книги. Нашел, вытащил. Пять секунд.

Они приближались друг к другу.

– Мистер! – он от волнения мог вспомнить только это слово – Я Михаил Тихомиров. У меня есть к вам очень важное дело!

Заорал Михаил, перекрикивая шум голосов толпы. Полная женщина заслонила Михаилу ученого. Он никак не мог ее обойти. Масса людей уплотнялась, вползая в узости дверей. Три секунды. Но и ученый продвигался навстречу. Две секунды.

Дама сдвинулась с места, и Михаил, обнаружив щелку, просто нырнул в нее головой. Когда он выпрямился, ученый стоял прямо перед ним.

– Мистер, мистер!

Задыхаясь от волнения, проговорил он.

– Я Михаил Тихомиров. У меня есть к вам очень важное дело.

– Я знаю.

Ответил ученый совершенно спокойно на хорошем русском языке, и протянул руку за книгой. Причем не на идеальном русском, а просто на хорошем. Михаил передал ему книгу. Ноль.

Отсчитало его сердце. Есть, есть! Есть! Сердце начало новый отсчет. Чего? Он еще не знал, но очень надеялся, что чего-то хорошего. Он смотрел и видел в живых карих глазах ученого потрясающе знакомые смешливые искорки. Ученый шарил в кармане в поисках чего-то. Чего? А, ручки. Обычной шариковой ручки. И раскрыв книгу, стал в ней быстро, очень быстро писать, удерживая на весу. Скорость письма тоже поражала. Закончив, он передал книгу парню. Тот прочитал написанное и, тряхнув понимающе головой, возвратил ее. Ученый закрыл книгу и протянул ее Михаилу.

– Я говорю на русском. Спасибо. Возьмите книгу.

– Но я должен был отдать ее вам!

– Да. И вы ее отдали, но эта книга ваша. И всегда была вашей, кстати.

– Но я же ехал сюда именно чтобы ее отдать, я делал это ради всех людей.

Михаил был даже разочарован. Столько усилий! И это все чтобы получить книгу назад?

– А вот тут вы совершенно ошибаетесь. Все, что вы сделали – это пока еще только ради себя. Делать не ради себя вам еще предстоит научиться. Это очень непросто!

Он совершенно откровенно улыбался хитроватой добродушной улыбкой, глядя на шокированного Михаила. Тот не мог ничего сказать. Он ничего не понимал. Ну, совсем ничего, и стоял с зажатой в руке книгой.

– Поймете позже. Нам, однако же, пора. Приглашаю вас в зал. Уверен, вам будет интересно.

Он и его спутник пошли в тот же коридор, откуда пришли. Причем парень, широко шагая длиннющими ногами, с трудом поспевал за ученым. Михаил же все еще ничего не соображающий недвижно стоял толкаемый и ничего не замечающий там, где они расстались. Скопившийся в фойе народ редел, пока весь не втянулся в зал. Михаил совершенно безучастно наблюдал сквозь стеклянные панели фойе как к полицейским машинам, сгрудившимся перед зданием, шел полисмен, стрелявший в него в коридоре. Как он что-то говорил коллегам показывая, на двух знакомых близнецов. Как те что-то с ними выясняли, а потом, надев наручники, заботливо пригибали им головы, усаживая в машину. Кто же они такие? Это еще предстоит выяснить. Позже. Как вся кавалькльда дружно тронулась и строем и умчалась с веселым проблеском мигалок.

Он стоял и думал, что привело его из своей квартиры, привычной неказистой, но понятной жизни сюда, на встречу известнейших ученых планеты? Что с ним происходило все это время? Что за чудеса такие? И чудеса ли это? Критичная часть его «Я» требовала объяснений и проверки. Но он думал уже чуть иначе, чем все мы думаем обычно. Мы ставим вопрос почему? Почему все это все происходит со мной? Однако, он уже спрашивал, для Чего это происходит? Что бы ни произошло, он будет ставить вопрос именно так. Он сам начинал быть другим.

Наконец Михаил, обнаружив, что остался совершенно один, пошел в зал. Найдя свободное место сбоку, сел и стал слушать. Ученые выходили поочередно к трибуне и выступали. Обычная вроде бы научная конференция. Они выступали и говорили о той конкретно науке, которую каждый представлял. Но вот что они говорили, было необычно! Он не мог пропустить ни одного слова,

как, впрочем, и все сидящие в зале. Они говорили о том, к каким выводам пришла передовая наука. О научно-популярном фильме, сделанном на материалах их исследований и который взорвал представления человеке об окружающей реальности. Они говорили о выводах, которые невозможно было сделать еще десять лет назад. Однако Михаил все понимал. Мало того он уже читал об этом, но в древних книгах выложенных на сайте каббалы! И он видел, что их исследования имеют один общий недостаток. Они незавершенны. Они уперлись в некую стену, за которой понимание заканчивалось. Как ему казалось, он уже начинал смутно понимать почему!

Каббала изучала мироздание, начиная от начала творения и его, творения, последовательное огрубление и спуск из мира Бесконечности в материальный мир. Для каббалы материальный мир был лишь частным случаем духовного и являлся естественным его продолжением. Остальные же науки шли путем обратным. От материального мира, и используя материальные инструменты исследования, упершись в духовное пространство, естественно, останавливались. Для исследований духовного мира не подходят материальные инструменты. Он видел, и что эти выдающиеся ученые, всю жизнь посвятившие науке, готовы понять и принять методику науки каббала. Науки рассказывающей о Цели человека, о его безграничных возможностях и, главное, о том, как их достичь. Михаил предчувствовал, что его жизнь радикально изменится. К хорошему? Как бы хотелось! Впрочем, она уже меняется!

По завершению встречи люди не спешили выходить из зала. Он видел, как случайно оказавшиеся рядом люди, живо обсуждали услышанное. Случайно ли? Михаил теперь был убежден, что нет. Образовывались группы большие и малые, где люди спорили и соглашались. Не было никого, кто бы с постным видом покидал зал. Люди выходили в фойе и на улицу. Там продолжали разговаривать не торопясь расходиться. Михаил подождав, пока поредеют ряды людей с вопросами, обступивших ученых, подошел к группе сопровождавших ученого – каббалиста. Тот его, увидев, подозвал жестом и представил своим спутникам.

К своему удивлению Михаил, подойдя, почувствовал, что он давным-давно знает всех. Только не помнит откуда. И что он не испытывает никакого барьера в общении сними. Несмотря на то, что некоторые говорят на незнакомых языках. Он вглядывался в их лица. Он видел в каждом из них часть себя. А в себе часть каждого из них. И от этого ему было очень хорошо. Неужели эта та самая группа, о которой говорил Ари?

– Это только небольшая часть группы, молодой человек. Вы

познакомитесь со всеми. В свое время.

Как бы вторя его мысли, отвечал ученый. Все вокруг звали его Рав. Михаил не знал дословное значение этого слова, но безошибочно определил его как «учитель».

– Мы будем вас ждать к себе в Международную Академию Каббалы. Есть такое учебное заведение.

– Спасибо при первой возможности я обязательно приеду. А я тоже могу называть вас Рав?

– Ммм… вы, пожалуй, уже можете.

Он открывал ключом дверь своей квартиры с радостью ожидания встречи с женой. Она подхватилась из-за компьютера и кинулась ему на шею.

– Ну где же тебя носило? Я уже вся извелась!

– Да я застрял немного. В Подмосковье. Делал очень важное дело. А я тебе ожерелье привез. Оно твое.

– Какое красивое!

А разве Сан-Франциско находится в Москве? Но не так уж и далеко! А разве дело его было не важным? А то, как он добирался до границы в авто одного из его новых товарищей, как Роберто технично перевел его через пограничный пункт, как Александр встретил его в Москве и как он прилетел, наконец, домой – ну разве это может быть интересно женщине? А поэтому вовсе не обязательно об этом рассказывать. Он открыл свою книгу. После всех уже известных ему фраз он обнаружил новую. Знакомым почерком написанную. «Поздравляю с началом, майор. Пора за работу. У вас все получится. Рав».

Его, конечно же, ждут еще приключения и, главное, постижения бесконечно сложного, но такого невообразимо прекрасного Мироздания. И встреча с Богом. Ведь помимо веры нужна еще и проверка. Но…

Но это уже совсем другая история.

От автора.

Я записал эту историю со слов одного бывшего пилота, с которым мы случайно встретились в купе поезда идущего на Москву. Был конец курортного сезона, и билеты на самолет достать было просто невозможно. Поэтому вместо вполне логичных двух часов лёта пришлось ехать по железной дороге целых двадцать четыре часа. Но именно это обстоятельство позволило мне услышать рассказ моего товарища, Миши. Дело в том, что я тоже бывший военный летчик примерно одного с ним возраста. Авиация очень маленькая страна, где все пилоты друг друга знают если не лично, то заочно уж точно. Мы сидели и вспоминали своих сослуживцев. Курьезные, смешные и печальные моменты службы. А после ста пятидесяти грамм в вагоне ресторане, Миша рассказал мне эту историю. Верю ли я ему? Я очень много размышлял над рассказанным им. Естественно, у меня были сомнения и откровенное недоверие. Я, на правах коллеги задавал вопросы, не стесняясь в жесткости формулировок. Он отвечал, объяснял то, что сам успел понять. Двадцать четыре часа за минусом пары часов на сон, пролетели как мгновение. На вокзале мы расстались. Он пошел по своим делам в посольство, а я по своим в партнерскую фирму. Текущие заботы поглотили все внимание, но когда я вернулся домой, услышанная история всплыла в памяти и уже не выходила у меня из головы. Многое из того, что я услышал, мне было понятно и до нашей встречи. О многом я догадывался несмело, а его рассказ подтвердил мои догадки. Но ко многому, из рассказанного им, я совершенно не был готов. И я, не будучи человеком легковерным, не поленился и проложил маршрут его путешествия по карте. Затем, вспомнив основы штурманской подготовки, проверил соответствие времени полета и движения на автомобилях прохождению населенных пунктов. К моему удивлению все совпало с его рассказом. Но я пошел дальше. С помощью сына, так как я не знаток Интернета, я разыскал сайт, о котором Миша рассказывал. Признаюсь, с тех пор я его постоянный посетитель. Я также купил книгу Михаэля Лайтмана «Суть науки каббала» в двух томах и буквально проглотил их за неделю. Действительно, как и говорил Миша, в каббале мной не обнаружено даже следов мистики и иной приписываемой каббале чертовщины. Да, еще в рассказе Михаила имеется один пробел, который интриговал меня все время его повествования. Кто же такие те двое близнецов, которые столь активно ему вредили и даже угрожали жизни? Объяснение, а точнее его смутную догадку, я вплоть до

этих самых строк не мог принять, поэтому и не писал о ней ранее. Но не сейчас… Сейчас что-то во мне созрело иначе взглянуть на его предположение. Он сказал, что, возможно, в такой вот форме для него лично «материализовался» его же собственный эгоизм. Но почему их двое и каждый в отдельности сильнее его одного? А кто сможет сказать, только не торопясь, обдумав, что он сильнее своего эгоизма? А разве все человечество не стоит под угрозой тотального уничтожения именно из-за угрозы со стороны нашего всеобщего эгоизма? И что? Разве мы способны что-либо поделать с ним? Хотя бы для того, чтобы выжили наши дети! Но даже этот мощнейший стимул тут бессилен. Мне кажется то, что говорит каббала как методика обуздания именно эго с целью прохождения Пути развития Человека к Цели своего творения наиболее безопасным комфортным путем, имеет право на серьезное изучение. Далее пусть каждый выносит свое собственное суждение, но пробовать то стоит. Ведь погибнем все к чертовой матери! А еще я вычитал на сайте цитату, которая впечаталась мне в самое сердце. Ее когда-то произнес Менахем Мендель из города Коцка: «Бог обитает там, куда его впускают».

P.S. Я прошу прощения у тех читателей, кто достиг этих строк, за бессвязное изложение и литературное несовершенство данного опуса. Это первое сочинение автора после сочинения написанного на выпускных экзаменах в средней школе. А еще, попробуйте перевести на литературный язык разговор двух военных пилотов. Я посмотрел бы, как у Вас это получится. А вот почему я вынес в название непонятное словосочетание «Акарат а Ра»? Я и сам пока не знаю. Просто его несколько раз произнес Михаил Тихомиров.